

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА
Институт истории и филологии

**ЛИНГВИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ЛИНГВОДИДАКТИКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

**Функционирование и развитие языков
в условиях контактирования**

(Улан-Удэ, 26–27 апреля 2023 г.)

Типология художественных традиций в литературе

(Улан-Удэ, 30–31 марта 2023 г.)

Научный редактор

Е. А. Бардамова

доктор филологических наук, доцент

Ответственный редактор

Н. А. Дарбанова

кандидат филологических наук, доцент

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2023

УДК 82.09
ББК 83.000
Л 59

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета
Протокол № 6 от 28 сентября 2023 г.

Рецензенты

Е. В. Сундуева

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН

В. В. Башкеева

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы ИИФ БГУ

Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе
научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Л 59 **Лингвистика, литературоведение и лингводидактика в поликультурном мире** : материалы конференций «Функционирование и развитие языков в условиях контактирования» (Улан-Удэ, 26–27 апреля 2023 г.) и «Типология художественных традиций в литературе» (Улан-Удэ, 30–31 марта 2023 г.) / научный редактор Е. А. Бардамова; ответственный редактор Н. А. Дарбанова. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2023. 94 с.
ISBN 978-5-9793-1876-9
DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-1-94

Сборник посвящен 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора И. Д. Бухаевой, доктора филологических наук, 85-летию профессора С. И. Гармаевой. В двух частях издания представлены статьи по широкому спектру научных проблем литературоведческого, лингвистического, культурологического характера.

Адресовано студентам, аспирантам, преподавателям и широкому кругу исследователей, разрабатывающих филологические проблемы.

Linguistics, literary studies and linguodidactics in the multicultural world: materials of the conferences «Functioning and development of languages in contact conditions» (Ulan-Ude, April 26–27, 2023) and «Typology of artistic traditions in literature» (Ulan-Ude, March 30–31, 2023) / sci. ed. E. A. Bardamova; resp. ed. N. A. Darbanova. Ulan-Ude: Publishing Department of Buryat State University, 2023. 94 p.

The collection of materials is dedicated to the 90th anniversary of the birth of Doctor of Philology, Professor I. D. Bukhaeva, to the 85th anniversary of Doctor of Philology, Professor S. I. Garmayeva. The two parts of the publication contain issues on a wide range of scientific problems of a literary, linguistic, and cultural nature.

It is addressed to students, postgraduates, teachers and a wide range of researchers developing philological problems.

ISBN 978-5-9793-1876-9

DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-1-94

УДК 82.09
ББК 83.000

ISBN 978-5-9793-1876-9

© Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, 2023

**К 90-летию со дня рождения доктора филологических наук,
профессора И. Д. Бухаевой**

**К 85-летию со дня рождения доктора филологических наук,
профессора С. И. Гармаевой**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова 26–27 апреля 2023 года прошла очередная, третья по счету, международная научно-практическая конференция «Функционирование и развитие языков в условиях контактирования — 3», посвященная 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, отличника народного просвещения СССР, заслуженного деятеля науки Республики Бурятия Бухаевой Ирины (Октябрины) Доржиевны.

На информацию о конференции откликнулись ученые из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья. В работе конференции приняли участие научные сотрудники Института языкознания РАН (г. Москва), Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ), Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск), МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики» (г. Якутск), профессора, доктора наук Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Иркутского государственного университета, Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, кандидаты наук, старшие преподаватели, аспиранты, магистранты из разных образовательных и научных учреждений Китая, Монголии, Республики Саха (Якутия), Калмыкии, Тывы. Активное участие в работе конференции приняли преподаватели всех четырех вузов г. Улан-Удэ (БГУ им. Д. Банзарова ВСГУТУ, ВСГАКИ, БГСХА им. В. Р. Филиппова).

Желание принять участие в конференции выразило свыше 170 участников. Состоялось два пленарных заседания, работало шесть секций. Было заслушано около 70 докладов. Особо следует выделить работу шестой секции «Преподавание русского языка в школе: теоретические и методические аспекты (мастерская учителя).

Перед конференцией стояли задачи освещения многогранной природы языков в полиэтническом пространстве, их характеристики в системно-структурном, лингвокультурологическом, функционально-коммуникативном, лингвокогнитивном аспектах, углубления интеграционных процессов между БГУ им. Д. Банзарова, научными организациями и образовательными учреждениями и обобщения научного наследия профессора И. Д. Бухаевой, доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова.

Ирина (Октябрина) Доржиевна Бухаева — основатель научной школы по сопоставительной грамматике русского и бурятского языков. Научные приоритеты И. Д. Бухаевой связаны с фонологией. Диссертационное исследование Ирины Доржиевны «Типологическое сопоставление фонем и их сочетаемость в русском и бурятском языках» на соискание ученой степени кандидата филологических наук (1987) — первое систематическое исследование проблем фонетической бурятско-русской интерференции сегментного уровня. В диссертации «Речевая сегментация в русском и бурятском языках (в аспекте универсального и специ-

фического)» на соискание ученой степени доктора филологических наук (1998) звуковая система бурятского языка впервые исследуется с позиции когнитивной лингвистики с переориентацией артикуляционно-акустических и перцептивных характеристик звуковых сегментов на звучащую речь.

Под ее руководством защищено 4 кандидатские диссертации по специальности «Монгольские языки»: Г. В. Улазаева «Имя состояния в современном бурятском и русском языках» (2004), Ю. П. Батуева «Наречия длительности как лексические средства выражения аспектуальных значений в русском языке в сопоставлении с бурятским» (2006), Е. А. Дадуева «Каузативные отношения в глагольной лексике бурятского языка в сопоставлении с русским» (2008). Л. А. Гармажапова «Сопоставительно-типологическое исследование личных местоимений в русском и бурятском языках» (2009). Работы написаны в сопоставительном плане в русле функциональной лингвистики, для них характерно обращение к чрезвычайно сложной и актуальной проблеме роли языка в познавательной деятельности человека, соотношении языковой семантики и знаний о мире.

Полная отдача любимому делу — основа творческого долголетия опытного педагога и ученого. За многолетнюю научную, научно-организационную, педагогическую деятельность И. Д. Бухаевой получены многочисленные грамоты, благодарности, ей присвоены почетные звания «Отличник народного образования РФ», «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия» (1998).

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Научная статья
УДК 82
DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-6-11

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В ТЕКСТАХ БУРЯТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© **Исаков Александр Викторович**
стажёр-исследователь,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
alexandr_isakov98@vk.com

Аннотация. В статье рассматриваются иноязычные включения в текстах бурятской литературы XX–XXI вв., созданных на бурятском и русском языках. Установлено, что в произведениях на бурятском языке встречаются фрагменты русской и монгольской речи, а в текстах русскоязычной бурятской литературы можно встретить бурятоязычные вкрапления. Чаще всего иноязычные включения представлены прямой речью отдельных персонажей. С точки зрения семантики иноязычная речь становится способом этнокультурной идентификации в системе координат «свой-чужой»: в текстах на бурятском языке она маркирует иноэтничных персонажей и инокультурное пространство, а в текстах русскоязычной литературы вкрапления на бурятском языке, наоборот, выступают маркером своего этнокультурного пространства. Можно говорить об иноязычных включениях как об одном из проявлений культурной трансграничности бурятской литературы и сложной идентичности её авторов, связанной в том числе с опытом дву- и многоязычия.

Ключевые слова: полилингвальность, литературное пограничье, этнокультурная идентификация, маркер идентичности, бурятско-русское двуязычие.

FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN THE TEXTS OF BURYAT LITERATURE

Alexandr V. Isakov
trainee researcher
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS
6, Sakhyanovoy St., 670047 Ulan-Ude, Russia
alexandr_isakov98@vk.com

Abstract. The article deals with foreign language inclusions in the texts of the Buryat literature of the 20–21th centuries, created in the Buryat and Russian languages. It has been established that in the works in the Buryat language there are fragments of Russian and Mongolian speech, and in the texts of the Russian-language Buryat literature one can find Buryat inclusions. Most often, foreign-language inclusions are represented by the direct speech of individual characters. From the point of view of semantics, foreign language speech becomes a way of ethnocultural identification in the “friend or foe” coordinate sys-

tem: in texts in the Buryat language, it marks characters of other ethnicities and cultural space, and in the texts of Russian-language literature, blotches in the Buryat language, on the contrary, act as a marker of their own ethnocultural space. One can speak of foreign language inclusions as one of the manifestations of the cultural transboundary nature of Buryat literature and the complex identity of its authors, which is associated, among other things, with the experience of bilingualism and multilingualism.

Keywords: polylingualism, literary frontier, ethnocultural identification, identity marker, Buryat-Russian bilingualism.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»).

В современном литературоведении утвердился взгляд на бурятскую литературу как на полилингвальную литературную традицию. Со времени своего возникновения в качестве обособленной литературы в XVII–XVIII вв. бурятская литература развивалась в условиях культурного пограничья и связанного с этим многоязычия. Сначала в ней использовались одновременно монгольский и тибетский языки, а с XX века — собственно бурятский и русский. В свете этого мы выделяем бурятскую литературу, создававшуюся на классическом письменном монгольском языке, тибетоязычную, бурятоязычную и русскоязычную бурятскую литературу. Однако полилингвальность бурятской литературы проявляется не только в существовании внутри неё разных языковых сегментов, представленных произведениями на соответствующем языке, но и в использовании различных языков в пределах одного произведения. В таких случаях речь идёт о включении в текст фрагментов, написанных на языке, отличном от языка основной части текста. Именно такие иноязычные включения в текстах бурятской литературы мы и хотели бы рассмотреть в данной статье.

Проблема иноязычных включений (иначе их называют вкраплениями) в текстах художественной литературы уже поднималась в работах отечественных филологов. Исследователи отмечают связь иноязычных вкраплений с характером межнациональных связей того или иного периода, а также с выразительным потенциалом иноязычных фрагментов: они помогают найти наиболее адекватную форму для той или иной мысли, в том числе в виде клишированных выражений, охарактеризовать национальную и социальную специфику речи персонажа [10; 14]. Также иноязычные вкрапления, отражающие речевые привычки определённой социальной группы [3], могут служить созданию особой «доверительной» атмосферы диалога между автором и читателем текста, как это происходит, например, в текстах А. С. Пушкина [10]. Кроме того, обнаруживается интертекстуальный характер некоторых иноязычных включений [5]. Исследователи новейшей литературы связывают иноязычные включения со сложностью языковой личности современного автора, его множественной культурной идентичностью и говорят о формировании полилингвального дискурса в современной глобализированной литературе [4; 13]. При этом иноязычные включения в текстах бурятской литературы до сих пор не становились предметом специального рассмотрения.

Цель настоящего исследования — описать характер иноязычных включений в текстах бурятской литературы, в том числе спектр используемых языков, способы репрезентации иноязычной речи, семантику иноязычных включений в контексте общего замысла произведения. Под иноязычными включениями мы будем подразумевать иноязычные фрагменты текста, обладающие внутренней синтаксической связностью — то есть мы исключаем из круга нашего рассмотрения интегрированные в речь иноязычные слова и устойчивые выражения, иначе объектом нашего внимания мог бы стать любой текст, содержащий лексические заимствования. Материалом исследования служат произведения бурятской литературы XX–XXI вв., написанные на бурятском и русском языках и содержащие включения иноязычной речи.

Следует отдельно рассматривать иноязычные включения в текстах литературы на бурятском языке и в русскоязычной бурятской литературе. Начнём с первой группы текстов.

Чаще всего иноязычные включения в бурятской литературе представлены фрагментами на русском языке. Впервые они появляются в драматургии начала XX века. Например, в пьесах Базара Барадина, созданных на рубеже 1910–1920-х гг., мы находим реплики персонажей, написанные на русском языке. В «Истории бурятской литературы» отмечается новаторский характер этой находки Б. Барадина [9, с. 93]. По-русски в пьесах говорят русские персонажи — чиновники в пьесе «Шойжид» (1918), казаки и Пётр I в пьесе «Великая сестрица-шаманка» («Ехэ абжаа удаган», 1921). Очевидно, что иноязычие позволяет выделить этих персонажей, показать их этническое отличие от бурят. В пьесе «Шойжид» также есть русскоязычные реплики бурятских персонажей, которые обращаются к русским чиновникам «на чудовищно звучащем русско-бурятском слэнге» [9, с. 93], например: «Баша пербосходительство, баша желани исполнить нада ингодинска земли оддать баш окончательн эршили» [1, с. 31]. В русскоязычной речи бурятских персонажей отражена интерференция их родного языка, проявляющаяся в замене и перестановке некоторых звуков, специфическом порядке слов. Русскоязычные включения высвечивают основную тему обеих пьес Б. Барадина — межнациональные отношения бурят и русских. Русскоязычные включения, контрастирующие с основным текстом на бурятском языке, помогают ярче изобразить вторжение чужой культуры в пространство бурятского народа и показать установление межкультурного диалога, участники которого буквально говорят на разных языках. Тем же образом русский язык используется в произведениях других бурятских драматургов 1910–1920-х гг., например, в пьесе Сергея Балдаева (Абгайн Тургэна) «Торжество правды» («Үнэнэй баяр», 1927), что позволяет нам сделать вывод о распространённости этой практики в литературе того времени.

Такой приём можно обнаружить и в современной бурятской литературе, например, в творчестве Валерия Басаа. Так, в его пьесе «Представитель Далай-ламы» («Далай ламын түлөөлэгшэ», 2015), посвящённой биографии известного политического и религиозного деятеля Агвана Доржиева, есть целые эпизоды, в которых герои общаются на русском языке. Это эпизоды, действие которых происходит при дворе российского императора, эпизод встречи главного героя с Лениным, а также сцена ареста Агвана Доржиева сотрудником НКВД. Иноязычие

здесь маркирует чужое, инокультурное пространство, в котором оказывается и с которым взаимодействует герой.

Кроме включений на русском языке, в современной бурятоязычной литературе встречаются фрагменты монгольской речи, точнее — попытки её изображения. По всей видимости, первой к такому приёму прибегла Цырен-Дулма Дондокова в романе «Хоринские княгини» («Хорин хатад», 2001). Одна из частей романа посвящена истории легендарной Бальжин-хатан, выданной замуж за сына солонгутского хана. Жених и его родственники говорят на монгольском языке. Правда, время от времени в речи этих персонажей встречаются бурятские формы слов или формы-гибриды, например: «Балжин, чи минь, чинии ухаан хүүхэнэй ухаанаас хэтэрсэн байна. Хаани ордон чадар гүйхэ ухаан байн. Чи бидэ хоёрой хуби заяан нэгэдэхэ гэсэн зарлигтай байн. Чи юу гэж бодожо байнач. Намда хэлэ» [7, с. 129]. Видно, что писательница стремилась показать иноязычие данных персонажей, но отталкивалась при этом от бурятского языка, несистематически изменяя звучание слов «на монгольский манер».

Интересно, что способ изображения монгольской речи в романе Ц.-Д. Дондовой оказался востребован и в последующей литературе. В. Басаа обращается к нему в пьесах «Бальжин-хатан» (2020), написанной в том числе по мотивам указанного романа, и «Сострадание» («Энэрэл хайра», 2017). В последней пьесе часть действия происходит в Монголии XX–XXI вв., и монгольские персонажи обладают в ней такой же «гибридной» монгольско-бурятской речью (далее курсивом отмечены монгольские черты): «Харин доктор Магсаржав гуай Монголын Түв аймагын Борнуур сүмдэ Лхамасүрэн гуайн ногоочодын даргаар ажалласаниг мэдээ» [2, с. 16–17]. Здесь мы имеем дело с особой формой иноязычных включений, которые представляют собой не столько иноязычную речь саму по себе, сколько её изображение с помощью узнаваемых черт грамматики и фонетики, отличающий монгольский язык от бурятского. Подобные включения позволяют одновременно выделить монгольских персонажей как представителей иного этноса и в то же время показать их как представителей родственного народа, чей язык интуитивно понятен бурятам.

Перейдём к иноязычным включениям в русскоязычных текстах. В ряде произведений русскоязычных бурятских писателей мы обнаруживаем бурятоязычные включения. Как и в рассмотренных выше случаях, это чаще всего реплики персонажей. Так, например, в повести Бориса Хадеева «Деревянная лошадка Модын Унган» (2019) персонажи время от времени произносят реплики на бурятском языке, причём воспроизводится его диалектное, характерное для родины автора, звучание: «Ялэбдо! Хыргылэбдо!», «Тынды юмдэ?», «Ины юмдо?» [12, с. 10, 13, 16]. Учитывая транскультурный характер русскоязычной бурятской литературы, её адресованность сразу двум кругам читателей — бурятскому и русскому, мы можем предполагать два варианта восприятия подобных бурятоязычных включений. Для русскоязычного читателя небурятской национальности эти включения будут показателем чужого этнического мира, а для бурятского читателя — наоборот, знаком принадлежности героя к своей, бурятской культуре.

Особенно значимую роль играют бурятоязычные включения в цикле рассказов Булата Молонова (Мобу) «Танец орла» (2014). В этом автобиографическом произведении с повествованием от первого лица регулярно можно встретить реплики героев на бурятском языке, а также бурятоязычные вкрапления в речи по-

вестователя, например: «за моей спиной идет толпа девочек младше меня на год, живущих в моей стороне, то есть – *хургуулиhaа зүүлжээ*», «у меня был бурятский дэгэл, *хүгшэн эжын оёһон*», «жила она по соседству с моим *хүгшэн баабайтай*» [7, с. 17–18]. Сквозная тема рассказов Б. Молонова — духовная связь человека с его родиной и родной культурой, и бурятоязычные включения в русскоязычном тексте помогают подчеркнуть, что герой в мире глобальной культуры не теряет связи с родным языком. Необходимо заметить, что спонтанный переход с русского на бурятский язык и обратно в речи персонажей книги Б. Молонова отражает реальную речевую практику современных бурят, в которой такое переключение языковых кодов стало обычным [5, с. 51–71]. Узнаваемые речевые привычки, связанные с русско-бурятским двуязычием, становятся в произведениях Б. Молонова маркером идентичности, способом опознавания представителей своей культуры.

Таким образом, иноязычные включения являются примечательной особенностью ряда произведений бурятской литературы XX–XXI вв. В произведениях на бурятском языке встречаются фрагменты русской и монгольской речи, в текстах русскоязычной бурятской литературы можно встретить бурятоязычные вкрапления. Чаще всего иноязычные включения представлены прямой речью отдельных персонажей. Кроме нормативной литературной формы, иноязычная речь может быть представлена диалектной формой (бурятская речь в некоторых русскоязычных произведениях), речью на неродном языке (русскоязычные реплики бурят в пьесах начала XX века), подражанием речи на родственном языке (речь монгольских персонажей в бурятоязычных произведениях). С точки зрения семантики иноязычная речь становится способом этнокультурной идентификации в системе координат «свой-чужой». В текстах на бурятском языке иноязычная речь маркирует иноэтничных персонажей и инокультурное пространство, при этом монгольская речь также несёт в себе указание на этническое родство бурят и монголов. В текстах русскоязычной литературы вкрапления на бурятском языке, наоборот, выступают маркером своего этнокультурного пространства, позволяя идентифицировать говорящего персонажа и текст в целом с бурятской культурой.

В целом иноязычные включения можно рассматривать как одно из проявлений культурной трансграничности бурятской литературы и сложной идентичности её авторов. Благодаря полилингвальному опыту, их стилистический инструментарий не ограничен одним языком, а включает также возможность художественного использования иноязычной речи. Думается, что этот факт должен быть учтён в дальнейших исследованиях бурятской литературы в культурологическом и языковом аспектах.

Литература

1. Барадин Б. Б. Зүжэгүүд. Улан-Удэ: Сибирь, 1993. 130 с. Текст: непосредственный.
2. Басаа В. Гүн эдхэлэй урасхал. Улаан-Үдэ: «Уласай типографи» гэхэн хуби ниилүүлэн бүлгэм. 240 х. Текст: непосредственный.
3. Богданова-Бегларян Н. В., Завадская Ю. О. Судьба слова заморского: о функционировании заимствования флешбэк в русскоязычном дискурсе // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 1. С. 3–11. Текст: непосредственный.

4. Большакова Т. И. Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В. П. Аксёнова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронеж, 2008. 26 с. Текст: непосредственный.
5. Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект / П. П. Дашинимаева, Г. А. Дырхеева, Ж. Б. Жалсанова, Э. В. Хилханова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 166 с. Текст: непосредственный.
6. Давыдова К. В., Егорова О. Н. Билингвизм как средство интертекстуального воздействия в современных английских художественных гипертекстовых фрагментах // Культурное наследие древних и национальных языков в период глобализации. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2018. С. 68–73. Текст: непосредственный.
7. Дондокова Ц.-Д. Хориин хатад. Улаан-Удэ : Бураад үнэн, 2001. 167 н. Текст: непосредственный.
8. Мобу. Танец орла. Улан-Удэ: Бураад-Монгол Ном, 2014. 192 с. Текст: непосредственный.
9. Найдаков В. Ц., Соктоев А. Б., Туденов Г. О. История бурятской литературы 1917–1955 гг. Ч. 1. Становление бурятской советской литературы (1917–1940 гг.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 256 с. Текст: непосредственный.
10. Кожевникова М. А. Иноязычные вкрапления как компонент художественного текста (историографический аспект) // Филология и человек. 2011. № 4. С. 192–200. Текст: непосредственный.
11. Сидорова О. Г. Англоязычные вкрапления в текстах А. С. Пушкина // Известия Уральского государственного университета. 1999. № 11. С. 69–74. Текст: непосредственный.
12. Хадеев Б. А. Деревянная лошадка Модон Унган. Иркутск: Репроцентр+, 2021. 426 с. Текст: непосредственный.
13. Хромова Е. О. Полилингвальность в современном литературном дискурсе (на материале романов А. А. Макушинского и В. Г. Зебальда): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2019. 23 с. Текст: непосредственный.
14. Чернец Л. В. Иноязычная речь в художественном произведении // Русская словесность. 2004. № 7. URL: https://literary.ru/literary.ru/how_archives.php?subaction=showfull&id=1206021300&archive=1206184486&start_from=&ucat=& (дата обращения: 25.03.2023). Текст: электронный.

Научная статья
 УДК 81.512.37
 DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-11-16

ОВЦЕВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

© **Джунгурова Валерия Николаевна**
 ассистент кафедры германской филологии,
 Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
 Россия, 35800, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
 valerie86@list.ru

Аннотация. Статья посвящена наиболее малоизученной области в калмыцком языке — отраслевой лексике. В данной статье рассматривается лексика скотоводства калмыцкого языка, в частности связанная с овцеводством. Даны половозрастные названия барана, овцы, ягненка, термины, характеризующие породу овец, ее физиче-

ские данные и повадки. Кроме того, в статье перечислены наименования продуктов домашнего производства: мяса, шкуры, шерсти, помета. В традициях и обычаях калмыков также немаловажное значение имела овца, о чем свидетельствуют соответствующие термины. В результате исследования можно прийти к выводу, данный пласт лексики представлен довольно широко и разнообразно, что подчеркивает важнейшую роль животноводства в жизни калмыцкого народа. Рассматриваемая лексика требует дальнейшего изучения и анализа.

Ключевые слова: калмыцкий язык; терминология; наименования; овцеводческая лексика; овцеводство; баран; овца; ягненок; домашнее производство; термины продукции овцеводства.

SHEEP BREEDING TERMINOLOGY IN THE KALMYK LANGUAGE

© **Valerie N. Dzhungurova**

Assistant of the Department of German Philology
Kalmyk State University B. B. Gorodovikova
11 Pushkin St., 35800 Elista, Russia
valerie86@list.ru

Abstract. The article is devoted to the most poorly studied area in the Kalmyk language — branch vocabulary. The article investigates the vocabulary of cattle breeding of the Kalmyk language, in particular related to sheep breeding. The names of sex and age of a ram, sheep, lamb, terms characterizing the breed of sheep, its physical characteristics and habits are given in the article. In addition, in this article the names of home-made products: meat, skin, wool, droppings are listed. In the traditions and customs of the Kalmyks, sheep also has an important meaning, as evidenced by the corresponding terms. As a result of the research, it can be concluded that this layer of vocabulary is represented quite widely and variously, which emphasizes the crucial role of cattle breeding in the life of the Kalmyk people. The vocabulary under consideration requires further study and analysis.

Keywords: Kalmyk language; terminology; definitions; sheep vocabulary; sheep breeding; ram; sheep; lamb; home production; sheep products terms.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект»

В калмыцком языке лексика, связанная с животноводством, в частности с овцеводством, продолжает оставаться малоисследованной. Имеются единичные работы, в основном в виде статей и тезисов, у следующих исследователей: Ц. Д. Номинханова [7], Э. Ч. Бардаева [1], В. И. Рассадина [9], С. М. Трофимовой [12], Г. Ц. Пюрбеева [8], А. М. Щербака [14] и других. В работе делается попытка описать и систематизировать отраслевую лексику, связанную с овцеводством. Базой исследования послужил материал из калмыцких словарей.

Калмыки — потомственные животноводы, одной из ведущих отраслей хозяйства которых являлось овцеводство. Овцы давали мясо, молоко, шерсть и ежегодный приплод. Общим названием овцы в калмыцком языке является *хөн* ‘овца’. Номинации овец различаются по полу и возрасту: *хуц* ‘баран-производитель’, *ирг* ‘кастрированный баран, валух’, *хазлц ирг* ‘баран на четвертом году’, *нээднр хөн* ‘овцематка’, *кеелтэ хөн* ‘суйгная овца’, *суврха хөн* ‘яловая овца’, *сааль хөн* —

дойная овца (в возрасте до четырех лет), *шилг хөн* — устар. двухгодовалая ярка, *хурһн* ‘ягненок’, *борлг хурһн* — ягненок в возрасте до года, сосущий матку, *сагсг хурһн* — шестимесячный ягненок с длинной пушистой шерстью, *төлг* ‘годовалый ягненок’, *зусг* ‘двухлетний, двухгодовалый (об овцах, козах)’.

Климатические и природные условия местности, на которой проживают калмыки, способствуют ведению пастбищного животноводства. Овцы наиболее приспособлены к существованию на подножном корму из всех видов скота, разводимых калмыками. За ягнятами ухаживали, как правило, только несколько дней после рождения, затем они могли передвигаться вместе с остальной отарой [15, с. 116]. Паслись овцы под присмотром чабанов: *хөөч* — чабан, пастух овец, *сакманч* — сакманщик (человек, ухаживающий за приплодом и молодняком овец), *хөн сүрг* — отара овец. Большого ухода за овцами не требуется, нужно только сгонять овец на водопой и на ночь пригонять в хотон. Зажиточные калмыки имели пастухов, бедные же однохотонники сгоняли своих овец в одно стадо, делая метки (надрезы на ухе), чтобы их различить, и нанимали общего пастуха или же пасли овец сами по очереди. *Им* — метка, *имнх* — делать метку подрезом (ушей у скота), *оон* — тавро, клеймо (выжигаемое на теле овцы).

У овец срок вынашивания ягненка 6 месяцев — *хөн адусна кеелтэ йовх болзгнь б сар*. Недоношенного ягненка именуют *марх*; ягненка, оставшегося без матери называют *өнчн хурһн* — ягненок-сирота. Имеется отдельное название двойни — *икр хурһн*; *икр хурһна сөң*, *хөөнэ хурһна өрэсн* — один из ягнят-двойняшек. Если самка не приняла новорождённого, то ягненка приносят другой овце. Оптимальным вариантом «приёмной» матери считается овца, потерявшая ягнёнка или родившая не более 2 особей. Если в отаре нет подходящей кандидатуры, молодняк вскармливают искусственно. *Овжсур* (дербет.), *увжсур* (торгут) — рожок для кормления ягнят, *овждг хурһн* — ягненок, вскармливаемый из рожка, искусственник.

В зависимости от времени рождения ягненка названия передаются следующими терминами: *кенз хурһн* ‘ягненок, родившийся поздно летом или осенью, ягненок-листопад’, *хавра хурһн* ‘ягненок весеннего окота’, *тавг сүлтэ хурһн* — ягненок осеннего окота с толстым курдюком.

В калмыцком языке можно выделить следующие названия животных по экстерьеру, физическим данным и повадкам: *ходһр сүүлтэ хөн* — овца с задраннным хвостом, *сагсг (сагсһр) хөн* — овца с длинной и густой шерстью, овца с пушистой шерстью, *керчсн чиктэ хөн* — овца с надрезанным, помеченным ухом, *маңнадан цаһан төөлтэ хөн* — овца с белой звездочкой на лбу, *мөрглдэч хуц* — бодливый баран, *тарһн хөн* — жирная овца, *мээлх* ‘блеять’.

Термины, характеризующие породу овец: *хальмг хөн* — овца калмыцкой породы (крупная, с большим курдюком и длинной густой шерстью), *торһн нооста хөн* — тонкорунная овца, *шүрүн нооста хөн* — грубошерстная овца, *отхта хөд* — овцы каракулевой породы, *ноосрхг хөн* — шерстная овца, *шодң хөн* — овца русской, романовской породы (тонкохвостая, без курдюка), *шодң сүүлтэ хөн* — тонкохвостая овца, *тевр сүүлтэ хөн* — курдючная овца.

По форме курдюка овцы *сүл* “хвост, курдюк” делятся на: *эци* — большой курдюк с высокой постановкой, не ограничивающий движения животного; *унжһр* — свислый курдюк, мешающий ходьбе животных. У калмыков детям с малых лет начинают давать вместо соски отваренный жирный хвост овцы. Обса-

сывая его, ребенок получал все питательные вещества, необходимые для растущего организма.

Основные типы окраса шерстного покрова — белый *цаһан*, светло-рыжий и рыжий *шар*, хотя изредка встречаются экземпляры черной *хар*, серой *бор* и пестрой *цоохр* масти.

Самым распространенным и любимым видом мяса у калмыков была баранина *хөөнэ махн*. Калмыки умерщвляли овец бескровно, путем разрыва аорты через сделанное в животе отверстие. Калм. *һол таслх*, *өрчлх* “бескровно забить овцу (вскрыв грудную область, просунуть руку и разорвать аорту)”. Но прежде, чем прорезать грудину овцы, они шептали на ухо животному молитву, брали пучок травы, прорезали шкуру в области мечевидного отростка, запускали ладонь в эту прорезь, нащупывали там бьющийся сосуд вдоль позвонка и поддевали его ногтем безымянного пальца, считавшегося “чистым”. Калмыки верили, что овца, убитая таким образом, жертвуя свою плоть людям, могла получить благое перерождение. Калм. *хө һарһх* дословно ‘отпустить овцу’. Мясо животного умерщвленного таким способом, считали вкуснее, чем зарезанного [3, с. 273].

После разделки туши овцы калмыки обычно варили *дотр* — блюдо, куда входили все внутренности, включая печень, почки, сердце, легкие. Дотур варили и угощали всех в хотоне. По способу разделки мяса блюда из баранины делили на *ишкхн махн* ‘мелко нарезанное мясо’ и *көшгелхн махн* ‘мясо, нарезанное ломтиками’ [6, с. 48]. Еще одним лакомством у калмыков был *күр* — блюдо, готовившееся над жаром в яме под слоем земли [15, с. 174]. Летом заготавливали мясо на зиму — сырое мясо разрезали на тонкие и длинные ломтики, затем обработав соленой водой, сушили. Калм. *борц махн* ‘вяленое мясо, борцо’. Также из баранины делали колбасу *чикхн махн* [6, с. 48]. Еще одной разновидностью колбасы был *нуһлур* — печень в сеточке, готовили сразу после разделки барана на открытом огне.

Барана использовали в качестве жертвенного животного в различных обрядах (свадебном, поминальном, религиозных). Калм. *далһна махн* “жертвенное мясо” (сердце, печень, двенадцатиперстная кишка, прямая кишка, диафрагма, сычуг, жир с грудной клетки) [4, с. 24]. Части тела барана делились определенным образом между членами семьи. Девочкам давали есть нёбо, чтобы стали искусницами — мастерицами, а язык, чтобы стала красноречивой. А мальчикам ухо, чтобы стали послушными. Категорически запрещается у калмыков подавать шею гостям, её отрезают при разделке тушки барана и хозяева едят сами. Самой почетной частью туши считалась баранья голова *хөөнэ толһа*. Ею угощали старшего в семье или почетного гостя. После рождения ребенка калмыки дарили молодняка скота. Это обычай носит название *мал заах*, в буквальном переводе “указывать на скот”.

Из баранины варили бульон *шөлн*, который не только употребляли в пищу, но и использовали как универсальное лекарство [11, с. 113]. При головных болях пили бульон из бараньей головы, а при болях в суставах — варили до кашеобразного состояния бараньи ножки, при отите у детей к ушам прикладывали сырое сердце овцы, принадлежавшей родным ребенка по линии матери. Считалось, что сердце овцы высасывает весь гной [13, с. 341].

Важнейшей отраслью домашнего производства была обработка шерсти. Этот процесс был очень трудоемкий и включал несколько этапов: стриженую шерсть

сортировали, промывали в воде, расчесывали и взбивали, затем скручивали в свертки [15, с. 134]. Калм. *ноосн* ‘шерсть’, *хөөнэ ноосн* ‘овечья шерсть’, *ноос кирһх* ‘стричь шерсть’, *ноос үрх* ‘теребить шерсть’, *ноос ээрх* ‘прясть шерсть’, *ноос савх* ‘бить шерсть (перед валянием)’, *ноос цокх* ‘бить шерсть (при валянии войлока)’, *ноос зулх* ‘раскладывать слоем шерсть для валяния’, *ноос туүдгх* ‘делать клубки из шерсти’, *ноос цуцлх* ‘раскручивать, распускать пряжу’, *ноос ширлх* ‘тюковать, укладывать шерсть в тюки’.

Немаловажным занятием у калмыков-кочевников являлся также процесс валяние войлока. Войлоком покрывали кибитки, он был удобен для транспортировки. Производство происходило следующим образом: на старый войлок раскидывали ровным слоем очищенную шерсть и мочили ее теплой водой, затем сворачивали в рулон и обвязывали веревками. Шерсть били в течение дня, меняя влажную подстилку и смачивая молочной сывороткой. После этого войлок сушили на солнце [2, с. 10]. Калм. *ишкэ* ‘войлок, кошма’, *ишкэ цокх* ‘бить кошму’, *ишкэ цокачнр* ‘валяльщики’, *ишкэ гер* ‘кибитка’.

Большое место в домашнем производстве калмыков занимала обработка шкур. Выпотрошенную шкуру овец посыпали солью. Растянув до отказа во все стороны, ее натирали рассолом, смешанным с бозо. Все это повторяли 8-10 раз, в результате чего шкура делалась мягкой. Калм. *арсн* ‘шкура, кожа’, *хөөнэ арсн* ‘овечья шкура, овчина’, *бозар хөөнэ арс идэллһн* ‘обработка овчины с использованием бозо’.

У калмыков *арһсн* ‘кизяк’ — топливо, приготовляемое из помета домашних животных: лошадей, крупного рогатого скота и овец. В условиях кочевья кизяк был незаменимым источником тепла зимой и приготовления пищи. Кизяк лепили в форме круга, сушили на солнце, складывали в пирамиды возле кибиток. Овечий кизяк считался лучшим, потому что при ярком пламени дает больше жару, дольше сохраняет огонь, следовательно, и теплоту. Калм. *арһсар һал түлх* ‘топить кизяком’, *арһс түүх* ‘собирать кизяк’.

Калмыцкий поэт и писатель К. Э. Эрендженев отмечал, что калмыки хорошо знали особенности всех костей овцы: 8 опорных, 2 лопаток, 26 спинных и 6 шейных позвонков, грудной клетки и тазовой кости [16, с. 16]. Особое значение калмыки придавали бараньей лопатке, гадали по ней и делали предсказания на будущее. Калм. *дал* “лопатка”, *дал бэрх (шавдх)* “предсказывать с помощью жженой бараньей лопатки (левая лопатка овцы опускалась плоским концом в огонь и по трещинам определялось будущее)”. Различали следующие наименования частей лопатки: *далын толһа* “головка лопатки”, *далын хавтха*, *далын альхн* “плоскость лопатки”, *далын сервэ* “отросток лопатки”, *далын мөөрсн* “хрящ лопатки”, *далын бульчң* “лопаточная мышца”, *далын хээсн* “суставная ямка, впадина”. Кроме того, у калмыков существовал обычай *яс кемэлһн* — диалог между двумя лицами на знание выступов, ямок и впадин двадцать пятого бараньего позвонка. Знание *кемэлһн* считалось признаком остроумия и сообразительности. Образы овцы нашли отражение и в других формах калмыцкого фольклора — пословицах, поговорках, сказках.

Калмыки использовали таранную кость овцы для игры в альчики *шаһа на-адлһн*, *шаһалцаха* “играть в альчики”. Во время игры внимательно следили, на какой бок упадет альчик. При этом каждое положение имело название и соответствующие приметы.

Интенсивное занятие овцеводством способствовало образованию богатого пласта лексики в калмыцком языке. Широко представлены половозрастные названия, термины, характеризующие породу овец, физические данные, повадки. Продукты, получаемые от овец, также имеют свои наименования в калмыцком языке. Лексика овцеводства требует дальнейшего детального изучения и анализа.

Список условных сокращений

калм. — калмыцкий язык
дербет — дербетский диалект
торгут. — торгутский диалект

Литература

1. Бардаев Э. Ч. Номадная лексика монгольских народов (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1976. Текст: непосредственный.
2. Батырева С. Г. Войлок в традиционном быту калмыков, художественная обработка // Искусство Евразии. 2017. № 3(6). С. 8–15. Текст: непосредственный.
3. Душан У. Д. Избранные труды. Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2016. Текст: непосредственный.
4. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков: этнографические наблюдения 1884–1886 гг. Москва: тип. М. Г. Волчанинова, 1893. Текст: непосредственный.
5. Калмыцко-русский словарь / под редакцией Б. Д. Муниева. Москва, 1977. Текст: непосредственный.
6. Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. Санкт-Петербург, 1852. Текст: непосредственный.
7. Номинханов Ц. Д. Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // Труды сектора востоковедения. Алма-Ата, 1959. Т. 1. Текст: непосредственный.
8. Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста, 1996. Текст: непосредственный.
9. Рассадин В. И. Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. Улан-Удэ, 2011. С. 83–90. Текст: непосредственный.
10. Русско-калмыцкий словарь / под редакцией И. К. Илишкина. Москва: Советская энциклопедия, 1964. Текст: непосредственный.
11. Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста, 1999. Текст: непосредственный.
12. Трофимова С. М. Лексика некоторых продуктов традиционного мясного, мучного и растительного питания в халхаском, бурятском и калмыцком языках // *Oriental Studies*, 2016. № 9(4). С. 132–136. Текст: непосредственный.
13. Шантаев Б. А. Традиционные методы лечения у калмыков в прошлом и настоящем // Т. А. Бертагаев. К 100-летию со дня рождения: сборник научных статей. Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2005. Текст: непосредственный.
14. Щербак А. М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 21–35. Текст: непосредственный.
15. Эрдниев У. У. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1985. Текст: непосредственный.
16. Эрендженев К. Золотой родник: о калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1990. Текст: непосредственный.

Научная статья
УДК 821'161'1
DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-17-24

СРАВНЕНИЕ В ТЕКСТЕ «МУКИ СМЕРТНЫЕ» ШОРСКОГО ПИСАТЕЛЯ Ю. С. ТОТЫША

© **Телякова Вера Михайловна**

кандидат филологических наук, доцент,
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровский государственный университет
Россия, 65418, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 26
vtelyakova@bk.ru

Аннотация. Статье анализируются сравнения в тексте «Муки смертные» шорского писателя Ю. С. Тотыша. Анализ этого многопланового явления представлен с разных сторон. Сравнения рассматриваются в лингвистическом аспекте: в статье представлены разные типы сравнительных конструкций в языке и выявлены наиболее часто употребляемые из них в анализируемом тексте. Сравнения описываются как художественно-изобразительное средство, и определяется их роль в репрезентации художественных образов, атмосферы сталинских репрессий, удручающе тяжелой жизни людей этого периода: несмотря на то, что Ю. С. Тотыш довольно часто прибегает к сравнениям, они у него не создают ярких и запоминающихся образов. Особенно важным является лингвокультурологический аспект: выявление в сравнениях тех особенностей, которые отражают национальный менталитет и эстетические традиции шорского народа.

Ключевые слова: шорцы; сравнение; художественно-выразительное средство; творческий метод; эталон сравнения; структура сравнения; типы сравнения; синтаксическая конструкция; морфологическое сравнение; лингвокультурологический аспект.

COMPARISON IN THE TEXT “MORTAL TORMENTS” BY THE SHOR WRITER YU. S. TOTYSH

Vera M. Telyakova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature
Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute
Kemerovo State University
19 Oktyabrsky Avenue, 654018 Novokuznetsk, Russia

Abstract. The article analyzes the comparisons in the text "Mortal Torments" by the Shor writer Yu. S. Totysh. The analysis of this multidimensional phenomenon is presented from different sides. Comparisons are considered from the point of view of linguistic aspect: the article presents different types of comparative constructions in the language and identifies the most frequently used ones in the analyzed text. Comparisons are considered as an artistic and visual means, and their role in the representation of artistic images, the atmosphere of Stalinist repression, the depressingly difficult life of people of this period is determined: despite the fact that Yu. S. Totysh quite often resorts to comparisons, they do not create bright and memorable images. But it is especially important to identify in the comparisons those features that reflect the national mentality and aesthetic traditions of the Shor people.

Key words: shor man/woman; comparison; artistic and expressive means; creative method; standard of comparison; structure of comparison; types of comparison; syntactic construction; morphological comparison; linguistic and cultural aspect.

Шорцы — немногочисленный тюркоязычный народ, проживающий на юге Кемеровской области — Кузбасса. Они уже в XVII в. встретили русских, когда началось освоение верховьев реки Томь. В связи с этим ассимиляция шорцев началась довольно рано, еще активнее она продолжилась в 40-х годах XX в., поэтому сегодня говорящих на шорском языке осталось чуть более 2000 людей.

Юрий Софронович Тотыш — сын известного шорского писателя Софрона Сергеевича Тотыша, родился 15 ноября 1936 г. Закончил Новокузнецкий пединститут и долгое время работал журналистом в областной газете «Кузбасс». Им написаны статьи, рассказы и повести. Он автор известного сборника «Перкут» [2005], который содержит несколько несвязанных между собою историй, объединенных описанием жизни его отца С. Тотыша. Среди них выделяется самостоятельное произведение, названное «Муки смертные» и рассказывающее о тяготах репрессированной семьи, попавшей в Сибирь. Это небольшое по объему произведение, насчитывающее всего 56 страниц, интересно еще тем, что Юрий Тотыш старался как можно выразительнее отобразить жизнь главных героев, используя различные художественно-изобразительные средства, чтобы точнее и красивее передать конкретную мысль.

Доминантным художественным приемом в тексте Ю. Тотыша является сравнение. Сравнение — это слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому [Ожегов 1985, с. 659]: *Я послушно, как овца, пошла* [с. 132]¹.

Авторы пользуются сравнением, когда они думают, что читатель не имеет или имеет слабое представление о том, о чем он пишет. В этом случае они пытаются найти в хорошо известных читателю вещах, явлениях, ситуациях такие черты, которые похожи на те, что он описывает; и посредством хорошо знакомого стараются объяснить, что же собой представляет изображаемое ими. Таким образом, сравнение можно назвать своеобразным средством выравнивания знания о предмете, явлении или ситуации, которым обладает автор и которого нет у читателя. Сравнение — это своеобразная отсылка автора к хорошо знакомому для того, чтобы читатель лучше, зримее представил себе, о чем пишет автор. Но сравнение не только средство постижения окружающего мира путем сопоставления малоизвестного с хорошо знакомым, это и яркое средство оценки, особенно в литературе. Оно экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации. «Именно образность и яркость позволяют предпочесть экономное и точное сравнение длинному и расплывчатому описанию. Сравнения точны уже потому, что каждый образ, как правило, неповторим, индивидуален, обособлен» [Мокиенко 2016, с. 37].

Актуальность и научная новизна предлагаемой работы определяется тем, что творчество Ю. С. Тотыша не изучено. В то же время его творческий метод отражает старательность свободно и художественно передавать излагаемые события. Кроме того, сравнения в выбранном тексте анализируются впервые. Причем сравнения рассматриваются не просто как средства выразительности, но еще и

¹ Здесь и далее в круглых скобках указывается страница из произведения Ю. С. Тотыша «Муки смертные», откуда взят пример.

анализируются в лингво-культурологическом аспекте. Несмотря на то, что текст написан на русском языке, автор его родился и вырос в семье шорского писателя. Как справедливо отмечает В. М. Огольцев, отбор сравнений, которые закрепляются в языке, происходит в соответствии с нравами и обычаями народа, особенностями его культуры и истории, поэтому сравнения национально специфичны [Огольцев 1978, с. 7]. Вследствие этого предпочтения избранных эталонов сравнения, употребленных Ю. С. Тотышем в произведении, будут оцениваться с точки зрения национальной принадлежности автора, влияния на русский язык типологически неродственного шорского языка, роли культуры и истории шорского народа.

Цель работы — лингвистический, стилистический и лингво-культурологический анализ сравнений в тексте «Муки смертные» из сборника Ю. С. Тотыша «Перкут». Объект исследования — текст «Муки смертные» из сборника «Перкут» Ю. С. Тотыша. Предмет исследования — сравнения как художественно-изобразительные средства в этом тексте.

Хорошо известно, что структура сравнения предполагает наличие следующих компонентов: 1) что сравнивается (субъект сравнения); 2) с чем сравнивается (объект сравнения); 3) основание для сравнения. М. И. Черемисина предлагает несколько иные термины: «тема» сравнения, «компаративные член» и показатель сравнения, или «образ» сравнения [Черемисина 1976, с. 18]. Например, если в предложении «Я была как кукла» [с. 95] персонаж, будучи живым, сравнивает себя с куклой, то основанием для сравнения, или его показателем, является неодушевленность и безвольность этого предмета. Объект сравнения можно назвать эталоном сравнения, так как для автора он является идеальным мерилем. Эталоны сравнения специфичны для каждой национальности.

Сравнения, как средства выразительности, бывают устойчивыми: *Летит как пуля. Время пролетело как во сне* [с. 94]. Но бывают и оригинальными, придуманными самим автором: *Казалось, что ночью ничего не было, «черный ворон» приснился, как кошмар* [с. 139].

В лингвистическом аспекте, сравнение — это «грамматически оформленное образное сопоставление двух явлений, целью которого является выделение важного для говорящего признака объекта речи» [Матвеева 2010, с. 454].

М. И. Черемисина отмечает многообразие форм выражения сравнений, которое «не сводится в единый класс в рамках существующей синтаксической систематики» [Черемисина 1976, с. 5]. Е. Т. Черкасова допускает два типа сравнительных конструкций: синтаксические и морфологические [Цитируется по: Черемисина 1976, с. 4]. К синтаксическим построениям относят 1) конструкции с компаративным союзом: *словно воды в рот набрал*; 2) конструкции с творительным сравнения: *лететь пулей*; 3) конструкции с производными (*вроде, наподобие, подобно*) и первообразными предлогами (*в, с*): *нахохлился вроде воробья; пристал подобно репью; мужичок с ноготок*; 4) тавтологические конструкции: *трава травой*; 5) отрицательное сравнение: *попытка не пытка*; 6) метафорическое наречие + прилагательное: *мертвецки бледный*; 7) именительный падеж существительного + инфинитив: *он зверь работать*; 8) прилагательное + существительное: *ослиное упрямяство*; 9) конструкции с наречием и прилагательным в сравнительной степени: *ждать пуце светлого Христова воскресенья*; 10) конструкции с наречием: *по-львиному* [Чжан 2017, с. 130–133].

Морфологические сравнения выражаются метафорическими глаголами (*остолбенеть*), сложными прилагательными (*белоснежный*), прилагательными с элементом сравнения *-подобный* (*луноподобный*), *-образный* (*копьеобразный*), *-видный* (*змеевидный*), прилагательными с суффиксами *-оват/-еват-* (*хлыщеватый*, *франтоватый*); *-ск-*, *-еск-* (*рaketирский*, *гангстерский*), *-иј* у притяжательных прилагательных в переносном значении (*поросячий*) и некоторыми другими (*звериный*), сложными прилагательными, разные корни которых являются предметом и объектом сравнения (*козлоногий*) [Кузнецова 2016, с. 190].

В тексте Ю. С. Тотыша нами выделено 71 сравнение. Это довольно много на небольшой текст в 56 страниц. Предполагаем, что автор использовал сравнения в целях создания экспрессивной окрашенности произведения.

Из них 37 сравнений, т. е. 52%, представляют собою конструкции с компаративными союзами «как», «словно», «будто», «что»: *Стук словно молотом бил по голове* [с. 91]; *Он словно дышал* [с. 115]; *Я послушно, как овца, пошла* (с. 132); *Все происходило,¹ как в кошмарном сне* [с. 91].

Из всего многообразия остальных перечисленных выше языковых средств образования сравнений нам встретились следующие разновидности:

1) формы творительного падежа: *Саша жадно схватил и стал есть, озираясь зверьком* [с. 142]; *Я чуть не закричала от боли, вытягиваясь дугой* (с. 136);

2) словами со сравнительной семантикой: *подобный, похожий, напоминать, казаться, под стать²*: *Люба выглядела под стать мужу: высокая, стройная, черноглазая* (с. 123); *Из-за горы выползла большая туча, похожая на кляксу* (с. 131); *В это время я была похожа, наверное, на немую* [с. 135].

3) прилагательное + существительное: *В бараке детей было немного, но Боря не играл с ними. Иногда смотрел на меня взрослыми, все понимающими глазами, что мне становилось не по себе* [с. 107], т. е. глазами, как глаза у взрослых. Прилагательные могут быть сложными, например: *Сразу же вышла женщина средних лет с мягким белоснежным лицом* [с. 128].

В тексте встретились сравнения, в которых употреблены слова разных частей речи в метафорическом значении:

1) существительные: *грохот голоса* [с. 97];

2) глаголы: *вопросы сыпались один за другим* [с. 95];

3) прилагательные: *Обращение чисто скотское* (с. 103); *До нее совсем недалеко, но ноги стали ватными* [с. 115];

4) наречия: *машинально ответила* [с. 94].

Исследование показало, что предметы или явления могут сравниваться по одному или по нескольким признакам.

При простом сравнении сопоставляются изображаемые явления с какой-то одной стороны, изображаемые явления или предметы похожи друг на друга по одному признаку; сопоставления даются в прямой утвердительной форме, например: *(Прогулки) Разумеется под наблюдением солдата, который, словно тень, всегда был рядом* [с. 104]. Простые сравнения могут быть выражены с точки зрения синтаксического построения, как в простых, так и в сложных предло-

¹ В цитируемых примерах из произведения «Муки смертные» Ю. С. Тотыша сохраняется авторская пунктуация (В. М. Телякова).

² Так написано у Ю. С. Тотыша.

жениях. Например: *Стук словно молотом бил по голове* (с. 91); *В гробу лежала красивая, словно в последний миг к ней вернулась молодость, разгладила все ее морщинки* [с. 109].

Примером сравнения, указывающего на несколько общих признаков в сопоставляемых предметах, является предложение: *Из-за горы вытолзла большая туча, похожая на кляксу* [с. 131]. Туча похожа на кляксу по ряду признаков: по цвету, такая же черная; так же бросается в глаза, как клякса на чистом листе бумаги; по форме — такая же бесформенная и по создаваемому впечатлению — такая же неприятная, как случайно посаженная клякса на белый лист бумаги.

С точки зрения синтаксической семантики сравнения делятся на реальные и ирреальные [Скворецкая 1971, с. 172]. Реальными называются такие сравнения, когда сопоставляются предметы или явления, реально обладающие сравниваемыми признаками, например, в предложении: *Вопросы! Вопросы! Они сыпались, как град на голову и плечи...* [с. 95] — вопросы допрашивающего Катю следователя сыпались с такой частотой, что это ей напомнило град.

В тексте Ю. С. Тотьыша преобладают реальные сравнения, которые он строит с помощью союза *как*, тем самым подчеркивая равенство между сравниваемыми предметами: *Баба Надя, ты говоришь чудовищные вещи, в это трудно поверить, как в страшный сон* [с. 102]; *Все происходило, как в кошмарном сне* [с. 91]; *Я послушно, как овца, пошла* [с. 132]; *Твой мир рушится, как песочный дом* (с. 101); *Удивительно, но с кольцом я рассталась спокойно, как с совершенно недорогим для меня предметом* [с. 130].

Союзы *что* и *словно* в анализируемом тексте, употребляются не так часто, как союз *как*. Они используются автором, чтобы установить аналогию, соответствие чему-либо: *Было такое впечатление, что ребенок заснул* [с. 108]; *В гробу она лежала красивая, словно в последний миг к ней вернулась молодость, разгладила все ее морщинки* [с. 109]; *Она, понимая это, словно затаилась* [с. 109].

Ирреальное сравнение — это воображаемое сравнение, оно существует в сознании, но на самом деле такого не может быть: *Стук словно молотом бил по голове* [с. 91]. Таких сравнений в тексте гораздо меньше, чем реальных. Для передачи кажущегося, нереального сходства Ю. С. Тотьыш выбрал союз *будто*: *Ты и так выглядишь, будто завтра у тебя похороны* [с. 102]; *Это видно, у тебя такой вид, будто ты не один день проболела, а целый месяц* [с. 94].

Введение коррелята *такой* акцентирует совпадение предметов мысли или их полное тождество: *У тебя такой вид, будто ты на кресте висишь* [с. 100]; *Тайга вокруг стояла такая, что в ней можно было исчезнуть навсегда* [с. 112].

Ю. С. Тотьыш с помощью сравнений создает особую атмосферу произведения. Подбор лексики в сравнительных оборотах говорит сам за себя: *как кукла, словно немая, мрачнее тучи, как песочный дом, будто на кресте висишь; будто завтра похороны* и т. д.

Используя сравнения как метафоры, автор рисует тяжелую, мрачную картину сталинского времени, нечеловеческое отношение людей у власти к простым людям: *Обращение чисто скотское* [с. 103]. Ни в чем неповинные люди, попавшие в водоворот сталинских репрессий, недоумевали, за что их наказывают: *Мои мозги словно онемели* [с. 135]; *В это время я была похожа, наверное, на немую* (с. 135); *Я сидела как пришибленная* [с. 127].

Несмотря на то, что люди оставались людьми («люди как люди»), чувствовали боль («При этих словах меня, как ножом, полоснуло по сердцу»), но с обрушением их мира («мир рушился, как песочный дом»), они начинали воспринимать себя в лучшем случае животными («пошла, как овца»), покорными, безропотными, послушными судьбе. Сравнения: *стала как немая, похожа была на немую* — свидетельствуют, что люди теряют дар речи от внезапной перемены в их жизни, хотя они могли молчать и потому, чтобы не навлечь на себя еще большего горя, не потерять того, что у них еще осталось. В худшем случае воля их покидала, и они ощущали себя игрушками, неодушевленными предметами в руках судьбы и подлых людишек: *Я была как кукла* [с. 95]; *Люди падали, как мешки* — сравнение указывает на неестественное, безжизненное падение.

В нечеловеческие условия были втянуты и дети, они быстро становились взрослыми: *(Сын) Иногда смотрел на меня такими взрослыми, все понимающими глазами, что мне становилось не по себе* [с. 107]. Но чаще всего, не выдержав чудовищных условий жизни, они умирали: *Было такое впечатление, что ребенок просто заснул* [с. 108].

Суровую атмосферу жизни оттеняют сравнения, используемые в описании природы: *Тайга вокруг стояла такая, что в ней можно было исчезнуть навсегда* [с. 112]; *Из-за горы выползла большая туча, похожая на кляксу* [с. 131].

Как утверждает Е. В. Скворецкая, сравнения в языке выполняют две функции: 1) логическую, «когда сопоставляются два объекта и это сопоставление расширяет наше познание о предмете сравнения»; 2) экспрессивную, когда сравнение «не столько расширяет наше познание о предмете сравнения, сколько создает образность речи» [Скворецкая 1971, с. 173]. В тексте Ю. С. Тотьша логические сравнения строятся как сложноподчиненные предложения со сравнительным союзом в придаточной части и коррелятом *такой, так* в главной части: *Это видно, у тебя такой вид, будто ты не один день проболела, а целый месяц* [с. 94]; *Вид у тебя такой, будто ты на кресте висишь* [с. 100]; *Ты и так выглядишь, будто завтра у тебя похороны* [с. 102]; *Было такое впечатление, что ребенок просто заснул* [с. 108].

Все остальные сравнения должны были бы выполнять экспрессивную функцию. Однако, по нашему мнению, цель не достигнута: сравнения у автора отличаются тематической однородностью. Он постоянно обращается к одним и тем же лексическим единицам. При этом около половины используемых сравнения представляют собою устойчивые сочетания, связанные с отображением душевных и физических страданий главной героини, ее отчаяния, тоски, тревоги. В основном это общеязыковые сравнения. Среди них преобладают разговорные устойчивые единицы: *как в воду канул* [с. 104]; *словно Мамай прошел* [с. 102]; *по спине мурашки бегают* [с. 125]; *как страшный сон* [с. 102]; *как во сне* [с. 94]; *как кошмар* [с. 130]; *как пришибленная* [с. 127]; *как потерянная* [с. 134]; *как овца* [с. 132]; *полоснуло, как ножом* [с. 136]; *как град* [с. 95]; *словно молотом бил по голове* [с. 91]; *как тень* [с. 104].

Таким образом, в тексте «Муки смертные» на 56 страницах выделено 71 сравнение. Из них наибольшее число принадлежит сравнениям, образованным с помощью сравнительных союзов: *словно, как, будто* (52%). Среди других видов сравнения наиболее часто встречаются конструкции, построенные с помощью сравнительного слова *похожий*.

Сравнение как художественно-изобразительное средство играет важную роль в творческом методе Ю. С. Тотьша: посредством его он передает мрачную атмосферу описываемых событий. Но при всем этом автор, передавая эмоционально-экспрессивное содержание, ограничивается в основном только общеязыковыми сравнениями. Следует отметить, что писатель редко использует сравнения для описания внешности или характера персонажей, но часто прибегает к ним для того, чтобы кратко, но емко обрисовывать ситуации, в которые попадают персонажи, и их реакцию на эти ситуации. Описывая внешность или поведение персонажей, Ю. Тотьш использует сравнения, которые строятся без применения союзов, а именно сравнения-эпитеты: *Лицо стало восковым* [с. 108]; *Сразу же вышла женщина средних лет с мягким белоснежным лицом* [с. 128]; *шелковистые волосы* [с. 134]. Или же конструкции с творительным сравнения: *На это время мой ребенок набрал уже шестьсот грамм и выглядел совсем молодцом* [с. 138]; *Тот (мальчик) жадно схватил и стал есть, озираясь зверьком* [с. 142]. Гораздо реже Ю. Тотьш применяет в этих целях специальные предложные комплексы: *Люба выглядела под стать мужу* [с. 123].

К сожалению, можно констатировать, что выбор объектов для сравнения у Ю. С. Тотьша обычен. Принадлежность некоторых устойчивых сравнительных выражений к просторечию, как например, *словно Мамай прошел*¹, разговорное слово *мурашки* [Ожегов 1985, с. 314] во фразеологизме *мурашки бегают* и др., свидетельствует, что Ю. С. Тотьш тяготеет к разговорной речи в произведении. Лингво-культурологический анализ сравнений показал, что все образы навеяны русским языком и русской культурой. Это еще раз подтверждает тот факт, что шорцы очень быстро перешли на русский язык и переняли традиционные русские образы.

Литература

1. Кузнецова И. В., Лукина М. Р. Русские и чувашские устойчивые сравнения в сопоставительном аспекте // Устойчивые сравнения в системе фразеологии: коллективная монография / ответственный редактор В. М. Мокиенко. Санкт-Петербург: Грайсвальд, 2016. С. 190–197. Текст: непосредственный.
2. Кузнецова Н. Н. Классификации сравнений // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. № 02(82). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/klassifikatsii-sravnenij.html> (дата обращения: 10.01.2023). Текст: электронный.
3. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с. Текст: непосредственный.
4. Мокиенко В. М. Системность устойчивых сравнений / Устойчивые сравнения в системе фразеологии: коллективная монография / ответственный редактор В. М. Мокиенко. Санкт-Петербург: Грайсвальд, 2016. 278 с. Текст: непосредственный.
5. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Ленинград: Просвещение, 1978. 159 с. Текст: непосредственный.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под редакцией Н. Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. Москва: Русский язык, 1985. 797 с. Текст: непосредственный.

¹ Фразеологический словарь / составление Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под редакцией А. И. Молоткова. Изд. 2, стереотип. Москва: Советская энциклопедия, 1968. С. 237.

7. Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1994. 368 с. Текст: непосредственный.
8. Скворецкая Е. В. К вопросу о синтаксических возможностях выражения компаративности в русском литературном языке XVIII века // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга: Калужская обл. типография, 1971. С. 169–177. Текст: непосредственный.
9. Тотыш Ю. С. Перкут. Кемерово: СКИФ, 2005. С. 88–144. Текст: непосредственный.
10. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка / ответственный редактор К. А. Тимофеев. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с. Текст: непосредственный.
11. Чжан Цзинна. Сравнение в русском языке: общая характеристика способов выражения // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2017. № 1. С. 130–133. URL: <http://univers-plus.ru> (дата обращения: 09.03.2023). Текст: электронный.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Научная статья
УДК 811.512.31'272
DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-25-29

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СЕМЬИ ДЛЯ МЕЖГЕНЕРАЦИОННОЙ ТРАНСЛЯЦИИ РОДНОГО (ЭТНИЧЕСКОГО) ЯЗЫКА

© **Цыбденова Баирма Жамьяновна**
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков и общей лингвистики
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
btsybdenova@bk.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению языковой политики семьи для межгенерационной трансляции родного языка. Материалом исследования послужили исследования отечественных и зарубежных исследователей по теме и результаты социологического опроса, проведенного автором по вопросам сохранения родного языка среди представителей бурятской национальности в возрасте от 16 лет и старше. На основе анализа литературы и социологического опроса выявлена и обоснована важная роль языковой политики семьи для межгенерационной передачи родного языка с целью сохранения родного языка.

Ключевые слова: этнический язык, возрождение и сохранение родного языка, межгенерационная трансляция родного языка, социализация индивида, язык наследия, языковая политика семьи.

FAMILY LANGUAGE POLICY FOR INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF NATIVE (ETHNIC) LANGUAGE

Bairma Zh. Tsybdenova
Cand. Sc. (Sociology),
Assistant professor of East Siberian State institute of Culture
1, Tereshkova St., 670031 Ulan-Ude, Russia
btsybdenova@bk.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the family language policy for the intergenerational transmission of the native language. The material of the study was the research of domestic and foreign researchers on the topic, the results of a sociological survey conducted by the author on the preservation of the native language among representatives of the Buryat nationality aged 16 and older. Based on the analysis of the literature and the sociological survey, we revealed and substantiated an important role of the family language policy for the intergenerational transmission of the native language to preserve the native language.

Keywords: ethnic language, the revival and the preservation of the native language, inter-generational transmission of the native language, an individual's socialization, heritage language, family language policy.

Введение

Проблема возрождения и сохранения этнических языков в многоязычных государствах мира является животрепещущей в последние три десятилетия и вызывает научный интерес и обеспокоенность как научного сообщества, так и общественности.

Начиная еще с середины 20-го столетия по настоящее время произошло стремительное сокращение количества языков как в мировом масштабе, так и в масштабах отдельно взятого государства: так, с 1950 года из 2,5 тыс. языков мира исчезли 230 языков¹, из 151 языка Российской Федерации 18 языков находятся на грани исчезновения. Вызывает обеспокоенность бедственное положение и состояние национальных, этнических и миноритарных языков Российской Федерации, на которых говорят лишь люди старшего поколения между собой в сфере семьи. Во избежание утраты миноритарных языков в обозримом будущем, следует сохранить функцию общения на этих языках в семейной сфере, поскольку «наряду с необходимостью их исследования и фиксации, так как именно в этой группе языков наиболее интенсивны процессы ассимиляции и велика угроза исчезновения языков» [1: 10].

Материалы и методы исследования

По данным Переписи 2010 г. бурятским языком владели менее половины бурят — 43,6%. В период с 2002 по 2010 г. доля владеющих родным языком среди бурят снизилась на 37,6% (с 81,4% по данным Переписи 2002 г. до 43,6% по данным Переписи 2010 г.). Уровень владения родным языком среди учащейся молодежи республики является очень низким: так, 23,2% дошкольников и 34,8% старшеклассников плохо владеют бурятским языком; 48,1% дошкольников, 27,1% старшеклассников не знают бурятского языка. Чем моложе поколение, тем уровень владения родным языком ниже, и тем больше детей младшего возраста не знают языка [2, с. 103, 111]. Опрос взрослого бурятского населения показал, что с детьми дома на бурятском общаются лишь 16,84% родителей [2, с. 137]. Для сравнения можно привести данные опроса 1989–1990 гг., когда 33,7% взрослого бурятского населения ответили, что общаются с детьми по-бурятски [3].

Результаты проведенного нами социологического опроса среди учащихся, студентов и молодежи г. Улан-Удэ показывают, что окружающая среда и сферы общения детерминируют выбор языка общения. Так, в учебном заведении и на работе большинство молодых респондентов обычно говорят на русском языке — 75,8%, на бурятском и русском языках — 20,3%, 4% — на бурятском. В общественных местах 68,8% говорят на русском языке, 27,3% — на обоих языках, 4% — на бурятском языке. Дома, в семье 43,8% общаются на обоих языках, только на бурятском — 12,5%, на русском общаются — 43%. Эти данные свидетельствуют не только о стремительном снижении уровня владения бурятами родным язы-

¹ Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» (англ. Atlas of the World's Languages in Danger), ранее «Красная книга исчезающих языков» (англ. Red Book of Endangered Languages). Издание ЮНЕСКО, которое содержит данные об исчезающих языках.

ком, снижении функциональной стороны языка, но и постепенной утрате бурятского языка и разрыве межгенерационной передачи родного языка [5].

Современные родители стремятся научить ребенка русскому языку, который дает больше возможностей для самореализации и продвижения в обществе, чем знание родного языка, но при этом они не задумываются о том, что такое языковое поведение и ориентации могут в недалеком будущем привести к утрате языка, к утрате культурного наследия народа.

Бурятский язык находится под угрозой исчезновения¹ (в числе других 50 языков), потому что дети не учат язык дома, в семье, и все общение детей происходит на русском языке во всех средах и сферах общения.

Образовательно-языковая политика Российской Федерации не уделяет достаточного внимания этнокультурному образованию, удовлетворению этнокультурных и языковых потребностей обучающихся, не обеспечивает в полной мере сохранение этнокультурной идентичности личности путем приобщения к родному языку и культуре. В области этнокультурного образования сократился объем часов дисциплин этнокультурной направленности в образовательных программах школ более чем вдвое, произошло уменьшение числа языков, количества школ и школьников, изучающих этнические языки.

Социологический опрос, проведенный нами среди учащихся старших классов, студенческой молодежи бурятской национальности г. Улан-Удэ показал, что молодежь задумывается над проблемой сохранения бурятского языка и обеспокоена будущим родного языка. По мнению респондентов, важными условиями сохранения языка для будущих поколений являются: общение родителей с детьми на родном языке с младенчества, межгенерационная передача языка, обучение родному языку в школе, деятельность общественных и правительственных организаций по сохранению языка, материальные вознаграждения за знание языка, популяризация бурятского языка.

Ряд ученых отмечают важную роль семьи и межгенерационной передачи родного языка, общения на родном языке в семье для сохранения языка и культуры (Глушкова С. А., Замятин К., Пасанен А., Саарикивис Я., Королева Н. Е. и Сахапова Ф. Х., Мусабекова У. А., Ткачук Н. В., Спольски Б., Фишман Дж. А., Кердт-Кристиансен К. Л. и др).

Зарубежные исследователи рассматривают вопросы сохранения языков меньшинств, а также институциональный характер семьи как средоточие языковой политики [10; 11; 12].

Семья — важный социальный институт в области этнокультурного воспитания и этноязыковой социализации индивида, поскольку именно в семье ребенок овладевает родным языком, где он приобщается к историко-культурному наследию, мировоззрениям этнической общности [4, с. 135–136; 6, с. 57; 7, с. 1–4; 8, с. 147–148; 9, с. 144–145].

¹ Атлас показывает степень сохранности языка на основе девяти факторов, среди них — абсолютное количество носителей, передача языка следующему поколению, сфера использования языка, в том числе и в СМИ, отношение официальных лиц и чиновников к языку и его административное использование, степень его документирования и т. д. Из них самым важным является передача языка между поколениями.

Прерывание межгенерационной передачи родного языка в семье ведет к постепенной утрате языка и его исчезновению. Согласно ЮНЕСКО «языки, изучаемые менее чем 30% молодого поколения, могут подвергаться риску» [11, с. 9]. Решающую роль в процессе сохранения или утраты родного языка играет семья (родители), наряду с другими институтами, такими как образование, СМИ, и др., поскольку родители сознательно или несознательно создают окружающую среду, которая либо способствует воспитанию этноязыковой личности, знающей родной язык либо не способствует владению языком, что приводит к прерыванию межпоколенческой передачи языка. Межгенерационный языковой сдвиг происходит обычно в пределах 3-х поколений, что является часто нормой языкового поведения иммигрантов [10].

По мнению зарубежных ученых, исследующих проблемы сохранения языков коренных народов и языков наследия иммигрантов, необходима языковая политика в семье для распространения и сохранения родного языка.

Языковая политика семьи определяется как «сознательная попытка практиковать систему определенного языка, особую практику грамотности в пределах сферы семьи и среди членов семьи» [11, с. 352]. Формирование языковой политики семьи включает много переменных, которые относятся к «лингвистической культуре — сумму идей, ценностей, убеждений, отношений, предубеждений, мифов, религиозных структур и другой культурный «багаж» [12]. Б. Спольски (Spolsky B.) выявил три основных компонента исходной модели языковой политики: анализ языковых верований или идеологий, языковых практик и менеджмента языка. Ученый определил языковые практики речевого сообщества как «привычный образец выбора среди разновидностей, составляющих его лингвистический репертуар», его языковые верования или идеологию как «представления о языке и его использовании», а менеджмент языка — как любые конкретные усилия изменять или влиять на практики с помощью «любого вида языкового вмешательства, планирования или менеджмента» [12, с. 5]. Эти три компонента тесно взаимосвязаны, поскольку языковые практики находятся под влиянием идеологии, а иногда и ведут к языковому менеджменту.

Через постоянное общение с родителями и представителями старшего поколения в семье и более компетентными членами своего сообщества, дети изучают убеждения и поведение, принятые в культуре народа. При исследовании языковой политики семьи следует учитывать не только языковые модели семей, но и социально-политический и культурный контекст, убеждения родителей, которые в конечном итоге формируют как менеджмент языка в семье, так и передачу конкретных языковых идеологий для молодого поколения носителей [11].

Выводы

Актуальной задачей современной этнической семьи и этнической общности является сохранение родного (этнического) языка путем осуществления языковой политики семьи. С этой целью важно распространение идей и убеждений о необходимости защитить, развивать, сохранить язык для последующих поколений. Беседы с детьми о роли языка для народа и о последствиях утраты языка для этнической общности / народа помогут им осознать необходимость овладения родным языком и общения на нем. Следует помнить, что с утратой языка происходит потеря этнической и культурной самобытности народа, уникальных куль-

турных, исторических и экологических знаний и традиций, уникальной этнической языковой картины мира, народа как такового.

Однажды потеряв язык, народ неспособен обрести его, становится придатком другого, более мощного народа; ассимилировавшись с другим народом, теряет свое лицо, свою этническую уникальность. Осознание большинством людей среднего, старшего, в особенности младшего поколения этнической общности опасности исчезновения родного (этнического) языка в обозримом будущем и его последствий для этноса является важным посылом и предпосылкой для изменения языковых ориентаций и установок относительно изучения родного языка.

Решение актуальных социолингвистических проблем и реализация конкретных мер для сохранения родного языка для будущих поколений зависят во многом от работы правительственных органов, Министерства образования и науки республики, общественных организаций, общественных институтов, СМИ, школы, но и от семьи, самих носителей языка.

Литература

1. Язык и общество. Энциклопедия. Москва: Азбуковник, 2016. 872 с. Текст: непосредственный.
2. Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития: монография / ответственный редактор Д. Д. Бадараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 256. Текст: непосредственный.
3. Дырхеева Г. А. Бурятский язык десять лет спустя: современные проблемы функционирования и перспективы развития. 2019. Текст: непосредственный.
4. Глушкова С. А. Роль семьи в межпоколенной трансляции родного языка и формировании этнической идентичности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-mezhpokolennoy-translyatsii-rodного-yazyka-i-formirovani-ethnicheskoj-identichnosti> (дата обращения: 20.12.2020). Текст: электронный.
5. Гунжитова Г.-Х. Ц. Языковая ситуация и языковая политика в Республике Бурятия на современном этапе // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 4. С. 14–19. Текст: непосредственный.
6. Замятин К., Пасанен А., Саарикивис Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012. 178 с. Текст: непосредственный.
7. Королева Н. Е., Сахапова Ф. Х. Роль семьи в сохранении национальных традиций в контексте социально-культурной модернизации // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2015. Т. 1. № 1(64). С. 175–182. Текст: непосредственный.
8. Мусабекова У. А. Роль образования и семьи в сохранении родного языка и культуры // Педагогическое образование на Алтае. 2018. № 2. С. 145–149. Текст: непосредственный.
9. Ткачук Н. В. Роль семьи в сохранении родных языков малых народов: социологический опрос учащихся Ханты-Мансийского автономного округа. Югра // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 1. С. 138–149. Текст: непосредственный.
10. Fishman J. A. Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. London: Multilingual Matters, 1991. Текст: непосредственный.
11. Curdt-Christiansen X. L. Invisible and visible language planning: Ideological factors in the family language policy of Chinese immigrant families in Quebec. Language Policy. № 8(4). P. 351–375. 2009. URL: https://www.academia.edu/10480323/Invisible_and_visible_language_planning_ideological_factors_in_the_family_language_policy_of_Chinese_immigrant_families_in_Quebec (дата обращения: 20.12.2020).
12. Spolsky B. Language policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Научная статья
УДК 81 272
DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-30-35

ЯЗЫКОВАЯ БИОГРАФИЯ КАЛМЫКОВ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

© **Манджиева Цагана Дамбаевна**

аспирант,
научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям,
Институт языкознания РАН
Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1
mandzhieva.96@mail.ru

Аннотация. Цель нашего исследования — анализ воздействия исторического фактора на конструирование языковой биографии этнической группы в нашем случае калмыков. Этот обзор позволит оценить роль исторической памяти, основываясь на проведенном интервьюировании и опыте информантов. Данная проблематика была рассмотрена в ходе проведенного интервьюирования на примере калмыцкой языковой общности Республики Калмыкия, где в 2020–2022 гг. было проведено комплексное социолингвистическое исследование. В статье применяется следующий метод исследования: анализ автобиографических нарративов / языковых биографий информантов (интервью). Научная новизна исследования заключается в методологическом анализе языковой биографии этнической группы калмыков. В результате выявлено, что исторический фактор приводит к изменению самосознания представителей этнической группы, будущее связано с его прошлым.

Ключевые слова: языковая биография; калмыцкий язык; исторический фактор; этническая группа.

LANGUAGE BIOGRAPHY OF THE KALMYKS: HISTORICAL MEMORY

Mandzhieva Ts. Dambaевна

postgraduate student,
of Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russia
mandzhieva.96@mail.ru

Abstract. The purpose of our study is to analyze the impact of the historical factor on the construction of the linguistic biography of an ethnic group in our case, the Kalmyks. This review will provide an opportunity to assess the role of historical memory based on the interviews conducted and the experiences of the informants. This issue was considered during the interview on the example of the Kalmyk language community of the Republic of Kalmykia, where in 2020–2022 a comprehensive sociolinguistic study was carried out. The article uses the following research method: analysis of autobiographical narratives / linguistic biographies of informants (interviews). The scientific novelty of the study lies in the methodological analysis of the linguistic biography of the Kalmyk ethnic group. As a result, it was revealed that the historical factor leads to a change in the self-consciousness of the representatives of the ethnic group, the future is connected with its past.

Keywords: language biography, Kalmyk language, historical factor, ethnic group.

Введение

В современных академических трудах по социолингвистике популярность приобретает научное направление, раскрывающее сущность понятия «языковая

биография» [1, с. 120]. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что изучение процесса использования языков этническими группами представляет глубокий интерес для научного общества.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: обосновать и изучить содержание термина «языковая биография» опираясь на опыт исследования данного понятия; установить, как исторический фактор влияет на моделирование языковой биографии этнической группы. В статье применяется следующий метод исследования: анализ автобиографических нарративов / языковых биографий информантов (интервью).

Теоретическую основу исследования составили публикации зарубежных и русских авторов, в которых языковая биография рассматривается как индивидуальный опыт респондента, т.е. анализируется языковое поведение, языковая дистрибуция конкретного человека [6; 7; 1; 2, 4 и др.]. Стоит отметить, что понятие «языковая биография» использовалось в Европейском языковом портфеле в дидактических целях¹.

В понимании концептуального аспекта языковой биографии ученые придерживаются точки зрения, что языковая биография — это отдельная история изучения и использования языка, пережитая людьми. Таким образом, жизнь человека можно увидеть через взаимодействие с языком / языками [6, с. 9].

Объяснение термина «языковые биографии» принадлежит немецким исследователям У. Фикс и Д. Барт [5]. Вслед за ними языковая биография понимается как описание языковой жизни этноса. Эта интерпретация вытекает из определения биографии как «описания жизни человека или его жизни»². В словаре немецкого языка дана следующая дефиниция слова «биография»: «Биография — описание жизни; от греческих слов «bios» «жизнь» + «graphein» «писать»» [8, с. 711]. Она «давала информацию о том, какие языки были распространены в родительском доме, в школе, в родном населенном пункте интервьюируемого, как менялась его языковая компетенция в течение жизни вследствие социально-политических и исторических трансформаций...» [2, с. 4].

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты позволят сконструировать языковую биографию этнической группы, а именно калмыков.

Исследование, представленное в статье, основано на эксперименте конструирования языковой биографии калмыков. Калмыки относятся к монгольскому этносу ойратской группы. «Калмыцкий язык, язык титульного этноса Республики Калмыкия относится к западно-ойратской ветви монгольской семьи языков, имеет древнюю письменную традицию» [3, с. 9, с. 37].

К основному практическому материалу работы относятся автобиографические нарративы, записанные во время интервьюирования в ходе социолингвистического исследования в 2020–2022 году. В изложенных нарративах воссоздается биография респондентов, их воспоминания о предках, о языке, о детстве, об образовании и др.

¹ URL: https://europe.hkbu.edu.hk/european_studies/files/ELPguide_teacherstrainers_EN.pdf (дата обращения: 20.20.2020). Текст: электронный.

² Советский энциклопедический словарь. 1989. Москва: Советская энциклопедия. 1633 с. Текст: непосредственный.

Возрастной состав респондентов принявших активное участие в интервьюировании распределился следующим образом:

- ✓ от 30 лет и младше;
- ✓ от 31 года до 54 лет;
- ✓ от 55 лет и старше.

В работе мы исходим из понимания языковой биографии этнической группы как многофакторной модели, которая складывается из комбинации ряда факторов: языкового, социо- и этнокультурного, исторического, экономического. В дополнении к факторам учитывается демографическая, функциональная, символическая и конфессиональная мощности.

Обратимся к рассмотрению влияния *исторической памяти (исторического фактора)* на моделирование языковой биографии калмыков. Дискурс памяти появляется, когда каждое сообщество или общество переживало состояние «отрванности» от прошлого в определенный момент «своего» времени. Повышенное внимание к памяти представляется в том, что воспоминания пропадают, удаляются, а общество старается их сберечь и зафиксировать [4, с. 24].

Историческая память этнической группы складывается из образов произошедших событий, что может отражаться на функциональном развитии и становлении языка. К событиям исторического характера можно отнести переселение калмыков на Волгу, политические репрессии и т. д. Так, на тему откочевки калмыков среди представителей этнической группы имеется следующее мнение: *«считаю, что калмыки пришли сюда с культурой, с языком, ничего не потеряли. Но адаптировались к европейской культуре, сохранили, 100% и культуру, и быт»*¹.

Поскольку историческая память служит одним из основных способов самоидентификации этнической группы, данные эпизоды отразились и сохранились в генетической памяти, послужившей источником подражания общества. В результате глубинного интервью упомянули одну из ключевых личностей: *«наверное, в 13–15 лет прочитал книгу Исаия Калашикова «Жестокий век». Это школьные годы, интерес представлял образ Чингисхана»*².

В собранных метатекстах «депортационной тематики» упоминается о необходимости овладения русским языком, способствующая расширению лексического запаса: *«в первую очередь, конечно, изучили русский язык, научились говорить на русском языке. Было принудительно, вынужденно, потому что работаешь среди русских. Знание русского языка чтобы сказать: «дай хлеба, дай картошки, иди сюда»*³.

По воспоминаниям информантов, несмотря на сложное положение, калмыкам удалось адаптироваться к условиям, этому непосредственно способствовали местные жители. Следует признать, что изначально к калмыкам относились с тревогой. *«Рассказывали, что им говорили, что людоеды едут. Конечно, какое отношение к ним должно быть. Когда уже познакомились, начали общаться,*

¹ Информант, калмык, 45 лет, Элиста [ЛАЦМ. Личный архив Ц. Д. Манджиевой (2020–2021 гг.)].

² Там же.

³ Информант, калмык, 81 год, Элиста [ЛАЦМ. Личный архив Ц. Д. Манджиевой (2021–2022 гг.)].

то поменяли мнение»¹. Анализируя суждения, описывающие языковую реальность в период депортации (1943–1956 гг.) удалось выделить несколько особенностей этого этапа. События тех лет в жизни этнической группы оставили не только скорбный след, но и опыт.

Информант: Конечно, наш отец был возмущен, мать не понимала. «Как же так? Братья мои воюют на фронте, а его выслали?». Ещё Красную армию кормил, рыбачил. Это не справедливо, конечно. Но зато в Сибири многому научились, понимаете. У нас, например, с русскими конфликтов даже там не было, нам помогали. Да, в первые дни. Мы же не знали, что такое картошка?

Интервьюер: То есть не было культуры такой?

Информант: У нас же не было такого в Калмыкии. Картошка, капуста не знали. В Алтайской земле это золото, кинешь картошку в землю, и поливать не надо, уже растёт.

Интервьюер: То есть определённые навыки сибирский цикл дал?

Информант: Конечно»².

При описании данного периода информант высказал мнение относительно этнолингвистической ситуации связанной с языком: «после 1943 года могу об этом сказать, что потеряли много.

Интервьюер: После 1950-х?

Информант: Да, после репрессии. Если бы не выселили в 1943 году, мне кажется, все равно бы мы, наверное, еще тот быт, уклад сохранили бы, скорее всего, традиционный. Я так думаю. Может быть, даже и язык еще бы существовал»³.

Таким образом, проанализировав историческое прошлое калмыков путем выстраивания модели языковой биографии этнической группы на основе данных о языке, полученных посредством автобиографических нарративов, рассмотрим нынешнюю языковую ситуацию в Республике Калмыкия. Она характеризуется следующим образом в связи с доминированием русского языка над калмыцким языком, функционирование калмыцкого языка в семейной сфере почти не отмечается, только в сельских моноэтнических районах используется как язык семейного общения.

Очевидно, что активно протекает языковой сдвиг, при котором население, говорящее на калмыцком языке, с какого-то момента и по определенным причинам, переориентировалось на русский язык. При этом почти прервался процесс передачи языка от предыдущего поколения к последующему.

По этой причине в настоящее время в республике пристальное и должное внимание уделяется восстановлению и сохранению социальных функций калмыцкого языка. Для этого предпринимаются различные меры, используются разные способы и методы, к примеру, языковой активизм. К одной из таких мер можно отнести оформление вывесок, афиш и другой визуальной информации в оформлении общественных пространств города. Соответствующее решение было

¹ Информант, калмычка, 66 лет, Элиста [ЛАЦМ. Личный архив Ц. Д. Манджиевой (2021–2022 гг.)].

² Информант, калмык, 81 год, Элиста [ЛАЦМ. Личный архив Ц. Д. Манджиевой (2021–2022 гг.)].

³ Информант, калмык, 45 лет, Элиста [ЛАЦМ. Личный архив Ц. Д. Манджиевой (2020–2021 гг.)].

принято в ходе совещания Элистинского городского собрания, на котором было отмечено, что «должен соблюдаться принцип паритетного использования государственных языков республики. Вывески в организациях, учреждениях, магазинах, других объектах сферы обслуживания должны быть на калмыцком и русском языках, при этом размеры шрифтов и другие аспекты визуального оформления не должны различаться»¹. Данная мера даст возможность воссоздать погружение в языковую среду.

Проведенное языковое биографическое исследование показывает, что длительное время в депортации, разумеется, повлияло на этническое самосознание представителей этнической группы калмыков, на использование калмыцкого языка при общении между собой, т. е. сократило его употребление в повседневной жизни. В исторической памяти этнической группы помимо отрицательного эффекта есть и положительные моменты. Люди, события исторического характера позволяют спрогнозировать будущее и развитие языка.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Языковая биография — это многогранное понятие, позволяющее рассмотреть этническую группу, ее историю учитывая все факторы, из которых она конструируется. Автобиографические нарративы позволили в деталях рассмотреть влияние исторического фактора на языковую биографию. Исследование интервью наглядно продемонстрировало, что историческая память оказалась сильнее и наложила свой отпечаток на языковую биографию калмыков.

Литература

1. Александров О. А. Основные черты языковой биографии немцев Томской области в военные и послевоенные годы // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2(19). С. 120–125. Текст: непосредственный.

2. Александров О. А. Термин "языковая биография" в зарубежной лингвистической литературе // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых (г. Томск, 28–30 мая 2013 г.): в 3 ч. Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ), Институт международного образования и языковой коммуникации (ИМОЯК). 2013. С. 3–12. Текст: непосредственный.

3. Биткеева А. Н. Калмыцкий язык в современном мире (социолингвистический аспект). Институт языкознания РАН. 2006. Москва: Наука. 365 с. Текст: непосредственный.

4. Замятин К. Ю. Российское языковое законодательство: динамика становления и изменения // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 2. С. 8–15. Текст: непосредственный.

5. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-ramyat-i-osnovnye-tendentsii-ee-izucheniya> (дата обращения: 25.02.2022). Текст: электронный.

6. Fix U., Bart D. Sprachbiographien. Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinern und Erben von Zeitzeugen aus der DDR. Frankfurt-am-Main: Peter Lang. 2000. 719 p.

¹ Сохраним калмыцкий язык: в Элисте появятся вывески на двух языках // РИА Калмыкия Республиканское информагентство. URL: <https://riakalm.ru/index.php/news2/27853-sokhranim-kalmytskij-yazyk-v-elite-poyavyatsya-vyveski-na-dvukh-yazykakh> (дата обращения: 08.04.2022). Текст: электронный.

7. Franceschini R., Miecznikowski, J. *Leben mit mehreren Sprachen: Sprachbiographien*. Bern, Berlin, Frankfurt am Mein, Wien [u.a.]: Peter Lang. 2004. 254 p.
8. Meng K. *Russlanddeutsche Sprachbiographien: Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien*. Tübingen: Narr. 2001. 549 p.
9. Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. Berlin: Bertelsmann Lexikon — Verl. 1975.

Научная статья
УДК:372.8:811.611(510)
DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-35-40

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Чэнь Цзяньцзе

магистрант,
Институт филологии иностранных языков и массовых коммуникаций
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
chenjianjie@mail.ru

Аннотация. С течением времени, политика и ситуация в области преподавания русского языка в Китае подвергается изменениям. Зная историю преподавания русского языка в Китае, мы можем предсказать будущие тенденции и изменения в обучении русскому языку. История преподавания русского языка в Китае очень непростая. В статье предпринята попытка описания истории обучения русскому языку в Китае, которая делится на шесть различных периодов, от введения обучения русскому языку в Китае до времени, когда ощущался избыток специалистов в области русского языка, и далее, до текущей ситуации с современным русским языком в Китае.

Ключевые слова: русский язык; русский язык как иностранный; межкультурные коммуникации; китайские студенты; обучение; изменения в образовании; система образования Китая; история; высшее образование в Китае; хронология.

TEACHING RUSSIAN IN CHINA: HISTORICAL ASPECT

Chen Jianjie

Master's student,
at the Institute of Philology, Foreign Languages and Mass Communications
D. Banzarov Buryat State University
24a Smolina Str., 670000 Ulan-Ude, Russia
chenjianjie@mail.ru

Abstract. Over time, the policy and situation in the field of teaching the Russian language in China is constantly changing. Knowing the history of Russian language teaching in China, we can predict future trends in changes in Russian language teaching. The history of Russian language teaching in China is very tortuous and difficult. In this article, the history of Russian language teaching in China is divided into six different periods, from the introduction of Russian language teaching in China to the time when there was an excess of Russian language specialists, and further, to the current situation with modern Russian language in China.

Keywords: Russian language; Russian as a foreign language; intercultural communications; Chinese students; training; changes in education; China's education system; history; higher education in China; chronology.

Введение

Политика страны в области обучения иностранным языкам часто тесно связана с внешней политикой этой страны, экономическими и торговыми обменами, а также научно-техническим развитием. Мы можем анализировать внешние отношения страны, анализируя политику страны в области образования на иностранном языке. Мы также попытаемся сформулировать стратегии обучения иностранным языкам, анализируя дипломатические тенденции страны. В этой статье мы рассмотрим историю и особенности обучения русскому языку в Китае, чтобы попробовать разобраться в тенденциях преподавания русского языка в современном Китае.

1. Обучение русскому языку при династии Цин (1708–1912).

В Китае преподавание русского языка впервые официально зарегистрировано в период правления династии Цин в правление императора Канси. Принимая во внимание рост культурных обменов между Китаем и Россией, император Канси в 1708 году присоединил Музей русской литературы к Императорской академии наук для подготовки китайских переводчиков русского языка. Это была первая школа русского языка в истории Китая. В 1901 году Музей русской литературы был объединен с залом Пекинского педагогического университета (предшественником Пекинского университета) [4].

В первые дни создания Русского культурного музея преподавание в основном велось русскими, которые проживали в Китае. После того, как масштабы работы школы увеличились, цинское правительство открыло такие же школы в Шанхае (1863), Гуанчжоу (1864) и в провинции Хубэй (1893). В других районах также были открыты школы, все они преподавали русский язык. Русский язык использовался на протяжении всего обучения, и студенты обязаны читать русскую литературу, а также начинают обращать внимание на важную роль родного языка в преподавании иностранных языков. После окончания обучения подготовленные студенты могут читать и переводить книги на иностранных языках, а также могут выполнять устный перевод и писать словари [1].

В эти государственные школы они набирают русских, которые долгое время жили в Китае, в качестве основы учителей, а некоторые из учеников, закончивших учебу, стали учителями или ассистентами преподавателя. Они используют русские книги в качестве учебных материалов, анализируют грамматику и изучают словарный запас. Есть свидетельства того, что они применили некоторые относительно современные концепции и объединили их с особенностями китайцев, изучающих русский язык, чтобы сформировать «учебно-методические разработки», но они не оставили подробного описания этого в литературе [11].

2. Обучение русскому языку в Китайской Республике (1920–1931).

После победы Октябрьской революции и быстрого распространения марксизма в Китае в сочетании с предложением Сунь Ятсена, тогдашнего президента Китайской Республики, обмена с Россией и Российской Коммунистической партией расширились, преподавание русского языка также стремительно развивается. И Гоминьдан, и Коммунистическая партия Китая понимали, что для изучения революционной теории и передового опыта Советского Союза необходима груп-

па кадров, отлично владеющих русским языком. В 1920 году китайские марксисты основали Общество иностранных языков в Шанхае, а в 1921 году в Шанхайском университете была открыта специализация по русскому языку [2].

В этот период большинство русских учебников были отобраны учителями по русским книгам и газетам. Учебник по разговорной речи очень целенаправленный, в основном написанный в сочетании с внутренней и внешней ситуацией и повседневной жизнью того времени. В учебнике грамматики используется «Русская грамматика» под редакцией Лю Цзежуна [7].

3. Обучение русскому языку во время Антияпонской войны (1931–1946).

В конце 1930-х и начале 1940-х годов Коммунистическая партия Китая открыла любительские лекции по русскому языку в Яньани. В 1941 году был основан Яньаньский университет и кафедра русского языка. Большинство учебников по русскому языку за этот период были отобраны преподавателями из русских книг и газет. Ими же был оставлен самостоятельно учебник по разговорной речи, целенаправленно сочетающий ситуации во внутренней и внешней политике двух стран с повседневной жизнью того времени [2].

Центральный комитет Коммунистической партии Китая признал важность развития талантов в области иностранных языков, и в апреле 1944 года русская школа Генерального комитета была преобразована в Яньаньскую школу иностранных языков. Отличительными особенностями школы являются: 1) четкие цели обучения; 2) набор курсов в сочетании с целями обучения и определение содержания курса; 3) акцент на практическом обучении аудированию, разговорной речи, чтению, письму и переводу; 4) гибкие методы обучения, не ограничиваемые формой [2].

После победы в антияпонской войне, чтобы восстановить и расширить китайскую систему образования, в августе 1945 года учителя Яньаньской школы иностранных языков направили две команды, одну команду в Чжанцзякоу для создания кафедры иностранных языков Школы литературы и искусства Северного Китая. Объединенный Университет, который является предшественником Пекинского университета иностранных исследований. Другая команда прибыла в Харбин и основала специализированную школу иностранного языка в ноябре 1946 года; система специализированных школ иностранного языка в Харбине рассчитана на 2–4 года с целью подготовки кадров переводчиков с русского языка, уделяя особое внимание практическим навыкам аудирования, говорения, чтения, письма и перевода [7].

4. Обучение русскому языку до и после основания Нового Китая (1945–1966).

В начале основания Китайской Народной Республики, благодаря дипломатическому союзу Китая с Советским Союзом, а также экономическому строительству, опиравшемуся на советскую помощь, научная и техническая информация в основном поступала из Советского Союза. Тогда же было нанято большое количество советских специалистов, поэтому русский язык стал наиболее актуальным в то время в Китае, это был обязательный для изучения язык. В результате также быстро развивалось преподавание русского языка. К 1951 году в общей сложности в 36 университетах по всей стране были созданы кафедры русского языка, а также существовало 7 колледжей русского языка [8].

В 1950-е гг. были организованы I Всекитайское совещание по вопросам преподавания русского языка и I конференция по методике его преподавания; была

создана Всекитайская руководящая комиссия по русскому языку, возглавившая работу по организации в стране широкомасштабной учебной и научно-исследовательской деятельности в области русского языка. Начинали издаваться научно-теоретические и научно-методические журналы, в том числе и на базе ведущих университетов КНР: «Преподавание русского языка и исследование» (Хэйлунцзянский университет); «Преподавание русского языка» (Пекинский институт иностранных языков); «Преподавание иностранного языка и перевод» (Шанхайский институт иностранных языков) и др.; был выпущен «Большой русско-китайский словарь» (1960) [11].

Хотя в то время из-за потребностей политического и экономического строительства, образование на иностранных языках в Китае было непропорциональным, и это оказало большое негативное влияние на будущее образование на иностранных языках. С другой стороны, языковая политика страны в то время способствовала развитию преподавания русского языка, в значительной степени преподавание русского языка распространилось на начальные и средние школы, преподавание русского языка в Китае вступило в период наибольшего процветания [10].

К середине 1950-х годов в связи с быстрым развитием преподавания русского языка начал наблюдаться избыток специалистов с русским языком. Впоследствии китайско-советские отношения ухудшились, доля преподавания на русском языке постепенно сокращалась, а доля преподавания на английском языке начала увеличиваться год от года. В это время государство объединило или преобразовало семь русских колледжей в независимые колледжи иностранных языков или отделения иностранных языков общеобразовательных университетов. При этом система преподавания русского языка, в которой доминировали колледжи иностранных языков и несколько общеобразовательных университетов, разбросанных по всей стране, все еще сохранялась [6].

В этот период почти полностью прекратилось преподавание русского языка, лишь в нескольких университетах по-прежнему преподавался русский язык, а курсы русского языка стали факультативными предметами. Прекратилась публикация книг, периодических изданий и учебников по преподаванию русского языка, а исследования систем и методов преподавания русского языка практически застопорились [11].

1966–1976. Из-за последствий Культурной революции преподавание иностранных языков в Китае было практически прервано. В поздний период Культурной революции различные университеты один за другим возобновили прием студентов, но масштабы поступления на российские специальности резко сократились [9].

5. Обучение русскому языку после реформы и открытости (1978–1990).

1978. Годы спустя обучение иностранным языкам в Китае быстро развивалось, особенно обучение английскому языку. Преподавание русского языка в 1980-х и в середине-конце 1990-х годов несколько возросло, что связано с нормализацией китайско-советских отношений.

В 1990-х годах несмотря на негативные последствия распада бывшего Советского Союза, с дальнейшим расширением открытости Китая внешнему миру и продолжающимся восстановлением российской экономики Китай, Россия и другие страны СНГ расширили свое сотрудничество в области энергетики, космиче-

ских технологий, культуры и искусства, образования и туризма, гражданских обменов, экономики и торговли и т.д. [3]

80-е годы 20-го столетия. От конца эпохи до 90-х. В середине 1990-х годов приграничная торговля с Россией, главным образом в провинции Хэйлунцзян, охватывающая многие провинции, привела к росту спроса на рынке труда русскоязычных специалистов, в основном в сфере туризма и переводчиков, с академической квалификацией и степенями на уровне колледжа и бакалавра [5].

Преподавание русского языка в основном существует в различных университетах и колледжах, а также в частных учебных заведениях. В то же время, по плану правительства, университеты сотрудничают с учебными заведениями в России, Украине и Беларуси для подготовки большого числа практических русскоговорящих талантов. Приграничная торговля с Россией привела к развитию преподавания русского языка в средних школах, университетах и колледжах провинции Хэйлунцзян, обеспечив приток студентов и расширив масштабы [6].

6. Обучение русскому языку в XXI веке (с 1990 г.)

В конце 1990-х годов высшие учебные заведения расширили набор, и масштабы преподавания русского языка в Китае также значительно расширились. После того, как некоторые первоначально однопредметные колледжи были преобразованы в комплексные университеты, они также начали добавлять российские специальности в сочетании с их соответствующими профессиональными тенденциями. В настоящее время в стране насчитывается около 65 университетов, специализирующихся на русском языке. Согласно статистике соответствующих материалов, поступивших на факультеты русского языка или колледжи 53 университетов в апреле 2004 года, в них обучается 6415 студентов, в том числе 5127 магистрантов, 805 студентов-специалистов и 483 аспиранта (412 магистрантов, 58 докторантов, 13 постдокторантов и 7,5% от общего числа студентов); насчитывается 625 преподавателей, в том числе 95 профессоров, 221 доцент, 251 преподаватель и 58 ассистентов. В стране насчитывается около 300 университетов, которые преподают русский язык в университетах, и около 30 000–35 000 студентов изучают русский язык в университетах, и около 500–600 преподавателей работает в этих университетах [7].

В настоящее время преподавание русского языка в Китае, как правило, ориентировано на грамматику, и грамматика и словарный запас будут неоднократно закрепляться в процессе преподавания, но не уделяется должного внимания повседневному использованию и общению. В результате большинство студентов имеют очень прочную грамматическую базу, но ею трудно пользоваться.

Заключение

Наблюдая за историей преподавания русского языка в Китае, нетрудно понять, что политика Китая в ситуации с обучением иностранным языкам соответствует общим законам. С самого начала Русский культурный музей был создан только для Министерства иностранных дел, а затем постепенно превратился в образовательный центр крупных университетов, необходимый для ежедневных экономических и культурных обменов. Когда китайско-российские (китайско-советские) отношения были дружественными, русскоязычное образование популяризировалось в начальных и средних школах. Когда китайско-российские отношения ухудшились, русскоязычное образование быстро сократилось. Также необходимо учитывать не только отношения между Китаем и Россией, но и вли-

яние соответствующих внутренних условий жизни и развития двух стран, таких как распад Советского Союза, Культурная революция и другие факторы.

В нынешних условиях китайско-российские отношения становятся все теснее под давлением внешних факторов, а коммерческие и культурные обмены между Китаем и Россией растут день ото дня. Китаю нужно большое количество талантов, владеющих русским языком. Однако в настоящее время преподавание китайского русского языка осуществляется лишь в нескольких приграничных провинциях, граничащих с Россией, и этого едва ли достаточно. Думается, что Китаю следует учитывать международную ситуацию, соответствующим образом расширить масштабы преподавания русского языка и подготовиться к более частому сотрудничеству между Китаем и Россией.

Литература

1. Влодова Д. И. 300 лет русскому языку в Китае // Болгарская русистика. 2008. № 3–4. С. 131–132. Текст: непосредственный.
2. Ли Яньхуэй. Новая динамика высшего образования в Китае // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 6(28). С. 151–160. Текст: непосредственный.
3. Ло Сяоя. Методика обучения русскому языку в Китае (история и перспективы) // Научно-педагогическое обозрение. 2015. № 2(8). С. 18–23. Текст: непосредственный.
4. Тенчурина Л. З., Симэй Ли. Изучение и преподавание русского языка в Китае и на Тайване: прошлое и настоящее // Образование и наука. 2016. № 3(132). С. 177–197. Текст: непосредственный.
5. Цзян Ин. Русский язык в приграничном Китае. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. Текст: непосредственный.
11. Тенчурина Л. З. Изучение и преподавание русского языка в Китае и на Тайване: прошлое и настоящее. Ли Си-мэй // Образование и наука. 2016. № 3(132). С. 177–197. Текст: непосредственный.
6. 羽离子. 俄罗斯首次对清政府赠书始末[J]. 近代史研究, 1991(04):265–272.
7. 王铭玉, 孟霞. 中国俄语教学的历史、现状与发展 [C]//中国首届“海峡两岸俄语教学与研究学术讨论会”论文摘要集., 2005:5.
8. 宁琦. 中国俄语教育 70年回顾与展望 [J]. 上海交通大学学报 (哲学社会科学版), 2019, 27(05):76-88. DOI:10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2019.05.008.
9. 刘光准 2004 关于中国俄语教学情况的调查报告 [R].
10. 中国外语教育史. 付克. 上海外语教育出版社. 1984.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

30–31 марта 2023 г. прошла конференция «Типология художественных традиций в литературе», посвященная 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета С. И. Гармаевой (1938–2022).

С 70-х годов XX в. главными приоритетами научно-исследовательской деятельности С. И. Гармаевой были теория и практика литературного процесса, литератур народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Результаты ее исследовательского труда были представлены в монографии «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века» (1996), в докторской диссертации «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX в.: этнокультурные факторы и контекст» (1998), в научных докладах, статьях первых двух десятилетий XXI века.

Проблемы художественной типологии вызывают несомненный интерес у литературоведов. Это первичные, базовые классификации, которые приобретают особую значимость для традиционалистской художественной культуры, для всех традиционных литератур. Литература эпохи модерна и постмодерна через обращение внимания на различные теоретические понятия — метода, героя, топоса и др. — также может быть рассмотрена в аспекте художественной типологии. Отдельные результаты исследовательского поиска в таком направлении представлены в данной части сборника.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ

Научная статья
УДК 821.161.1.09"18"
DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-42-47

ЛИРИЧЕСКИЙ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ГЕРОИ Я. П. ПОЛОНСКОГО

© Новокрещенных Елена Георгиевна
преподаватель,
государственное автономное профессиональное образовательное учреждение РБ
колледж искусств им. П. И. Чайковского
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, пр-т Победы, 17
ya.eleananov01@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности творчества поэта второй половины XIX в. Якова Петровича Полонского на примере лирики и автобиографического повествования. Приводятся в том числе характеристики, данные Полонскому современниками. В работе подчёркивается мысль о единстве лирического и автобиографического героя. Образ автобиографического героя близок образу лирического «я», который в то же время является и субъектом, и объектом изображения. Лирический герой в поэзии — это выражение авторского сознания, так же, как и герой его воспоминаний, где представлены лирические, идеализирующие прошлое картины, эмоциональные порывы, наблюдения и размышления над своими чувствами. И лирический герой, и образ «я» воспоминаний выступают способами раскрытия авторского сознания. И в поэзии, и в автобиографической прозе преобладает лирический способ изображения «я», т. е. изображение «я» преимущественно в сфере внутренней жизни, его мыслей, чувств, эмоциональных реакций на различные явления действительности.

Ключевые слова: воспоминания, лирический герой, автобиографический герой, память.

LYRICAL AND AUTOBIOGRAPHICAL HEROES OF Y. P. POLONSKY

© Elena G. Novokreschennykh
Lecturer of College of arts named after P. I. Tchaikovsky
17 Pobedy Avenue, 670000 Ulan-Ude, Russia
ya.eleananov01@yandex.ru

Abstracts. The article examines the features of the poet's work of the second half of the XIX century. Yakov Petrovich Polonsky. We consider the personality of the poet, the characteristics given to Polonsky by his contemporaries. The work emphasizes the idea of the unity of the lyrical and autobiographical hero, the image of the autobiographical hero is close to the image of the lyrical «I», which at the same time is both the subject and the object of the image. The lyrical hero in poetry is an expression of the author's consciousness, as well as the hero of his memoirs, where lyrical, idealizing pictures of the past, emotional impulses, observations and reflections on his feelings are presented. Both the lyrical hero and the image of the «I» of memories act as ways of revealing the author's consciousness. Both in poetry and in autobiographical prose, the lyrical way of depicting the «I» prevails,

i.e. the image of the «I» is mainly in the sphere of inner life, his thoughts, feelings, emotional reactions to various phenomena of reality.

Keywords: memories, lyrical hero, autobiographical hero, memory.

Яков Петрович Полонский (1819–1898) — один из ярких поэтов, прозаиков, публицистов второй половины XIX в., творческое наследие которого интересно и разнообразно. Наряду с безусловными лирическими шедеврами — «Песня цыганки», «Зимний путь» и др. — он известен и яркими мемуарными материалами. Наша задача — показать, как тонко переплетаются лирический герой Полонского и автобиографический герой в его воспоминаниях, как много у них общих черт в способах раскрытия авторского сознания.

Если говорить о лирике поэта, то Я. П. Полонский пишет искренне и проникновенно, старается изобразить тонкие душевные перемены, его стихотворения отличаются исповедальностью и особым психологизмом¹. В то же время он смотрит на явления жизни часто как философ, стараясь осмыслить их силою ясной, отвлеченной мысли. Лирика в определенном смысле автобиографична: в ней отразились моменты личной жизни (например, мечтательность, которая развивалась на религиозной почве и проявилась еще в детском возрасте, суровость отца — Полонский воспитывался отцом с десятилетнего возраста, т.к. мать умерла, любовные трагедии и др.), а также перипетии внутреннего пути, который проходит душа поэта.

Лирический герой Я. П. Полонского близок самому поэту, выражает его незаурядную личность, о которой вспоминала современница поэта Е. А. Штакеншнейдер: «Доброты он был бесконечной и умен, но странен. И странность его заключается в том, что простых вещей он иногда совсем не понимает или понимает как-то мудрено; а сам между тем простой такой, до непосредственности сердечной<...>. Он никогда не рисуется и не играет никакой роли, а всегда является таким, каков он есть» [10, с. 123].

Другая сторона творческой личности Я. П. Полонского — его автобиографическая проза. Она состоит из нескольких частей, наиболее известные из которых — «Старина и мое детство», «Школьные годы (начало обучения грамоте и гимназии)», «Мои студенческие воспоминания». В них описываются 1820-е — первая половина 1840-х годов. Воспоминания отразили характер и моменты формирования личности поэта: детство, юность, зрелость, учёба в гимназии, университете, разочарование в любви, первые пробы пера. Они написаны от лица повествующего, говорящего как очевидец о случившемся с ним самим. Именно личный жизненный опыт и впечатления помогли ему создать свою модель воспоминаний, в которых важное место занимает воспроизведение душевных движений автобиографического героя.

Особое место в воспоминаниях занимает изображение семьи поэта, воссоздание истории рода Полонских. Воспоминания содержат оценки повествователем описываемых ситуаций, явлений, действующих лиц, которыми являются семья поэта, друзья, знакомые, литературные деятели. Составляющими композиции ав-

¹ В каком-то смысле можно говорить о наследовании традиций Полонского-поэта в русской лирике XX века. В лирике А. Г. Румянцева «установка поэта на передачу сокровенно-личных впечатлений, переживаний, эмоций приводит к предельной искренности его лирического героя, к откровенному погружению в свой внутренний мир» [1, с. 51].

тобиографического повествования Полонского являются также обращения к читателю, лирические отступления, психологические зарисовки, описания трудовых будней, отдыха.

В воспоминаниях Я. П. Полонский предстаёт перед читателем мягкой, чувствительной, ранимой, доброжелательной натурой. «Возникает образ чувствительного, эмоционального, глубоко переживающего трудный момент жизни автобиографического героя<...>» [4]. Современник Полонского П. П. Перцов писал: «Есть люди, которые как-то и чем-то, помимо всяких своих усилий, притягивают к себе других; Полонский принадлежал к числу этих людей-магнитов<...> Он был по-женски впечатлителен и по-женски беззащитен... и все-таки, сквозь всю эту зыбь житейских волнений и огорчений, чувствовалась в нем какая-то непоколебимая ясность духа, которая так часто сказывается и в его созданиях» [5, с. 123]¹.

Соотнесем между собой отдельные особенности поэтики лирики и автобиографической прозы, которые позволят увидеть общие черты в лирическом и автобиографическом героях.

Важней психологический настрой проявляется в воспроизведении душевных движений лирического героя в состоянии сна. Обратимся к стихотворению «Качка в бурю» (1850). Жизнь сердца, настоящие радости лирического героя протекают во сне, превращая сегодняшний день с его бурей на корабле в воспоминания: буря качает корабль — «качает няня колыбель мою». Лирический герой в нем выражен в местоименной форме первого лица «я»: «я дремлю», «вижу я во сне», «я влюблен», «я свеж и молод» [см.: 6] и является субъектом высказывания и объектом психологического изображения одновременно. Психологизм в лирике Полонского особого рода — это экспрессивный психологизм.

Постоянное чередование сцен качки и сцен из прошлого героя, которые он видит в «золотых снах», позволяет говорить о том, что это основной композиционный принцип. Драматическая, все усиливающаяся буря, смерть матроса — это некий символ сложного, томительного, нерадостного настоящего. Сменяющие их сны золотые с образами младенчества, свежей юности есть то, чего ищет душа поэта, в чем она видит отраду. И если ему суждено погибнуть, то навсегда он проснется в мире золотых снов.

Передача полусонных, сумеречных, слегка бредовых ощущений — индивидуальная особенность лиризма Я. П. Полонского. Стихотворение «Колокольчик» (1854) представляет собой размышление лирического героя над противоречиями жизни. Это стихотворение-воспоминание, имеющее четкую завязку, отнесенную в прошлое и возникающую через ретроспективный план. В нем присутствуют мечтательность, сдержанность при неподдельности эмоций, мелодичность:

¹ Воспоминания Я. П. Полонского подчеркнута откровенны не только в изображении радостных событий, но и весьма обидных для автора. Так, в «Моих студенческих воспоминаниях» он пишет: «Раз в университете встретился со мной Аполлон Григорьев и спросил меня: «Ты сомневаешься?» — «Да», — отвечал я. «И ты страдаешь?» — «Нет». — «Ну, так ты глуп», — промолвил он и отошёл в сторону. Это несколько меня не обидело» [7, с. 424]; «... я был далеко не красавец, очень беден и вдобавок имел глупую привычку стихи писать» [7, с. 430].

Улеглася метелица... путь озарен...
Ночь глядит миллионами тусклых огней...
Погружай меня в сон, в колокольчика звон!
Выноси меня, тройка усталых коней! [6]

Главной лирической эмоцией стихотворения при стремлении показать двойственность бытия — «дружно звеня» и в противовес «грустно звеня» — является все же интонация усталости, печали, тоски. Образ сна как сквозной для творчества поэта выполняет в стихотворении функцию «другой», забытой, но столь притягательной жизни.

Сон у Я. П. Полонского — психологическая мотивировка сюжета не только в лирике, но и в прозе (сны героев рассказов «Статуя весны», «Груня»; поэтический цикл «Сны»): «ребяческие сны мои были так ярки, что до сих пор не изгладись из моей памяти» [7, с. 379].

Сон является способом раскрытия образа автобиографического героя, моделью другой, иной, ирреальной действительности. Происходит стирание грани между реальными и фантастическими событиями. Сны передают полусонные, сумеречные ощущения; живописный мир природы. Очень важны детские сны, которые поэт запечатлел в хронологически ранних воспоминаниях — «Старина и мое детство» (1890). Сны снились мальчику достаточно часто, и он мог принять их за действительность. Нерасчлененность границ между сном и явью могла проявиться в том, что мальчик плакал и во сне, и потом, когда рассказывал маме страшный сон о старушке Смерти. Более того, в полусне он улетал в иную реальность и ощущал то, что потом в жизни не встречалось. «Ощущение это невыразимо — это был страх и в то же время высочайшее наслаждение. Мне казалось, что какая-то сила связывает меня в какой-то студенистый узел и начинает меня вытягивать; тянет и тянет, — я становлюсь все тоньше и тоньше, боюсь, что вот-вот еще немного, и я оборвусь» [8].

Объединяющим звеном лирики поэта является мотив воспоминаний. Многие стихотворения Я. П. Полонского написаны в форме воспоминаний. Лирический герой воссоздает события своей жизни в ретроспекции, почти так, как позже он сделает это в автобиографических произведениях. С помощью воспоминаний лирический герой обращается к прошлому, анализирует события своей жизни, припоминает о важных вехах собственной жизни. Например, в стихотворении Я. П. Полонского «Иная зима» (1859) лирический герой вспоминает о своём детстве:

Я помню, как детьми с румяными щеками
По снегу хрупкому мы бегали с тобой —
Нас добрая зима косматыми руками
Ласкала и к огню сгоняла нас клюкой;
А поздним вечером твои сияли глазки
И на тебя глядел из печки огонёк,
А няня старая нам сказывала сказки,
О том, как жил да был на свете дурачок... [6]

Воспоминания связаны, с одной стороны, с сегодняшним днем автора, а с другой — обращены к его прошлому, которое с той или иной степенью последо-

вательности сопоставляется с его настоящим. Память играет роль носителя ретроспективной информации о событиях прошлого, когда она признаётся необходимым начальным моментом для конструирования фактов.

В автобиографической прозе Полонский не раз отметит, что «в те младенческие годы всякая женская красота или даже миловидность производила» на него особенное впечатление [8]. По сути, образ Наденьки, девятилетнего «херувима с голубыми глазами и с золотистыми локонами» [8] является прообразом лирической героини «Иной зимы». Уже мальчиком поэт остро чувствовал красоту, которую воспринимает как «высочайшее эстетическое наслаждение». Сближает лирического и автобиографического героя деликатность, тонкость ощущений, боязнь «каким-нибудь глупым словом или резким движением оскорбить или обеспокоить мое маленькое божество, такое свежее, милое и нарядно-воздушное!!» [8].

Между лирическим героем и героем автобиографической прозы существует связь, которая осуществляется на лексическом, синтаксическом, мотивном, образном уровнях. И в поэзии, и в воспоминаниях на эту связь указывают авторская рефлексия, глаголы с семантикой «память», междометия, обилие восклицательных предложений.

Еще одной особенностью лирики Полонского является активизация дара поэтического воображения. В стихотворении «Зимний путь» (1844) противопоставлены сегодняшняя «ночь холодная» и «странные сны» то ли воспоминания, то ли воображения. Вполне взрослый герой то ли тоскует по детству с его сказками, то ли воображает себя героем сказки, перевоплощаясь в Ивана-царевича русской сказки. Он скачет на волке воевать с «чародеем-царем» за заточенную в стеклянном дворце царевну. И хотя очи могут не верить реальности этой мечты, воображение живо рисует одну картину за другой.

Сама способность к созданию живых картин сближает лирического и автобиографического героев. Образы из прочитанных или услышанных книг не давали спать последнему. Сам Полонский определил это как «раннюю впечатлительность и пугливо настроенное воображение» [8]. Элемент самокритики и скромности не должен умалять способности поэта остро и живо чувствовать и воображать.

Он мог стать «фантазером» поневоле: «стоило мне только в сумерки или при свече поглядеть в темный угол комнаты, как уже эта темнота тотчас же начинала шевелиться, свертываться в клубок под карнизом у самого потолка, а внизу у самого пола то раздвигаться, то суживаться» [8]. Воображение иногда работало с учетом православных представлений о мире: молнию он воспринимал как трещину на небе, сквозь которую «на одно мгновение просвечивает царствие божие».

Таким образом, поэтическая отзывчивость, задушевность, чуткая восприимчивость к жизни природы, доброжелательность, внутреннее слияние явлений действительности с образами его фантазии и порывами его сердца — это не только отличительные черты Полонского-поэта, но и специфические особенности автобиографического героя его воспоминаний. Можно говорить о том, что изображение эмоционально-психической сферы личности автобиографического героя чрезвычайно важно для автора.

Воспоминания находятся в тесной связи и зависимости от поэтического мира. Авторское «я» открыто присутствует в ретроспективном изложении событий. Отталкиваясь от своего личного жизненного опыта, автобиографический герой подобен лирическому «я» поэтов в своём стремлении поиска внутреннего «я», самораскрытия, самонаблюдения и самоанализе. Перед нами особый строй автобиографической личности, авторская индивидуальность которой определяется лирической, поэтической натурой автора.

Литература

1. Берёзкина Е. П. Исповедальное начало в венке сонетов А. Г. Румянцева «Признание» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2020. № 1. С. 50–55. Текст: непосредственный.
2. Витберг Ф. А. Поэзия Полонского — выразительница психических состояний автора: сборник историко-литературных статей. Москва, 1906. С. 328–344. Текст: непосредственный.
3. Гапоненко П. А. Мое сердце — родник, моя песня — волна. О поэтике Я. П. Полонского // Родная речь. 2005. № 2. С. 12–23. Текст: непосредственный.
4. Новокрещенных Е. Г. Воспоминания поэта Я. П. Полонского (на материале повести «Старина и мое детство»). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospominaniya-poeta-ya-p-polonskogo-na-materiale-rovosti-starina-i-moe-detstvo> (дата обращения: 20.05.2023). Текст: электронный.
5. Перцов П. П. Разносторонность и отзывчивость музы Полонского / Я. П. Полонский: сборник историко-литературных статей. Москва, 1906. С. 344–364. Текст: непосредственный.
6. Полонский Я. П. Стихотворения. Ленинград: Сов. писатель, 1957. 363 с. Текст: непосредственный.
7. Полонский Я. П. Признания Сергея Чалыгина. Женитьба Атуева. Воспоминания // Соч.: в 2 т. Москва: Худож. лит., 1986. Т. 2. 463 с. Текст: непосредственный.
8. Полонский Я. П. Старина и мое детство. URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_1891_starina.shtml (дата обращения: 20.05.2023). Текст: электронный.
9. Федосеева Т. В. Творчество Я. П. Полонского: о направлениях современного изучения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-ya-p-polonskogo-o-napravleniyah-sovremennogo-izucheniya-1> (дата обращения: 20.05.2023). Текст: электронный.
10. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). Москва; Ленинград: ACADEMIA, 1934. 586 с. Текст: непосредственный.

Научная статья

УДК 82

DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-47-52

ВЕНЕЦИЯ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: В. Ф. ХОДАСЕВИЧ, П. П. МУРАТОВ

© Гаврилова Лариса Ивановна

кандидат филологических наук,

независимый исследователь,

Россия, 305004, г. Курск, ул. Семеновская, 77

laragavs@mail.ru

Аннотация. В центре внимания в статье образ Венеции в литературно-критическом сознании писателей первой волны русской эмиграции. На примере работ В. Ф. Ходасевича и П. П. Муратова особое внимание уделяется Венеции как городу разлук и одиночества, городу открытий, внутреннего поиска и противоречий. Осмысливается русская литературная Венециана в целом. Кроме того, подчеркивается роль и значение Италии в судьбе русских эмигрантов и ее влияние на их творчество, на формирование русской эмиграции как самобытного историко-культурного явления. Важен процесс не только сохранения, но и приумножения русской культуры, русского духа на чужбине, особый вклад русских писателей в историю развития европейской культуры в целом.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Венеция, литературный критик, писатель, В. Ф. Ходасевич, П. П. Муратов, Италия в русской литературе, русская эмиграция, венецианский текст, образ Венеции.

**VENICE IN THE LITERARY AND CRITICAL CONSCIOUSNESS
OF RUSSIAN ABROAD WRITERS:
V. KHODASEVICH, P. MURATOV**

Larisa Iv. Gavrilova

PhD in Philology, independent researcher,
77, Семеновская St., 305004 Kursk, Russia
laragavs@mail.ru

Abstract. The focus is on the image of Venice in the literary-critical consciousness of the writers of the first wave of Russian emigration. On the example of the works of V. F. Khodasevich and P. P. Muratov pays special attention to Venice as a city of separation and loneliness, a city of discoveries, internal search and contradictions. Russian literary Venice as a whole is comprehended. In addition, the role and importance of Italy in the fate of Russian emigrants and its influence on their work in general, as well as contributing to the formation of Russian emigration as an original historical and cultural phenomenon, which influenced, among other things, the process of not only preserving, but also increasing Russian culture, is emphasized. , the Russian spirit in a foreign land and made a special contribution to the history of the development of all European culture as a whole.

Keywords: Russian literature abroad, Venice, literary critic, writer, V. F. Khodasevich, P. P. Muratov, Italy in Russian literature, Russian emigration, Venetian text, image of Venice.

Италия занимает особое место в русской литературе и шире — в русской культуре. Италией восхищались, ее воспевали, ей поклонялись, у нее учились. Ее культурное наследие, сам итальянский дух и красота, как связующее звено всех сторон итальянской жизни, волновали не одно поколение русских прозаиков и поэтов. Для А. С. Пушкина, например, Италия стала страной, представляющей «заповедным краем творчества и свободы, а значит, и свободы творчества» [3, с. 13]. Неудивительно, что революционные события в России 1905 и 1917 гг. привели многих деятелей русской культуры в Италию, для части из которых она стала основным пристанищем, второй родиной, помогающей не только сохранить, но и приумножить русскую национальную культуру, расширить представление европейского мира о ней, а также укрепить русско-итальянское взаимодействие, выводя культурный диалог между двумя странами на новый уровень. «Русская эмиграция в Италии если не количественно, то качественно представ-

ляла собой очень интересное историко-культурное и социально-политическое явление» [4, с. 11].

Среди всех итальянских и даже европейских городов Венеция как город и место имела особый статус и особую значимость. На это влияли особое географическое расположение Венеции, ее необычная, притягательная красота, но в большей степени само ощущение особой принадлежности к особому городу. Поэтому вопрос «Кто ты, итальянец или венецианец?» совершенно не случаен. Своеобразие Венеции, в чем-то граничащее с причудливостью, прослеживалось во многом: в самом стиле жизни города, его культурном коде, в том, как человек погружался в его удивительное пространство.

Русской интеллигенции Венеция представлялась не столько особым миром, сколько мечтой о земном рае. Русская Венециана — это не только уникальный литературный мир, но еще и некое место для обращения к национальному сознанию. Даже самые малые негативные представления о Венеции не поддерживаются, ведь самое важное — сохранить этот город и весь комплекс чувств, с ним связанный.

Отметим, что «Венеция всегда воспринималась русским сознанием как неотъемлемая часть европейской культуры, как ее квинтэссенция, нечто не постижимое, бесконечно притягательное и одновременно глубоко чуждое русскому духу» [5, с. 47]. О последнем в своих письмах и статьях рассуждал ведущий критик русского зарубежья В. Ф. Ходасевич. Если в начале XIX в. Венеция представляла собой идиллический образ, город-рай, город-мечту с налетом умиротворения, любви и безмятежности, то через столетие, в частности в поэзии Серебряного века, уже наблюдается ощущение трагизма и диссонанса. В это время в изображении Венеции прослеживается мотив увядания и смерти, драматизма всего происходящего. Ей были посвящены различные фундаментальные монографические исследования, изучались отдельные аспекты «венецианской проблемы», а также жизнь и творчество самых ярких ее представителей.

В начале XX в. расширяются и пространственные границы Венеции в русской литературной Венециане [12]. С одной стороны, все еще продолжает сохраняться восприятие Венеции как обособленного пространства с его особой миссией в европейском мире. С другой, общий интерес к проблемам пространства ведет к тому, что русские писатели начинают акцентировать внимание на культурно-исторической целостности и ценности Венеции в сравнении с ее пространственным окружением, с не-Венецией. С этого времени литературная Венеция представляется как город с окрестностями, с окружающим пространством.

Обратим внимание, что для Ходасевича Италия не стала окончательным пристанищем на чужбине. Большую часть своей эмигрантской жизни он провел во Франции. При этом итальянская культура и искусство оставили своей неповторимый след в его литературно-критическом наследии. Еще в 1911 г. он поделился своими впечатлениями об Италии и итальянцах в одном из своих писем к С. В. Киссину (Муни), в котором продемонстрировал выработанную им самим формулу итальянского мировоззрения — «не творят, а делают». Он писал: «Итальянцы не хуже своих предков — или не лучше. Господь Бог дал им их страну, в которой что ни делай — все выйдет ужасно красиво. Были деньги — строили дворцы, нет денег — взгромоздят над морем лачугу за лачугой, закрутят свои переулочки, из окна на ветер вывесят рыжие штаны либо занавеску, а вечером за-

жгут фонарь — Боже ты мой, как прекрасно! Здесь нет никакого искусства, ей-Богу, ни чуточки. Что они все выдумали? Здесь — жизнь, быт — и церковь... Понюхал бы ты, как они воняют: морем, рыбой, маслом, гнилой зеленью и еще какой-то специальной итальянской тухлятиной: сыром что ли? А выходит боже-ственно! Просто потому, что не “творят”, а “делают”» [8, с. 385]. В этом отрывке создается образ настоящей Италии, без какой-либо идеализации, со всеми ее несовершенствами и в то же время достоинствами. Естественность во всем и возможность неспешно наслаждаться дарами жизни. Вот такой предстала Италия того времени для Ходасевича: страной, где не может быть некрасиво, где определение «не творят, а делают» является основой итальянской картины мира.

Его первая поездка по Италии, продлившаяся почти два месяца, способствовала созданию его «Ночного праздника», напечатанного в «Московской газете» в 1911 г. В этой работе Ходасевича Венеция предстает живой и открытой к диалогу, абсолютно естественной и неповторимой. Критик относится к ней с неподдельным интересом и восторгом. В большой степени автор стремился развеять представление о Венеции как о «мертвом городе», и в этом отношении он был не одинок.

Пребывание в Италии для эмигранта Ходасевича началось с февраля 1924 г. В одном из писем он писал: «Берлин русский разъезжается, кто куда. Надо ехать и мне... Ехать можно в Париж, в Прагу или Италию. Париж очень дорог, Прага — бездарное место с совершенно озверелой эмиграцией. Италия всех дешевле и всех дальше от эмигрантщины» [7, с. 468]. В течение двух месяцев Ходасевич посетил несколько итальянских городов, среди которых была и Венеция. Нина Берберова вспоминала по этому поводу: «И вот мы в Италии. Сперва неделя в Венеции, где Ходасевич захвачен воспоминаниями молодости и где я сначала подавлена, а потом вознесена увиденным... В Венеции Ходасевич был и окрылен, и подавлен: здесь когда-то он был молод и один, мир стоял в своей целостности за ним, еще не страшный. Теперь город отбрасывал ему отражение того, что есть: он не молод, он не один, и никто и ничто не стоит за ним, защиты нет» [2, с. 249–250].

В эмигрантский период жизни происходит полная трансформация в восприятии Венеции Ходасевичем. И это не случайно. По всей видимости, тяготы пребывания на чужбине отображаются на всем, что его окружает. Оказавшись в 1924 г. в Венеции, в одном из своих писем к В. Г. Лидину Ходасевич пишет: «Для Венеции нужна беззаботность, точнее — способность предаваться чистому лиризму (любой окраски). А вот ее-то поубавилось» [9, с. 471]. Некое разочарование Венецией привело критика к осознанию того, что лиризм, свойственный этому городу, сменился трагической пустотой и одиночеством. А обратившись ровно через десять лет вновь к венецианской теме, он констатирует исчезновение города-причуды с романтическим налетом, а также «романтической возлюбленной, “царевны” (“изумительного и нарочитого создания”）」 [1, с. 521–522].

Отметим, что тема одиночества в Венеции прослеживается уже в работе «Город разлук» (1911). Созданию данного очерка послужила встреча в Венеции с Б. А. Грифцовым. Их совместные прогулки по городу, пережитые любовные истории во многом объединили их, в результате чего созданные ими в одно время произведения, посвященные венецианскому периоду жизни, отличались схожестью в сюжетных линиях, совпадениями в персонажах и даже тональностью.

Речь идет о рассказе Грифцова «Дни в Венеции», посвященному Ходасевичу, и очерке самого Ходасевича «Город разлук». И если в начале работы автор все еще проникнут большой любовью к Венеции, изумляется тишине, совершенно не свойственной этому городу, утверждает, что «из всех городов земного шара Венеция наименее может считать себя чем-нибудь обязанной природе. Напротив, вся она — какое-то изумительное и нарочитое создание человека» [10, с. 13], то уже ближе к концу повествования автор в достаточно категоричной форме заявляет о Венеции как о городе разлук, где «для того, кто задумал пропасть навсегда без вести, — путь лежит через Венецию: здесь скоро разлюбишь былое, от всего оторвешься без боли и легко пойдешь куда глаза глядят... Нет, не пускайте влюбленных в Венецию. Там цепи становятся паутиной. Там учишься великому искусству: разлюбить» [10, с. 14–15].

В этом же 1911 году П. П. Муратов (1881–1950) начал публиковать свои эссе «Образы Италии», книгу, состоящую из трех томов. Первые два тома были выпущены в 1911–1912 гг., третий — уже в условиях эмиграции. Муратов был большим знатоком Италии и всего того, что с ней было связано. Он часто путешествовал по этой стране. В книге автор стремился к показу Венеции как яркого и самобытного места в итальянской культуре и искусстве, как абсолютного эстетического феномена, даже в сравнении со всем тем, что было создано в итальянском мире.

Так же, как и многие его современники, Муратов пытался показать Италию по-новому, подготовить новое открытие этой страны для развития нового мироощущения. Самостоятельную главу в своей книге он посвятил маскарадно-карнавальному духу Венеции и театру Гоцци¹.

В целом Венеция у Муратова предстает в разных ракурсах: от возвеличивания до несовершенства с нотами одиночества. О последнем он пишет так: «Венеция часто дает испытывать одиночество, она не утешает и не просветляет, как Флоренция или Рим... Стоит немного отойти вглубь от Сан-Марко, чтобы почувствовать наплыв иных чувств... Вода странно приковывает и поглощает все мысли, также, как она поглощает здесь все звуки, и глубочайшая тишина ложится на сердце» [6, с. 6]. У Муратова прослеживается мысль о том, что настоящую или прежнюю Венецию нужно искать в великих произведениях ее художников, что на самом деле существует две Венеции: та, что мы созерцаем сейчас, и та, что была до нас. И он задается вопросом «И самые эти воды — не воды ли смерти, забвения?» и дальше говорит о том, что «нынешняя Венеция — только призрак былой жизни, и вечный праздник на Пьяцце — только пир чужих людей на покинутом хозяевами месте» [6, с. 7].

Таким образом, Венеция, как для В. Ф. Ходасевича, так и для П. П. Муратова, стала мерилom внутренней трансформации и осознания общей картины мира. Каждый раз, возвращаясь к Венеции, авторы — вне зависимости от этапа жизни — пытались увидеть в ней нечто новое, способное разбудить в сознании личности то целостное и уникальное, что обогащает внутренний мир и делает его осмысленным и наполненным.

¹ Впоследствии это вдохновило В. Ходасевича на перевод сказки Гоцци «Принцесса Турандот». Перевод, к сожалению, не был завершен в связи с личными трудностями у критика.

Литература

1. Андреева И. П. Комментарии // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
2. Берберова Н. Н. Курсив мой: автобиография. Москва: Согласие, 1996. 36 с. Текст: непосредственный.
3. Букалов А. М. Пушкинская Италия: записки журналиста. 2-е изд. Санкт-Петербург: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 352 с. Текст: непосредственный.
4. Шеметова Т. Г. Венецианский текст в русской литературе XX в. // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып. 1. С. 22–28. Текст: непосредственный.
5. Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: исследования и материалы. Кн. 1. Москва: Викмо-М: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2011. 456 с. Текст: непосредственный.
6. Криницын А. Б., Галышева М. П. Венецианский текст в русской поэзии XIX–XX веков // *Literra*. 2018. № 1. С. 29–47. Текст: непосредственный.
7. Муратов П. П. Образы Италии. Москва: Изд-во АСТ, 2022. 960 с. Текст: непосредственный.
8. Письмо А. И. Ходасевич из Мариенбада от 7 ноября 1923 г. // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
9. Письмо В. Ф. Ходасевича С. В. Кисину (Муни) от 1 июля (18 июня) 1911 г. // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
10. Письмо В. Ф. Ходасевича В. Г. Лидину от 18 марта 1924 г. // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
11. Ходасевич В. Ф. Город разлук // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Москва: Согласие, 1997. 592 с. Текст: непосредственный.
12. Шеметова Т. Г. Венецианский текст в русской литературе XX в. // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып. 1. С. 22–28. Текст: непосредственный.

Научная статья

УДК 398(=512.31)

DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-52-57

БРОДЯЧИЙ СЮЖЕТ В БУРЯТСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

© **Васильева Софья Владимировна**

учитель русского языка и литературы,

Гимназия № 14, г. Улан-Удэ

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Чертенкова, 3

sofia080164@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации одного и того же сказочного сюжета в культурах разных народов мира. Прослеживаются наглядные линии межнациональных фольклорных связей, обосновывается влияние быта, менталитета на развитие сюжетных линий, на мотивную сказочную традицию. На примере ряда популярных сказок доказывается очевидность параллелей сказочных сюжетов разных народов. Производится сопоставление бытовых сатирических сказок в русском и бурятском фольклоре, волшебных сказок о зайце, сменяющем цвет шкурки в зависимости от времени года, и о царевне-лягушке. Дается интерпретация текстов бурятских сказок, на основе которой делается вывод о наличии устойчивого бродячего сюжета и переменных параметров, связанных с региональными особенностями, национальным менталитетом.

Ключевые слова: сказка, бродячий сюжет, теория самозарождения сюжетов, фольклорные связи.

A WANDERING PLOT AS A MEANS OF COMPREHENDING A SINGLE PICTURE OF THE WORLD

© **Sofya V. Vasilyeva**

Teacher,

of the Russian language and literature of the Gymnasium No. 14

3, Chertenkova St., 670034 Ulan-Ude, Russia

sofia080164@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the transformation of the same fairy tale plot in the cultures of different peoples of the world. Clear lines of interethnic folklore ties are traced, the influence of everyday life, mentality on the development of storylines, on the motivic fairy-tale tradition is substantiated. On the example of a number of popular fairy tales, the evidence of parallels in fairy tale plots of different peoples is proved. A comparison is made of everyday satirical tales in Russian and Buryat folklore, fairy tales about a hare that changes the color of its skin depending on the season, and about a frog princess. An interpretation of the texts of Buryat fairy tales is given, on the basis of which a conclusion is made about the presence of a stable wandering plot and variable parameters associated with regional characteristics, national mentality.

Keywords: fairy tale, wandering plot, theory of spontaneous generation of plots, folklore connections

Как известно, бродячие сюжеты в фольклоре, переходя из одной культуры в другую, претерпевали небольшие контекстуальные изменения. Анализ трансформации одного и того же сюжета позволяет многое понять о менталитете народа. Народные сказки, как и другие фольклорные жанры, выросли из обрядов и ритуалов, имеющих свою функциональную направленность. Архетипичность ситуаций и персонажей объясняют главную особенность бродячего сюжета: ему неведомы какие-либо границы, присуща способность преодолевать пространство и время.

Поэт и ученый-фольклорист Б. С. Дугаров в предисловии к книге «Бурятские волшебные сказки» отмечает, что бурятская сказка «Лисица-сваха» очень напоминает французскую сказку «Кот в сапогах»: «Схожие по многим узловым эпизодам, обе сказки чрезвычайно занимательны, полны неистощимой выдумки и национальной специфики. Но в бурятской сказке, пожалуй, больше неуместной первозданности, а во французской — изящества. Это закономерно, поскольку автором последней является не народный сказитель, а профессиональный литератор Шарль Перро» [1].

Бродячие сказочные сюжеты у разных народов под влиянием разных исторических, этнографических, культурных обстоятельств приобретали измененный облик. Так, исследователи бурятских народных сказок писали об этом: «... калмыцкие сказки в пору соседства с кавказскими народами обогатились новыми образами, персонажами, мотивами. Бурятские сказки в силу тесной исторической взаимосвязи с другими сибирскими народами, а также с русским народом испытали влияние их сказочных традиций» [2, с. 22].

Наиболее очевидной причиной появления общих для разных культур сюжетов было признано заимствование. Так, Л. Е. Элиасов отмечал влияние бурятских сказок на сибирские русские сказки: «...бурятские сказки сыграли большую роль в обогащении репертуара русских сказок Сибири. Многие русские сказители прекрасно рассказывали бурятские сказки, не подозревая даже, что они заимствованы из бурятского репертуара» [3].

Обратимся к русско-бурятским фольклорным связям, чтобы отметить несомненные параллели в сюжетах, затрагивающих мир природы. У многих народов есть сказка, объясняющая смену зайцем шубки. «Почему заяц летом серый, а зимой белый?» — так называется русская сказка. Сравним ее с бурятской сказкой «Снег и заяц».

Цвет шубки в начале русской сказки серый: «Всю весну, лето и осень он бегал по лесу и лугу и радовался жизни. Его серая шубка была почти незаметна среди травы и пестрых цветов» [4]. А в бурятской — белый, потому что в Сибири снежный покров держится с октября до середины апреля, отсюда и научное именование — заяц-беляк. В русской сказке говорится: «Пришла зима: зайчик вдруг понял, что его серая шубка на белом снегу далеко видна. Стало ему страшно...». Бурятская начинается с диалога: «Снег говорит Зайцу:

– Что-то мне нехорошо.

– Наверное, ты таешь, оттого тебе и плохо, — ответил заяц, сел на пенек и горько-горько заплакал. — Жалко, жалко мне тебя, снег. Я по тебе бегал, круглые дырки делал. От лисицы, от волка, от охотника в тебя зарывался — прятался. Как без тебя жить буду?» [5].

Завязка схожая: цвет шубки помогает спрятаться от врагов. Но если завязка в бурятской сказке еще и о приходе весны, о свойствах воды, о дружбе, и сострадании, то в русской — о желании и неспособности мышки, ежика и белки помочь зайцу, потому что условия их жизни разные. Этим и объясняются их советы: «Выкопай норку поглубже, заберись в нее и зимуй»; «Найди ямку, свернись клубочком, листвою укройся, а снегом тебя и так присыплет, и спи»; «Найди на дереве дупло поглубже, залезь в него и сиди».

Помощь приходит от Хозяина леса (ему, духу местности, и сегодня поклоняются в Бурятии), хотя он и не властен над силами природы: «С Солнцем спорить не берусь, снег сохранить не могу. Шубу твою белую сменю на серенькую, будешь ты летом легко прятаться среди листьев, кустарника и травы, никто тебя не заметит» [4].

Финалы сказок — яркое проявление национального колорита. Бурятская сказка учит не бояться перемен, быстро адаптироваться в изменившейся ситуации. «С тех пор всегда меняет зимнюю шубку на летнюю. А снег тоже меняется: в воду превращается, ручьем звенит и наперегонки с зайцем бегают, а то дождевиком сверху брызгает и в прятки с ним играет. А как похолодает, вновь красавицами снежинками очаровывает своего дружка» [5]. В русской сказке подчеркивается волшебная сила Деда Мороза: он Зайчика за уши поднял, подул на шубку со всех сторон — и она стала белая, как снег, только кончики ушей остались черными [4].

Главный герой другой бурятской сказки «Балан Сэнгэ», чье имя вынесено в название сказки, имеет своего «прототипа» — героя русской сказки «Как Фомка надул двух попов». Балан Сэнгэ сразу характеризуется как умный, но бедный че-

ловек, он ходил по дворам с большой чашкой за пазухой и приговаривал: «Я хороших родителей сын, от плохого я отскочил».

Завязка сказки — спор. Балан Сэнгэ поспорил, что он трижды обманет ламу (священнослужителя). Первый обман — схватить «за некоторые места». На гнев ламы после содеянного Балан Сэнгэ говорит: «Меня благословил богдо (владыка) на то, чтобы я схватил за кое-что самого тэнгри (небесное божество). Поскольку я почитаю Вас наравне с тэнгри, поэтому так получилось» [6]. Слова польстили ламе, и он в гордыне прощает Балан Сэнгэ.

Второй обман — заставить лаять ламу. «Есть разница между хорошей и плохой собаками, когда они лают? — спрашивает Балан Сэнгэ. — Ведь только умнейший знает ответ на такой сложный вопрос» [6]. И лама показал, как лает хорошая собака, а как плохая. И тут же Балан Сэнгэ обращается к нему с просьбой определить качество лекарства и дает собачий помет — третий обман.

Если в сказке «Балан Сэнгэ» высмеиваются лесть и гордыня, а восхваляются находчивость и смекалка, то в сказке «Как русский Фомка надул двух попов» сатирически показан грех прелюбодеяния. В обеих бытовых сказках высмеиваются люди, возведенные в сан, поэтому отрицательные герои — поп и лама. Поп наказан физически (вымазан нечистотами), а лама стал посмешищем. По греху — и наказание.

Каждый сказочный сюжет отражает национальное мировосприятие, даже если он бродячий, заимствованный. Такова сказка «Ута-Саган-батор» — бурятский вариант сказки о царевне-лягушке, очень популярной в России и имеющей 36 вариантов. Бурятская сказка доказывает справедливость высказывания А. Н. Афанасьева, автора «Народных русских сказок»: сказки о царевне-лягушке «из репертуара русских сказочников... перешли в репертуар сказочников неславянских народов СССР, испытав определенную творческую трансформацию и восприняв традиционные мотивы сказок этих народов» [7].

В сюжете сказки «Ута-Саган-батор» отец дат три стрелы сначала старшему сыну со словами: «Пусти эти стрелы на три стороны, а потом иди в направлении полета каждой из них. Где найдешь стрелу, там обретешь и суженую». Послушался Барбадай-бохо отца, но, когда нашел третью стрелу на гнилом болоте в лапках большой лягушки, рассердился: дескать, если женюсь на ней, засмеют его. Отбросил ее от себя, но она бежала за ним и не оставала. «Сильно удивился хан-отец, но еще больше опечалился. Построил он молодым дворец, чтобы невестка пореже на глаза попадалась» [8].

Второй сын также пустил три стрелы, и третья привела его ко двору Шажин-Номон-хана, чтобы жениться на его дочери Шара-Сэсэк к радости отца Ута-Саган-батора, который после пира подарил молодым дворец.

Если в сюжете русской сказки работает волшебное число 3, то в бурятской главенствует число 2 (символ выбора): два сына и два испытания. Так же, как в русской сказке, следующий этап — выполнение заданий невестками. Ута-Саган-батор приказал сыновьям сшить красивые шелковые рубашки. Мрачней тучи рассказал старший сын лягушке о задании, а та ответила: «Давай сюда шелк и не печалься, к завтрашнему дню всё будет готово». Рукоделие невестки-лягушки понравилось Ута-Саган-батору, а рубашку, сшитую другой невесткой, Шара-Сэсэк, он отдал дворовым людям.

Второе задание — явиться на пир. И здесь, как и в «Царевне-лягушке», жена снова успокаивает Барбадай-бохо: «...я прибуду следом за тобою. Когда начнется пир и среди общего веселья и шума вдруг затрясется земля, загремит гром и твой отец, соскочив с трона, спросит: “Откуда и чье войско нагрянуло?” Ты скажи ему: “Успокойся, отец, это моя лягушка на своей колымаге едет, стуча и гремя на всю округу”» [8].

Понятно, что на пир старшая невестка явилась красавицей, конечно, на пиру «ест, а косточки в правый рукав складывает; пьет, но больше в левый рукав выливает». Сюжет развивается так же, как в русской сказке, но описан в национальном духе: жена-лягушка удивила своим танцем, в котором «так прошлась, что на плоском камне трава проросла, на черной воде пенки вскипели... Взмахнет она правой рукой — из рукава золотой стол появляется, самыми разными яствами уставленный. Взмахнет левой рукой — появляется серебряный стол с дорогими винами и сладкими закусками... Увидела такое младшая невестка Шара-Сэсэк и тоже стала складывать кости и выливать вино в рукава» [8]. Как и в русской сказке, ей не удалось в танце совершить чудесные превращения: из правого рукава посыпались кости, а из левого полилось вино на головы гостям.

Сказочный сюжет повторился и в поступке Барбадая-бохо: посреди всеобщего веселья он вскочил на коня и дома сжег лукошко, в котором лежала его жена-лягушка. Вернувшись, та опечалилась: «Что же ты наделал, неразумный! Мне всего-то три дня оставалось побыть в лягушачьем облике, а теперь прощай, — сказала она и исчезла» [8].

Но в отличие от русской сказки, где Иван-царевич совершает немало чудесных подвигов в поисках жены, в бурятской сказке не понадобились волшебства и, как в обычной жизни, счастье оказалось в руках самого Барбадай-бохо. Он встретил нищую женщину и выполнил ее совет: одевшись нищим, он попросил подаюния у жены, едущей в коляске, а потом поднял, «как легкую травинку из земли, и уже не отпустил ее от себя. Вернулись они домой и зажили счастливо и мирно, среди многочисленного и шумного своего потомства» [8].

Тем не менее, несмотря на очевидное сходство с русской, бурятская сказка отразила характерные этнографические реалии и особенности мировоззрения кочевого народа. Например, сказки о поисках невесты или богатырские сказки сохранили оригинальные сюжеты, потому что возникли на основе сказаний-улигеров о мэргэнах-богатырях и его помощнике-коне. Подобные сказки существенно отличаются от русских сказок, например, о Сивке-бурке [9, с. 20].

Как видим, бродячие сюжеты запечатлевают общее стремление всех народов жить с верой в добро. Бурятский поэт Борис Сыренов хорошо сказал о великолепной способности сказки поведать о том:

Как в семье простой и бедной
Смелый воин вырастает,
И врагов земли рассветной
Он бесстрашно побеждает...

И выразить то, что слушатели все новых и новых поколений понимали и чувствовали:

Словно нам она открыла
Веру в суть добра и света.

Как давно все это было,
Как чудесно было это [10].

Баир Дугаров очень поэтично сравнил мир сказки с чудесным кедром, «чей ствол произрастает из глубин народной жизни», а бродячие сказочные сюжеты назвал раскидистыми ветвями, которые «тянутся во все стороны света, словно незримые мостики к иным сказочным мирам» [1].

Литература

1. Дугаров Б. С. Мир бурятской сказки // Бурятские волшебные сказки / составитель Б. С. Дугаров. Москва: Современник, 1990. С. 5–20. URL: <https://libmir.com/book/80898/readf> (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
2. Баранникова Е. В., Бардаханова С. С. Бурятские волшебные сказки // Бурятские волшебные сказки. Новосибирск: Наука: Сибирская издательская фирма, 1993. 341 с. Текст: непосредственный.
3. Бурятские народные сказки / составитель Л. Е. Элиасов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 385 с. Текст: непосредственный.
4. Сказка «Почему заяц летом, а серый зимой белый». URL: <https://needlewoman.ru/articles/skazka-pochemu-zayats-shubu-menyaet.html> (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
5. Бурятская народная сказка «Снег и заяц» // Онлайн-библиотека «Сказки-Басни» URL: skazki-basni.ru (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
6. Бурятская народная сказка «Балан Сэнгэ». URL: rulit.me/books/buryatskie-skazki-read-167991-... (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
7. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. Москва, 1985. Т. II. 490 с. URL: <https://www.rulit.me/books/narodnye-russkie-skazki-a-n-afanaseva-v-treh-tomah-tom-2-read-562484-160.html> (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
8. Бурятская волшебная сказка «Ута-Саган-батор». URL: sayings.ru/world/buryat/fairy_tale/82.html (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
9. Бардаханова С. С. Сказки в системе жанров бурятского фольклора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4(11). С. 18–22. Текст: непосредственный.
10. Сыренов Б. А над юртой восьмистенной... // Тоонто. Литературно-культурный блог. URL: [#стихи@toonto03](https://t.me/stixi@toonto03)***Текст: электронный.

Научная статья

УДК 821.512.31

DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-57-61

ОЛЬФАКТОРНЫЙ ПОДХОД В БУРЯТСКИХ ПОВЕСТЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ Ц. ГАЛАНОВА, Г.-Д. ДАМБАЕВА)

© **Бадмаева Ольга Бальжинимаевна**

кандидат педагогических наук, доцент,
старший методист Центра сохранения и развития бурятского языка
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
badm58@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается значимость и возможность ольфакторных включений в художественные тексты бурятских писателей Ц. Галанова, Г.-Д. Дамбаева. Автором предпринята попытка анализа творчества данных писателей в аспекте выявления ольфакторных особенностей художественного мира, определяемых своеобразием авторского писательского почерка, индивидуальной позицией писателя, особенностью национального мировосприятия. В работе раскрыта роль и функции запахов в общем смысловом поле художественного текста. Анализ текстового материала бурятских прозаиков позволяет сказать о том, запахи в бурятской языковой картине мира выполняют функцию сообщения культурной информации. Обонятельный образ может быть реализован и языковыми средствами, которые играют роль знака, способствующего воссозданию личного обонятельного опыта. Ольфакторные включения в художественный текст путем использования писателями традиционных образов и образных средств, художественных принципов, форм позволяют донести до читателей мировидение, систему ценностных установок бурятского народа.

Ключевые слова: поэтика запахов, ольфакторное включение, художественный мир, одорический образ, национальное мировосприятие.

OLFATOR APPROACH IN BURYAT STORIES

(BY THE EXAMPLE OF THE STORIES OF Ts. GALANOV, G.-D. DAMBAYEV)

© **Olga B. Badmaeva**

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
senior methodologist at the Center for the Preservation and Development of the Buryat Language
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a, Smolina St., 670000 Ulan-Ude, Russia
badm58@mail.ru

Abstract. This article discusses the significance and possibility of olfactory inclusions in the artistic text of the Buryat writers Ts. Galanov, G.-D. Dambaev. The author made an attempt to analyze the creativity of these writers in the aspect of identifying the olfactory artistic world, determined by the originality of the author's writing style, the individual position of the writer, and the peculiarity of the national worldview. The paper reveals the role and functions of smells in the general semantic field of a literary text. An analysis of the textual material of Buryat prose writers allows us to say that smells in the Buryat language picture of the world perform the function of communicating cultural information. The olfactory image can also be realized by linguistic means, which play the role of a sign that helps to recreate personal olfactory experience. Olfactory inclusions in a literary text through the use of traditional images and figurative means, artistic principles, forms by writers make it possible to convey to readers the worldview, the system of values of the Buryat people.

Keywords: poetics of smells, olfactory inclusion, artistic world, odoric image, national worldview.

Литература любого народа, применяя такой элемент поэтики, как ольфакторий, улавливает, закрепляет и транслирует личностный опыт как часть общекультурного национального кода. Обычно в вербальной художественной картине мира преобладают в освоении окружающего пространства визуальный и

звуковой дискурсы, более, нежели обонятельный дискурс. Как считает Н. С. Павлова, одной из основных причин скудности подобных языковых средств «является исключительно чувственная, неосязаемая и невидимая природа запаха» [10, с. 33]. Вместе с тем восприятие и семантика запахов позволяют глубже понять психологическую природу художественного текста, мысли, взгляды и чувства автора относительно жизненно важных для него положений действительности. Анализ текстового материала бурятских прозаиков Ц. Галанова, Г.-Д. Дамбаева позволяет говорить о том, что запахи в бурятской языковой картине мира выполняют функцию сообщения культурной информации.

Среди одорических образов, представленных в художественной картине мира, ведущим является имеющий универсальный характер образ цветов. Естественный запах и аромат цветов и хвои сладок и приятен для больного Виктора Горбунова из повести «Северомуйская легенда» Ц. Галанова и выступает как константа счастья: «Воздух напоен ароматом цветов и хвои, но еще ощущается особенная, летняя свежесть высыхающей росы на травах и листьях. Виктор глубоко, с наслаждением втягивал этот удивительный воздух» [3, с. 44]. «...Жэгтэй гое шара сэсэгүүдхээ хайхан үнэр анхилна» (от очень красивых желтых цветков приятно пахнет — здесь и далее перевод наш. — О. Б.); «Модо һөөгүүдэй ногоохон набшаһанһаа ойн хоншуу үнэр анхилна» (Зеленые листья деревьев, кустов источают благоухающий запах) [7, с. 149], — читаем в повести «Отцовская любовь» Дамбаева. В данных примерах существительное «запах» уточняется словами оценочного характера «хайхан» (приятный), «хоншуу» (благоухающий).

В повести Ц. Галанова «Речка Хурьгад» мотив возвращения на родину героя Бата связан с его воспоминаниями о детских довоенных годах. Знакомые запахи возбуждают в душе героя необыкновенные чувства: «Сэсэгэй хайхан үнэр хамар руунь сорьежо, тойроод баһа ой модоной анхилаан, ногоонһоо шиигтэй нойтоной үнэр — эдэ хуу ниилэжэ, Батын зосоо ямар нэгэ хэлэшэгүй хүнгэн боложо, тэрэ дуу дуулажа эхилбэ» («В нос ударили запахи разноцветных цветов, окружающего леса, влажной травы — все слилось в душе Бата, ему невыразимо стало легко, и он запел песню») [4, с. 9]. В данном примере отражена одна из типовых характеристик запаха — способность глубинно воздействовать на человека. Память здесь не на ситуации или образы, но на запахи, которые приводят героя к особому состоянию духа: ему стало легко, он даже запел и весь наполнился радостью. Автор мастерски использовал средство передачи психологического состояния героя, его внутреннего мира.

В повести «Далекая невеста» Ц. Галанова в диалоге между Гармой и Галиной мы видим, как представители разных национальностей воспринимают запах мяса в потрохах: «А оно не пахнет, это мясо в потрохах? Если пахнет, не смогу есть. — Ну, знаешь ли!.. Я ж тебе говорю: вкусное оно, очень вкусное!.. Я же знаю, что говорю: с детства ем это [3, с. 315]. Следует подчеркнуть, что для бурята Галдана этот запах представляет частицу и материальной, и духовной жизни. А для русской девушки Галины, которая только приобщается к иному образу жизни, к иной культуре, запах мяса в потрохах пока что непривычен и неприятен.

В повести «Нежное сердце матери» Г.-Д. Дамбаев поднимает нравственно-этические проблемы. В ней друг другу противопоставлены взаимоотношения матери и родного сына Жаргала, матери и усыновленного сына Нарана как двух носителей национальных ценностей и антиценностей. В годы Великой Отечествен-

ной войны, несмотря на трудности и лишения, героиня повести Хорло, оставшись вдовой, одна подняла детей на ноги, дала образование, выпустила в самостоятельную жизнь. Хотя герои выросли в одной семье, воспитала их одна мать — они совершенно разные. На страницах повести явственно проявляется антиномичность характера героев. Запахи здесь становятся средством для акцентирования национальных традиций почитания родителей, своеобразным напоминанием о нравственных законах предков, на которых держится семья и общество в целом.

Вот один пример: «Мүнөө һаяхан хоер хүбүүдэйнгээ саашанхи хуби заяан тухай һанаа үнөөндэ абташоод ябаһан Хорлын сэдхэл баяраар дүүрэхэдэл гэбэ» (Обеспокоенная дальнейшей судьбой обоих сыновей, душа Хорло наполнилась радостью. Затем под милым взглядом Даримы, взяв букет цветов, обнюхала их. — Какие красивые цветы! Какой приятный запах. Дарима, молодец. Тебя... Хорло, не проговорив до конца, намозоленными от ножниц шершавыми ладонями взяла в руки нежные руки девушки) [7, с. 57]. Точно подмечено душевное состояние Хорло, размышляющей о дальнейшей судьбе своих мальчиков. Г.-Д. Дамбаев использует образ цветов как знак внимания, почтительно-уважительного отношения к матери, соблюдения национальных традиций. Состояние радости героини усиливают подаренные Даримой цветы, не случайно повествовательная интонация сменяется восклицательной. Запах цветов обретает глубокий ценностный смысл и актуализирует значимость эпизода. В основе поведения сына Нарана и Даримы национальные традиции, исторически сформированные в бурятской культуре. Любовь и уважение, забота и внимание, чуткость и отзывчивость к матери, семья, преемственность поколений, психологически комфортная атмосфера в семье — эти онтологические и нравственные ценности характерны для их семьи.

Вместе с тем Г.-Д. Дамбаев не скрывает трудностей возникновения тесных душевных контактов между матерью и родным сыном Жаргалом, его женой Баярмой. Автору важно подчеркнуть в своем герое равнодушное, пассивное отношение к матери, которое противоречит нормам нравственности, традициям бурятского народа: «Орхие энэ хөөрэлдөөгөө, та бидэ хоерой шиидхэжэрхихэ асуудал бэшэ! Баярмаагай хэлэгшые зүб гэжэ тоолоод лэ, иимэ хөөрэлдөө дахяад бү дабтая! — гэжэ Жаргал шүдөө үбдэхэндэл уршагад гээд, буруу харашаба» (Оставим этот разговор, этот вопрос мы не разрешим! Не будем возвращаться к нему, посчитав, что Баярма права! — сморщившись, словно от зубной боли, Жаргал отвернулся) [7, с. 88]. Эмоциональный спор о бесполезности изучения бурятского языка, стиль общения, манера поведения Жаргала свидетельствуют об утрате героем духовно-нравственных ориентиров. Бездушное отношение Жаргала и Баярмы к матери приводит к болезненному состоянию последней: «Хорло шанahan эдээнэй үнэр абахадаа ойгоо гутана, толгойнь яншана» (При запахе сваренной пищи Хорло затошнило, голова разболелась» [7, с. 92]. В данном примере чувствительность героини к запаху еды — знак оценки поведения ее родного сына.

В повести Ц. Галанова «Далекая невеста» присутствует мотив воспоминаний. Для героини бабушки Ханды воспоминание — возможность вспомнить прошлое, овеванное запахом тайги, горькой полынь-травы. Запах полыни — это запах малой родины Эгэтэ: «Река воспоминаний выходит из берегов, заполняет ее сознание то прекрасной тайгой, то горькой полынь-травой» [3, с. 347]. Память о запа-

хах прошлого в настоящем дне старой Ханды, вырастившей на берегах реки Эгэтэ четырнадцать детей, восстанавливает волнующие картины ее долгой жизни.

В повести «Совесть» Ц. Галанова состояние «боли потери», пережитой Санданом у могилы одноулусника Даржая, связано с пряным запахом санзая, которым окуривают себя, свое жилище буряты: «Он поднял голову, уловил запах санзая и подумал, что все это ему пригрезилось» [3, с. 499]. При этом благовоние санзая напоминает герою о прошлом, о его судьбе и о друге Бадме, брате Даржая.

В повести Г.-Д. Дамбаева «Гунсыма» распространившийся по дому запах ароматного зеленого чая становится символом уюта и тепла дома: «Уданшьегүй ушааг дээрэ бусалжа байһан ногоон сайн хангал үнэр гэрээр дүүрэжэ эхилбэ» (Вскоре по всему дому распространился запах ароматного зеленого чая, который вскипел на плите) [8, с. 18]. Другой пример: «Шууяа шэмээгүй хүдөө нютагта ер-эхэдээ ханаагаа амаршаһан Гунсэмаа харгын захаар ургаһан үрмэдэнэ хягай хоншуухан үнэртэ сээжээ утуулхадаа, үбһэ сабшаха сагай эхилхые мэдэжэ, голлой хажуудахи сабшалангаа шэртэн хараба» (Приехав в бесшумную сельскую местность, успокоившись, Гунсэма, окуренная растущим вдоль дороги благоухающим запахом полыни, являющимся предвестником наступления сенокосной поры, всматривалась в покос, расположенный около речки) [8, с. 125]. Употребление писателем выражения «хоншуухан үнэртэ сээжээ утуулхадаа» (окуренная благоухающим запахом полыни) дает представление о наступлении сенокосной поры. Главная героиня повести труженица Гунсэма по характерному запаху полыни тонко определяет этот период в жизни сельчан.

Таким образом, ольфакторный подход в произведениях бурятских писателей с его акцентированием семантики характерных запахов национального жилища, степи, земли выражает особенности национального мировосприятия.

Литература

1. Бадмаева О. Б. Ц. Галановой «Саран хүхы» гэжэ туужын гол геройнуудай сэдхэлэй онсо шэнжэ // Филологический сборник. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. 330 с. Текст: непосредственный.
2. Бардамова Е. А. Пространство и время в языковой картине мира бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. 200 с. Текст: непосредственный.
3. Галанов Ц. Р. Время созревания брусники. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. 544 с. Текст: непосредственный. Галанов Ц. Р. Түрэнэн газарай амисхаал. Улаан-Үдэ: «Республикын эблэлэй үйлэдбэри» гэжэ бүлгэмэй хэблэл, 2007. 244 н.
4. Гармаева С. И. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века. Улан-Удэ, 1997. 170 с. Текст: непосредственный.
5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. Москва: Академия, 1998. 432 с. Текст: непосредственный.
6. Дамбаев Г.-Д. Эжын хоёр. Улаан-Удэ: Бурядай номой хэблэл, 1983. 288 н.
7. Дамбаев Г.-Д. Гунсэмаа. Улаан-Удэ: Бурядай номой хэблэл, 1973. 96 н.
8. Данчинова М. Д. Категории пространства и времени в художественной картине мира (в прозе В. Митыпова, романе И. Калашникова «Жестокий век», лирике Б. Дугарова, Г. Раднаевой). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 116 с. Текст: непосредственный.
9. Павлова Н. С. Конкретная лексика с семантическим компонентом «запах» (на материале толкового словаря немецкого языка DUDEN) // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 3. С. 33–45. Текст: непосредственный.

10.Рогачева Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX–XX вв.: проблемы поэтики. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. 403 с. Текст: непосредственный.

Научная статья
УДК 821.512.36
DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-62-66

ОСОБЕННОСТИ РОМАНА «ШУГДЕН» ГУН АЮРЗАНЫ КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА

© **Мунхнаран Тувшинжаргал**

кандидат филологических наук,
Монгольский государственный университет образования
Бага тойруу-14, 8-р хороо, Сүхбаатарский район, г. Улаанбаатар -48, Монголия-210648
munkhnaran@msue.edu.mn

Аннотация: В настоящей статье была поставлена цель выявить современные особенности в жанре романа в монгольской литературе на основе анализа романа «Шугден» известного монгольского писателя Гун Аюурзаны, автора как минимум двенадцати романов. Постмодернистские особенности романа связаны с интригующей темой «монгольское движение в Китае», погружением в незнакомые буддийские идеи Пустоты и Кармы, созданием интеллектуальной атмосферы необычности и загадочности. Загадочное проявляется как в движении сюжета, как в образах и судьбах персонажей, так и в пересечении границ между миром живым и загробным миром. Содержательная многослойность романа, отсутствие определенного авторского вывода оставляют читателю свободное пространство для оценок и суждений.

Ключевые слова: современная монгольская литература, Гун Аюурзана, роман «Шугден», постмодернистский роман, идея пустоты и кармы.

PECULIARITIES OF NOVEL "SHUGDEN" BY GUN AYURZANA AS POSTMODERNIST TEXT

Munkhnaran Tuvshinjargal

Doctor (Ph.D)
Mongolian National University of Education
Baga Toiruu -14, Sukhbaatar duureg, Ulanbaatar, MONGOLIA-210648
munkhnaran@msue.edu.mn

Abstract. Our abstract is primarily focused on the novel "Shugden" by Gun Ayurzana, a well-known author who has been writing successfully in the prose, poetry, and criticism genres since the mid – 1990s and was the author of as minimum 12 novels. Postmodernist peculiarities of novel are specific theme, unknown buddist concepts of Empteness and Karma, atmosphere of unusuality and mystery. These are movement of plot, images and fates of heroes, border crossing between live and afterlife world. Absence of definite author's position permitte reader to form it's own ideas. G. Ayurzana is the most notable, most intriguing, and unusual representative of reformers at all levels of artistic creativity.

Keywords: modern Mongolian Literature, writer Gun Ayurzana, novel "Shugden", post-modern novel, concepts of Empteness and Karma.

Гун-Аажавын Аюурзана является особенным писателем, который художественным мышлением и эстетической концепцией резко выделяется на фоне монгольской литературы новейшего периода.

С середины 1990-х годов он успешно работал сразу в нескольких направлениях, таких как поэзия, литературный перевод, литературная критика, художественное эссе и проза. До 2012 года написал 7 поэтических сборников, два сборника прозы, романы «Магический мираж» (2003), «Снежный роман» (2007), «Долг в десять снов» (2005), «Рожденные эхом» (2007), «Легенда о шамане» (2010). После романа «Шугден» (2012), который и является объектом нашего изучения, были опубликованы еще шесть романов: «Белый, черный, красный» (2014), «Пульсация» (2015)¹, "Мистерия священного Хангая" (2017), "Увидимся вчера, или Монолог покойника" (2021), "Формула духа" (2019), "Их тени длиннее нашей души" (2022). Сам писатель, говоря в 2015 г. о своих романах, замечал, что в каждом романе «пытался коснуться проблем жизни монголов... Хотя в них много традиционных символов, действие этих романов происходит в современности, показана больше городская жизнь, чем традиционный кочевой образ жизни» [8].

Роман Гун Аюурзаны «Шугден» (2012) вызвал довольно большой интерес у читателей, так как содержит в себе особую художественную концепцию.

Что значит Шугден? Это название особенной буддийской святыни, частично соприкасающейся с идеей Бога, которая в настоящее время вызывает немало споров в мире буддийской религии и среди религиоведов. Запрет главой желтой религии XIV Далай-ламой «верить» в данную святыню породил немало споров и догадок. По словам писателя, люди всему дают названия, для того чтобы сформулировать, нащупать неназываемое, неуловимое и совершенно пустое [1, с. 3].

В данном романе говорится о противоречиях в судьбе китайских этнических монголов, в том числе монгольских лам с их религиозными обетами, с — идеологией текущего времени, внутрирелигиозными идейными крайностями и недопониманием между верующими, беспомощностью и даже безысходностью борьбы малых народностей за выживание в контексте китайской великодержавной политики. Тема об этноциде монгольской нации является базовой темой в этом романе. Гун Аюурзана отслеживает сложную судьбу этнических монголов, чья свобода слова ущемляется в закрытом обществе в Китае².

Если коротко говорить о содержании романа, то событийная канва связана с действиями двух персонажей. Прежде всего это герой, находящийся на первом плане, — монгол из Внутренней Монголии, милиционер-кинолог Сэржамц. Второй по значимости персонаж — лама Саманд, близкий друг покойного ламы Дарамбала. Сэржамц дважды выезжает в монастырь Гумбум по делу об убийстве ламы. В первый раз он возвращается оттуда из-за смерти собаки, не раскрыв преступление. Потом по собственному почину вновь едет в монастырь и на этот раз знакомится с ламой Самандом. Там он ведёт расследование, хочет понять

¹ См.: [7].

² Скорее всего писатель учитывал такой исторический факт, как выступление монголов Внутренней Монголии в связи с тем, что в мае 2012 года китайские водители сбили насмерть молодого скотовода по имени Монгол.

причину убийства и в ходе работы начинает вникать в особенности буддийской религии.

История смерти человека связана с кругом политических вопросов, в которые вовлечены не только два ведущих персонажа, но и другие герои, стремящиеся отстаивать права монголов. Дэ Ван, Хүчинтөгс, дедушка Сэржамца, другие члены семьи Сэржамца борются за свои права на родине. Не случайно Сэржамц, уточняя, что борьба между китайцами и монголами начинается с распределения пастбищ, заявляет: «Большинство монголов, боровшихся за монгольскую нацию, пострадало<...> Я заранее знал, что меня ждет. Потому я не сожалею [1, с. 71]». Сам автор об этом пишет так: «Хотя событие разворачивается в Китае, подобное может происходить в любом государстве. При написании романа я руководствовался не антикитайской политикой, а личным взглядом на антидиктаторскую систему и борьбу нации за свободу» [4].

Роман “Шугден” привлекает прежде всего интересной философско-эстетической концепцией Г. Аюурзаны. Писатель как-то говорил: “Я ведь написал этот роман благодаря моему почитанию удивительного содержания двух понятий — Пустоты (Бессущности) и Кармы» [4].

Роман поэтому насыщен буддийскими откровениями, в частности большое внимание уделяется пониманию, интерпретации таких важнейших буддийских понятий, как Пустота (Шуньята) и Карма. Необычные и даже шокирующие суждения рассыпаны по страницам романа: “Если неосторожно сказанная догадка вызывает ссору хотя бы между умершим и живым, то это становится грехом” [1, с. 39]; “Карма начинает созревать раньше, еще до того как мы открыли глаза и зашевелили ресницами” [1, с. 120].

Автор активно размышляет о такой субстанции человека, как душа. Он как бы отказывается от ее определения: “Душа не является реальным органом, который морщится, как кожа на голове. Душа — это ведь всего лишь душа. Её нельзя схватить и привести, погладить и утешить, почесать и успокоиться. Это и есть ее сущность” [1, с. 128], — и одновременно акцентирует ее центральное положение: “В конце концов настоящие приключения разворачиваются в душе человека” [1, с. 249]. “Правда... — если в душе имеешь веру, то нету слов, которых ты не услышишь от Бога... [1, с. 194–195].

Выходя за рамки специфически буддийских понятий, он рассуждает о законе и каре, развитии и пропасти, проблеме просвещения: “Закон, может, и есть сама кара ? Или кто знает, есть что-нибудь лучше кары?” [1, с. 139]. Говорят, что после падения “в пропасть” понимаешь, что пропасть — это еще одна ступенька...” [1, с. 160]. “Смотреть на Землю глазами без сожаления и есть просвещение” [1, с. 329].

Сам интерес к не активным ранее в художественной литературе Монголии философско-буддийским понятиям показывает отход от форм реализма XX века. Более того, в романе наблюдается постмодернистский дискурс с его свободой самовыражения автора. Одна из форм проявления этого — допустимость вроде бы недопустимых, невероятных событий. В восьмой части романа, называемой “Грозный идол, летящий на Гарж”, дух Дарамбала входит в картину на стене, встречается со своей святыней Шугден и о многом разговаривает с ней. Потом святыня уводит его в ад и подсказывает ему его прошлое и будущее. Именно в этой части ярко проявляется иррациональное мышление Гун Аюурзаны — дух

умершего живет в отличных от наших координат пространстве и времени. Можно говорить о формировании метафизического времени и метафизического пространства. Сюжетное событие, которое с определенной долей условности можно приравнять к самой жизни¹, разворачивается в другом времени, другом пространстве и в другой среде — дух Дарамбал несколько тысяч лет томится в аду, потом он перерождается в червя и встречается со своим другом Самандом, но последний не узнаёт его². Это является хождением духа Дарамбала и встречей со своим загробным образом³.

Монгольский литературовед Энхбаяр, говоря о современной литературе, отмечает, что “стали обращать особое внимание на иррациональное мышление в литературе<...>, трансцендентальную сущность вселенной, духовное сознание и неосознанное<...>” [10, с. 203]. Это позволяет описать то, что не поддается обычному человеческому сознанию, “здоровому” уму, научному пониманию.

Идея изменившегося времени и установка на загадочность и сложность приводят к тому, что в романе происходит много трудных для объяснения событий, таких как загадочный сон, в котором Сэржамц видит своего дедушку, ушедшего до его рождения и не вернувшегося в свою семью, или внезапная смерть его любимой сторожевой собаки. Кроме того, постоянно описываются различные загадочные шаманские и буддийские обряды.

Не менее загадочен и главный герой Сэржамц. Его принадлежность к интеллигенции не объясняет типа его личности. Создана установка на закрытость, почти ничего не известно о нем. Мы не узнаем ни того, что он любит, ни того, что вызывает у него сочувствие, чего он желает, к чему стремится. Как будто герой живет в себе и для себя, не касаясь окружающих его людей.

Такая особенность постмодернизма, как интертекстуальность, соотносится с сокрытием смысла, стремлением к выразительному изображению, обилию уподоблений, уступок, сравнений и т.д., которых множество: “Даже тот начальник, который возвысится выше Гималаев, будет испытывать карму!”, “Надо было немного смелости, чтобы получить такую спокойную смерть» [1, с. 47]. “Хотя тень началась с его ног, она свободно текла туда-сюда”, “Тень погасла, словно свет” [1, с. 165], “Смерть будто учится собачьему языку” [1, с. 177], “И в пузыре воды

¹ Ш. Гадамба называет это событием: «Система образного выражения содержания дел, происходящих и изображающихся в произведении, называется событием произведения» [2, с. 41].

² Если сравним с постмодернистским текстом, например, Нины Садур в ее пьесе «Панночка» по мотивам гоголевского «Вия», то там потустороннее начало и земное резко разведены [5, с. 59].

³ В настоящее время понятие о «времени» и «пространстве» сильно изменилось, в том числе благодаря и квантовой физике. Известный ядерщик академик Х. Намсрай в своей статье «Об общей теории строения вещества» пишет: «...В жизни есть две удивительные закономерности. Первая из них световой поток, а вторая — ход времени». И далее он пытается показать связь силы притяжения, электронно-магнитной силы, взаимодействия Юкавы, силы свободного взаимодействия элементарных частиц, что в конечном итоге позволит скоординировать теорию относительности с квантовым или цифровым законом микромира. Как результат, возможно нарушение хода времени, который может либо замедляться, либо ускоряться, либо прерываться, останавливаться, течь в обратную сторону — не от прошлого к будущему, а наоборот, от будущего к прошлому [6].

есть воздух” [1, с. 139]. В конечном итоге все это создает своего рода нелинейный вектор в художественном мышлении и в стиле романа.

Ситуация постмодернистской неопределенности приводит к тому, что автор не отразил свою точку зрения в заключительном выводе, сформировал многоуровневые слои, оставив читателям свободное пространство для их оценок и выводов. Это является одним из основных принципов изображения в постмодернизме, когда читатели должны не только понимать произведение искусства, но целостно воспринимать его, получать или духовное, или гедонистическое удовольствие от него.

Можно сказать, что в последнее время начинает формироваться основа настоящей реформы в художественном мышлении монгольского искусства слова. Ярким этому примером можно назвать роман “Шугден”. Мы согласны с оценкой известного публициста Ж. Гангаа в его рецензии “Доржшүгдэн” о том, что данная книга, возможно, войдет в перечень мировой классической литературы [3, с. 17].

Литература

1. Аюурзана Г. Шүгдэн: роман. Улан-Батор: Мөнхийн үсэг ХХК. 2012. 331 с.
2. Гаадамба Ш. (1989). *Утга зохиолын шинжлэлийн удиртгал*. Улан-Батор: Гос. изд-во, 1989. 271 с.
3. Гангаа Ж. *Доржшүгдэн: рецензия* // *Өдрийн сонин*. 2012. №12 /4142/. Н. 17.
4. Гантулг Ц. «Шүгдэн» романа ажиа гэгээнд зориулсан минь учиртай шүү: интервью // *Өдрийн сонин*. 2012, 6 апреля.
5. Имixelова С. С., Муллина Д. А. Особенности художественного пространства в пьесе Нины Садур «панночка» // *Вестник Бурятского гос. ун-та. Филология*. 2020. № 4. С. 56–61. Текст: непосредственный.
6. Намсрай Х. Об общей теории строения вещества. URL: <https://journal.num.edu.mn/physics/article/view/499> (дата обращения: 20.08.2223). Текст: электронный.
7. Петрова М. П. Проблемы современного монгольского социума в романе Г. Аюурзаны «Пульсация». URL: <https://www.ayurzana.mn/newsView/260> (дата обращения: 20.08.2223). Текст: электронный.
8. Роман монгольского писателя о бурятах. URL: https://newbur.ru/newsdetail/roman_mongolskogo_pisatelya_o_buryatakh (дата обращения: 20.08.2223). Текст: электронный.
9. *Утга зохиол шинжлэл*. Улан-Батор: Жиком пресс. 2021. 766 с.
10. Энхбаяр С. (2011). *Утга зохиолын онол*. Улан-Батор: Жиком пресс. 2011. 436 с.

Научная статья

УДК 81’22

DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-66-71

ПЕРЕДАЧИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕМАТИКИ БУРЯТСКОГО РАДИОКОМИТЕТА

© **Шагдарова Баярма Баторовна**

кандидат исторических наук, доцент журналистики и рекламы,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6а
bayarma70@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика радиопередач литературной тематики начала 1970-х годов. Литературные передачи и в целом художественное вещание в республике имеет глубокие исторические корни. Радиопередачи данного жанрово-типологического содержания сыграли важную роль в расцвете литературного процесса в Бурятии в 1970-е г., повышении культурного и духовного уровня широких слоев радиослушателей. Писатели и поэты республики были близко знакомы с радиокomiteетом, вокруг которого сложились серьезные авторские силы. В их задачи входило создание советского литературного репертуара, отвечающего растущим культурным запросам граждан и отвечающего идеологическим задачам. Радиопередачи литературной тематики нашли свое место в структуре вещательной сетки, обрели свое лицо и особое звучание.

Ключевые слова: радиопередача, радиокomiteет, публицистика, пропаганда, эфир, радиослушатель.

BROADCASTS OF LITERARY SUBJECTS OF THE BURYAT RADIO COMMITTEE

Bayarma B. Shagdarova

Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of Journalism and Advertising of the Institute of Philology, Foreign Languages and Mass Communication of Banzarov Buryat State University
5a Yampilova St., Ulan-Ude 670000, Russia
bayarma70@mail.ru

Abstract. The article deals with the specifics of radio broadcasts of literary subjects in the specific historical period of the early 1970s. Literary broadcasts in general have deep historical roots in the republic. Radio broadcasts of this content played an important role in the flourishing of the literary process in Buryatia in the 1970s, raising the cultural level of radio listeners. The Buryat writers and poets were closely acquainted with the radio committee. Their tasks included the creation of a Soviet literary repertoire that would meet the growing cultural needs of citizens and meet ideological challenges. Literary radio broadcasts have found their place in the structure of the broadcast network, have found their own face and special sound.

Keywords: broadcast, radio committee, journalism, propaganda, air, radio listener.

Радиопередачи литературной тематики занимали заметное место в структуре художественного вещания Бурятского радиокomiteета советского времени. Интерес к началу 70-х годов XX века вызван тем, что микрофонные папки с радиопередачами на русском и бурятском языках начали сохранять в Государственном архиве Республики Бурятия начиная лишь с 1969 г. В данной статье вводятся в научный оборот архивные материалы, которые были обнаружены автором в ходе поисково-исследовательской работы в архиве ГАРБ. Ценнейшие архивные сведения являются документами фонда Ф Р1051 Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров Бурятской АССР. Среди них передачи общественно-политического, музыкального, сельскохозяйственного, детского и художественного вещания. В приведенной ниже собственной сетке радиовещания Республиканского радиокomiteета структура включает утренний и вечерний эфиры.

1 января 1969 г., среда

7.20 — Концерт «Мелодия дружбы».

- 17.10 — Радиопоема для детей на бурятском языке «Танец снежных девочек».
- 17.25 — Концерт кубинской музыки.
- 18.00 — Республиканские известия (на двух языках).
- 18.20 — Концерт бурятской музыки.
- 19.00 — «Украла консула». Народная комедия Г. Мдивани.
- 20.00 — Передачи из Москвы [6].
- 6 января 1969 г., понедельник*
- 7.30 — Передача для работников промышленности
- 8.15 — Наша радиопочта.
- 8.30 — Оркестровые фрагменты из оперетт.
- 18.10 — Передача для детей на бурятском языке. Радиоочерк М. Самбуева «Летят снежинки».
- 18.35 — С. Прокофьев. Соната № 2 для скрипки и фортепьяно. Исполнители Д. Ойстрах и В. Ямпольский.
- 19.00 — Республиканские известия (на двух языках). Материалы с телетайпной ленты на бурятском языке.
- 19.25 — Новые записи эстрадной музыки.
- 19.50 — «Мир за неделю» (на бурятском языке).
- 20.15 — Концерт мастеров искусств. В программе классическая музыка.
- 21.00 — Литературная передача из цикла «Лирическая тетрадь». К 70-летию со дня рождения советского поэта С. Щипачева.
- 21.25 — Концерт произведений бурятских композиторов [6].
- Как видим, 15–25 минут в день посвящалось литературе в различных ее формах. Литературные передачи художественного вещания, вышедшие в эфир с января по май, имели следующее жанрово-тематическое содержание:
1. Литературная передача «Микрофон дружбы».
 2. «Песни надежды» — литературно-музыкальная композиция по стихам негритянских поэтов США.
 3. Литературная передача из цикла «К 25-летию Победы».
 4. Литературная передача «Образ Ленина в фольклоре, литературе и искусстве народов Сибири».
 5. Литературная передача из цикла «Творческие портреты писателей» (к 60-летию Ш. Нимбуева).
 6. Литературная передача из цикла «Новые произведения писателей Бурятии».
 7. Литературная передача. Рассказ М. Шемякина «Хлеб».
 8. Литературная композиция «Я—коммунист».
 9. Радиокомпозиция по книге Грегори «Негр».
 10. Сергей Смирнов. Стихи последних лет.
 11. Литературная композиция «Обязан счастьем я России».
 12. Литературная передача. Радиоспектакль по мотивам повести М. Мильчакова «Расколдованное место».
 13. Передача из цикла «Субботнее чтение».
 14. Радиопостановка по рассказу Л. Н. Толстого «Корней Васильев» [1].

Вообще литературные передачи художественного вещания Бурятского государственного комитета по радиовещанию и телевидению Совета Министров Бурятской АССР берут свое начало во второй половине 1930-х годов, когда заметно возросла роль радио в повышении культурно-политического уровня насе-

ления. «Воспитание масс с помощью радио “в духе высокой революционной сознательности” считалось “важнейшим условием построения социализма, осуществления культурной революции”» [4, с. 148]. В этот период «функции радио-пропаганды распределялись между имеющимися редакциями общественно-политических, музыкальных, сельскохозяйственных, детских и литературных передач, в которые помимо художественных текстов включали политические тексты. Пропагандистская направленность литературных передач также выражалась в тщательном идеологическом подборе литературных произведений для эфира» [4, с. 154].

Место литературных передач в структуре вещательной сетки неоднократно пересматривалось и уточнялось по ряду причин, таких как увеличение объема собственного среднесуточного вещания бурятского радиокомитета, растущие требования к радиопропаганде [10]. Поворотным событием стала реорганизация: 12 июля 1970 г. был издан Указ «О преобразовании Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР в союзно-республиканский Государственный комитет СМ по телевидению и радиовещанию». «Этот Указ должен был засвидетельствовать повышение государственно-политического статуса ТВ и радиовещания, при этом недвусмысленно отодвинув радио на второй план» [5]. Наступление «эры телевидения» отразилось на функциональных и содержательных аспектах радиовещания, однако о характере этого влияния сложно судить лишь на примере литературных передач.

Передачи литературной тематики на русском и бурятском языках выходили в эфир ровно в 21 час, по понедельникам их средний хронометраж достигал 25 минут, в другие дни — до 40 минут [7]. Литературная тематика наряду с музыкальной вызвала живой неподдельный интерес у радиослушателей, близко знакомила их с произведениями советской и бурятской литературы и их авторами. Радиопередачи с участием Исая Калашникова, Даширабдана Батожабая, Дондока Ульзытуева, Цырендулмы Дондоковой, Мэлса Самбуева, Цырена Галанова и др. пробуждали широкий общественный интерес к литературе во всех слоях аудитории. Писатели и поэты, режиссеры и композиторы высоко ценили значение радио в продвижении своего творчества, создании новых художественных произведений, развитии литературного наставничества. Примером талантливого, неординарного радиопублициста был писатель Исая Калашников. Каждое его выступление по радио становилось большим событием для молодых авторов, его коллег по писательскому цеху, почитателей. В 1970-е г. И. К. Калашников возглавлял Союз писателей Бурятии, его выступления по радио и телевидению никого не оставляли равнодушным или безучастным. В одной из таких радиобесед И. К. Калашников обращается к молодым начинающим писателям с мыслями: «В литературе, как впрочем вообще в искусстве, всегда самое трудное — первые шаги. Тут и желание разом сказать о слишком многом; отсюда скороговорка, топорливость, тут и мучительное ощущение малоопытности — отсюда неуверенность в своих силах, робкое, а иногда и рабское следование, подражание великим образцам. Конечно, молодой писатель, если он обладает настоящим дарованием, рано или поздно сам, собственными силами, поставит свой голос. Но такое становление может затянуться на слишком длительный срок, потребовать слишком много труда и усилий. Гораздо быстрее и успешнее молодой писатель проходит путь ученичества в том случае, если старшие товарищи, вооруженные жизнен-

ным и литературным опытом, направляют его усилия по верной дороге, вовремя предостерегают, от ошибок и заблуждений. В писательской среде живет замечательная традиция классика советской литературы Максима Горького, который не жалел ни сил, ни времени, помогая другим. Читателю нет дела до возраста или литературного опыта автора, ему нужно произведение зрелое по мысли, законченное по форме, безупречное по языку и стилю. Видимо, разговор будет о том, что молодые поэты недостаточно активно осваивают темы гражданственности, жгучие темы современности, не воспитывают в себе качества бойца и гражданина, ответственного за все, что делаем сами, за все, что делается рядом с нами. Литературное произведение не фотографическое отражение действительности. Художник выбирает такие моменты в жизни общества, коллектива, человека, когда наиболее ярко, выпукло выявляются основные, глубинные черты явления или характера...» [8].

В рассматриваемый период прокладывает себе дорогу в эфир такая форма, как литературный радиожурнал. В целом радиожурнал всегда занимал одно из ведущих мест в арсенале пропагандистских жанров [3]. Этому, в частности, способствовали функциональные и коммуникативные особенности жанра: хронометраж не менее 40 минут, разнообразие художественных средств воздействия, широкий круг слушателей. Колоритно и эмоционально звучат в радиожурнале звуковые сюжеты, записанные во внестудийных условиях, беседа-интервью у микрофона, страничка о поэтическом радиовечере, встречи с поэтом или писателем в радиостудии [2]. Эти признаки отличали литературный радиоальманах на русском языке «Саяны», который появился в эфире бурятского радиокomiteта в 1971 г. Один из его первых выпусков прозвучал в эфире 26 апреля. В приветственном обращении ведущий радиожурнала, поэт Михаил Шиханов сразу же знакомит слушателя с его жанром и тематикой:

«Добрый вечер, друзья!
В эфире радиоальманах «Саяны!»

На его страницах вы услышите сегодня публицистическое выступление писателя Никифора Рыбко. Для вас прозвучат новые стихи Дондока Ульзытуева. Вы познакомитесь с новостями литературной жизни республики. Мы расскажем вам о новой книге Бурятского книжного издательства. И расскажем о народных театрах. Вы встретитесь с героями народной сказки, записанной Филиппом Балдаевым» [9].

Поэтическую страничку радиожурнала слушатели ждали с особым волнением, поскольку им предстояла встреча с новым произведением, на этот раз прозвучало стихотворение Д. Ульзытуева в переводе поэта М. Шиханова.

«Не причем сиятельный всевышний —
Землю отчую благодарю.
Что на свет явился я в год мыши
По бурятскому календарю.
Половодье. Дикой кобылицей
Мчал Хилок среди скал и среди стволов,
На макушках восседали птицы —
Я позднее в них узнал орлов.

А в воде барахталось зверье-
Погибали зайцы и лисицы.
На неожиданном пиршестве своем
Клокотали радостные птицы.
А затем река угомонилась
и в пологие вместилась берега.
Словно неожиданная милость —
В зелени и степи и тайга.
Зацвела повсюду ая-ганга
И крапива буйно зацвела.
Но еще не вспыхнула саранка,
Как жарынь убийцею пришла.
Ая-ганга отгорела зорькой, —
Лишь крапива не роняла цвет,
Да полынь росла, сухой и горькой ...
В этот год явился я на свет.
Земляков моих житейский опыт
Перелился в малого меня,
Коль поныне я боюсь потопа
И боюсь всесветного огня.
Стихии... я боюсь поныне
Но себя надеждой светлой тешу...
Золотой ищущу я середины,
Золотого правила ищущу» [9].

В заключение следует сказать о том, в архивных материалах ГАРБ сохранилось не так много микрофонных папок самих радиопередач бурятского радиокomiteта. Огромный пласт культурного радионаследия, в том числе литературного, безвозвратно утрачен. Однако этот факт не мешает нам предположить, что радио в «эпоху телевидения» 1970-х г. оставалось интересным, востребованным СМИ, сумело найти свое место в системе средств массовой коммуникации.

Литература

1. Бурятское радио и телевидение // Программа радиопередач и телепередач. Улан-Удэ, 1970. Текст: непосредственный.
2. Тихонов О. Н. История создания и развития радиожурнала «Между Волгой и Уралом» // Ученые записки КазГУ, 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 2. С. 221–225. Текст: непосредственный.
3. Тихонова О. В. Радиогазета «“Всем! Всем! Всем!” в мае 1925 г.: содержательный аспект» // Вестник МГУ. Журналистика. 2019. С. 97. Текст: непосредственный.
4. Цуканова М. И. Первые десятилетия Воронежского радио: строительство станции, радиофикация области и роль радио в политическом просвещении воронежцев // Радио: начало истории (к 120-летию: сборник научных статей). Москва: Ф-т журн. МГУ, 2017. С. 140–155. Текст: непосредственный.
5. Шерель А. А. Радиожурналистика. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/46.htm> (дата обращения: 24.05.2023). Текст: электронный.
6. ГАРБ. Ф Р1051. Оп. 1. Д. 723. Л. 2.
7. ГАРБ. Ф Р1051. Оп. 1. Д. 941. Л. 56.
8. ГАРБ. Ф Р1051. Оп. 1. Д. 914. Л. 2.
9. ГАРБ. Ф Р1051. Оп. 1. Д. 928. Л. 16.
10. ГАРБ. Ф Р 1051. Из Описи.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Научная статья
УДК 378,8:811.611
DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-72-79

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В МИНИАТЮРАХ ОЛЬГИ СЕРОВОЙ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К ЕГЭ

© **Винокурова Наталья Александровна**
учитель русского языка и литературы,
Шпалозаводская СОШ
Россия, 671332, с. Новоильинск
vinokurova.natasha2011@yandex.ru

Аннотация. В статье речь идет о богатстве выразительных языковых приемов и способов в лирических миниатюрах бурятской писательницы Ольги Васильевны Серовой. Представлены примеры использования писательницей художественно-выразительных средств языка на фонетическом, лексическом и стилистическом уровнях (звукоподражания, эпитеты, сравнения, метафоры, синонимы, антонимы однородные члены предложения, лексические повторы). Даны примеры из тренажера для подготовки одиннадцатиклассников к заданию 26 ЕГЭ по русскому языку (миниатюры «Волшебная палитра», «Сибирский кедр», «Старая береза»).

Ключевые слова: Ольга Серова, лирическая миниатюра, изобразительно-выразительные средства языка, задание 26 ЕГЭ по русскому языку.

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION IN MINIATURES BY OLGA SEROVOY AS MATERIAL FOR PREPARATION FOR THE USE

Natalya A. Vinokurova
Teacher of Russian language and literature
Shpalozavodskaya secondary school
Novoilinsk, Zaigraevsky district, Republic of Buryatia, Russia
vinokurova.natasha2011@yandex.ru

Abstract. The article deals with the wealth of expressive language techniques and methods in the lyrical miniatures of the Buryat writer Olga Vasilievna Serova. Examples of the use of artistic and expressive means of the language by the writer at the phonetic, lexical and stylistic levels (onomatopoeia, epithets, comparisons, metaphors, synonyms, antonyms, homogeneous sentence members, lexical repetitions) are presented. Examples are given from the simulator for preparing eleventh-graders for task 26 of the Unified State Examination in the Russian language (miniatures "Magic Palette", "Siberian Cedar", "Old Birch").

Keywords: Olga Serova, lyrical miniature, figurative and expressive means of the language, task 26 of the Unified State Examination in the Russian language.

В литературе Бурятии есть целая плеяда талантливых творцов, замечательных мастеров художественного слова, внесших огромный вклад в развитие литературы Бурятии. Одно из имен, по праву стоящее в числе лучших авторов литературы Бурятии, — Ольга Васильевна Серова (1914–1996).

Лирическая миниатюра О. Серовой посвящена сибирской природе, земле прибайкальской, Байкалу. Исследователь творчества писательницы А. К. Паликова справедливо заметила, что «Море-озеро — доминирующий субъект в циклах миниатюр писательницы» [5]. Сама писательница во вступительном слове к циклу миниатюр «Только красота» осмысляет природу как красоту: «Писатель призван воспроизводить в своем творчестве красоту, ибо красота приобщает к радости, а радость активизирует все силы человека, как и любовь, которую излучает любящий человек, могущий при этом обнять весь мир» [8, с. 133].

Для излюбленного жанра миниатюр О. В. Серовой весьма важна фонетическая, лексическая и стилистическая выразительность, создаваемая с помощью разных способов. Начнем с более простого в структурном отношении уровня — фонетического.

Фонетические средства выразительности работают на мелодичность и сладкозвучие. В первой строфе миниатюры «Дикая яблонька» мелодию создает обилие гласных звуков: [о, а, е, у]. *«Встала она поутру радехонько, умылась студеной водицей из ключа, повязалась бледно-розовым платочком, а в выбившихся волосах еще дрожат капли воды»*. Для второй и третьей строфы характерно наличие гласных [а, о, у, е] в сочетании с сонорными, полногласие: *«От каждого слова случайно оброненного юношей, при жарком его взгляде краснеет яблонька и опускает глаз. Но, ни как невозможно не взглянуть на её розовое личико, не сказать ей ласкового слова. Все любят яблонькой, а она как чистосердечна, что не знает, до чего хороша»*.

Используется и звукоподражание, имитирующее звуки, издаваемые живыми существами или стихийные проявления природы: *«Дзинь-дзинь! Кап-кап! Вот так приветствовали друг друга мартовские капли...»* («О чем звенят капли»). Благодаря этому читатель не просто представляет картину, но получает возможность слышать ее.

На уровне лексической выразительности О. Серова обращается к эпитетам, сравнениям, метафоре, синонимам, антонимам.

Обращение О. Серовой к эпитетам диктуется необходимостью в деталях обрисовать не только внешний вид предмета, но и его внутреннее состояние, выразить чувство, отношение к нему, показать, что предмет имеет душу: *«с душой прямой, бесхитростной и смелой»*, *«над верным сердцем кедра»*, *«могучих ветвей»*, *«честного гнева»*. Выразительность эпитета в том, что можно проникнуть в суть описываемого явления. Чаще других в миниатюрах Серовой наделяются эпитетами существительные *озеро, небо, ветер, вода, волна, воздух, сосна, кедр, облака, капелька, лед*.

Какие эпитеты даются образу Байкала? Помимо констатирующих эпитетов и их вариантов *древний, седой, прозрачный, изумрудно-прозрачный, замерзший, хрустально-чистый, атласный, серебристый* даются эмоционально-оценочные эпитеты: *славный, возрожденный, могучий, суровый, таинственный, великий, величественный, необозримый*. Они и создают лирическое настроение.

Используя в лирических миниатюрах прием олицетворения, О. В. Серова следует традициям Пришвина и Тургенева. Благодаря этому приему природа наделяется категорией одушевленности. Особенно это ярко проявляется в миниатюрах, рассказывающих о деревьях. Серова сравнивает ольху с цыганкой: *«вольная и независимая»*. Ольха любит *«носить длинные сережки»*, *«рядиться в листья узорчатые»* («Ольха»). *«Верба резвая, веселая...»* — словно говорит — *«...люблю танцевать, резвиться, петь...»* («Верба»). В миниатюре «Сибирский кедр» читатель вообще забывает, что речь идет о деревьях: поскольку речь идет о «живых» героях: *«Деревья посмеиваются над верным сердцем кедра, но громко побаиваются судачить, опасаясь могучих ветвей великана и его честного гнева»*. Вообще О. В. Серова очеловечивает все деревья, пишет о них как о живых существах: *«береза — мечтательница»*, *«осина — первая рассказчица»*, *«кедр — богатырь»*.

Необходимо отметить, что тесная связь приема олицетворения с приемом сравнения является одной из особенностей творческой манеры О. В. Серовой. У сосны, например, на закате *«и ствол и ветви словно наливаются алой кровью и кажутся светящимися, как пальцы человеческих рук...»*. Лунная дорога трепещет *«в черном глянце широкого, как море, озера»* («Мудрая сосна»). Картину заката рисует писательница в миниатюре «Волшебная палитра»: *«смелыми, густыми мазками, точно крылья чаек, исполненные движения и силы, вдруг устремились ввысь синие сполохи»*. Неявными сравнениями являются следующие примеры: *«Ишь, какое море-то наше страшное, все равно покойник!»* («Скорей бы!»); *«Байкал удивлен своим... безмятежным покоем великана»* («Уснувший великан»).

Таким образом, сравнения в рассмотренных миниатюрах выполняют различные стилистические функции, основными из которых являются функция создания образности, функция эмоциональной и интеллектуальной оценки, экспрессивная функция.

Метафора занимает особое место в палитре изобразительных средств языка Ольги Серовой. Автор часто прибегает к метафоре как средству изобразительности, подвергая метафорическому уподоблению названия живых существ и природные явления.

Чаще всего автор использует метафоры при описании различных деревьев. Деревья в лирических миниатюрах Серовой метафорически уподоблены людям: *«Долго еще будут румяниться осины и манить в горы»*. Слово *«румяниться»*, присущее описанию поведения девушек, употребляется здесь при описании осины. Или другой пример: *«красавица рябина возле могучего кедра вся пламень»*. Обратим внимание на словосочетание *«вся пламень»*. На первый взгляд, это сочетание должно указывать на цвет листвы, ее окраску. Однако происходит метафоризация, и это словосочетание указывает на чувство горячей любви рябины к кедру.

Интересна в данном плане лирическая миниатюра «Игра с морозом», где Серова рисует прибрежные деревья как *«гирлянды застывших брызг постоянного шквала»*. К этому прибавляется еще и образ создателя при помощи переноса по признаку: сравнивающий его с создающим человеком. *«В утренние и вечерние зори переливаются огнями хрустальные дворцы, ажурные цепи мостов, разные беседки, арки и гrotы, диковинные парки, великолепные статуи»*. *«До января*

будет играть озеро-море с морозом, и строить свои дворцы» («Игра с морозом»).

В миниатюрах Ольги Серовой часто используются синонимы. О Байкале: *«даже в солнечный день в нем что-то холодное, металлическое»*. Отличие синонимов в эмоционально-экспрессивной окраске, когда слово *«металлическое»* несет более насыщенное качество Байкала. *«Наверное, оно родилось от понятия тени, прохлады»* («Багрянец осени»). В данном случае контекстуальные синонимы также отличаются экспрессивной окраской, и слово *«прохлада»* усиливает экспрессивное значение слова *«тени»*. Что касается антонимов, то в большинстве своем они разнокорневые: *«В утренние и вечерние зори переливаются огнями хрустальные дворцы...»* («Игра с морозом»). *«Но если уж возненавидит, то насмерть, как полюбит — на всю жизнь»* («Сибирский кедр»).

Все лексические средства выразительности помогают автору создать мир богатый оттенками, нюансами, деталями, наполненный подчас символичностью.

Большую роль в лирических миниатюрах О. Серовой играют и синтаксические средства выразительности: однородные члены предложения, лексические повторы. Однородные члены предложения семантически разнообразны. *«Деревья терпят и дикий осенний ветер, и ледяные брызги прибоя»* («Лиственница»). *«Верба мчится к своим юным подругам поиграть с ветром и солнцем, попить свежей воды, позабавиться и весенним дождем, а на закате, когда поплывут розовые облака, спеть песню о радостях жизни»* («Верба»). *«Да разве то была обычная лужа, в которую засмотрелись вербовый куст, сосновое нагорье, небеса, солнце?!»* («Таинство»).

Достаточно часто используется лексический повтор, всегда привлекающий внимание к значимым идеям и чувствам, в том числе с помощью эмоциональных обертонов. *«коршун, широко распластав свои крылья, и кружит, и кружит...»* («Полет»). *«ты чувствуешь так близко-близко чистые истоки вечной жизни»* («Дыхание гор»).

Таким образом, анализируя тексты миниатюр Ольги Серовой с точки зрения использования автором художественно-выразительных средств языка, мы можем говорить о возможности изучения языковых средств выразительности на художественном материале миниатюр писательницы как материале для подготовки к заданию 26 ЕГЭ по русскому языку.

В нашей работе мы представили тренажер для подготовки к данному заданию. Тренажер был представлен на методическом объединении учителей-словесников МБОУ «Шпалозаводская СОШ» села Новоильинск Заиграевского района Республики Бурятия и апробирован учащимися 11-х классов указанной школы. Тренажер предназначен для проверки навыка работы по выявлению образительно-выразительных средств языка. Состоит из двух частей: упражнения для тренировки, ответы. Тексты миниатюр даны в приложении.

Приводим задание, связанное с миниатюрой «Волшебная палитра» (текст здесь и далее смотри в Приложении).

Упражнение. Ольга Васильевна Серова, посвятившая немало произведений озеру Байкал, в своей лирической миниатюре восхищается многообразием красок и оттенков воды священного озера. Эмоциональное, неравнодушное отношение автора выражено с помощью таких синтаксических средств, как (А) _____ (предложение 7) и (Б) _____ (предложение 8). Такой троп, как (В)

_____ («смелыми, густыми мазками, точно крылья чаек» в предложении 10), усиливает образность текста. А использование такого тропа, как (Г) _____ (предложения 11, 12), передаёт восхищение от увиденного.

Список терминов:

- 1) риторический вопрос
- 2) термины
- 3) метафора
- 4) олицетворение
- 5) диалектизм
- 6) вводное слово
- 7) парцелляция
- 8) восклицание
- 9) сравнительный оборот

Ответ: 1893

Задание к миниатюре «Сибирский кедр» звучит так:

О. В. Серова выражает свою мысль с помощью таких лексических средств, как (А) _____ («прямой, бесхитростной и смелой» в предложении 8) и (Б) _____ («возненавидит» — «полюбит» в предложении 11). Передать точнее мысли и чувства публицисту помогает такой троп, как (В) _____ (предложение 4)». Автор рассказывает о том, что деревья живут своей жизнью, особенной. Этим обусловлено появление в тексте такого тропа, как _____ (в предложении 14).

Список терминов:

- 1) риторический вопрос
- 2) сравнение
- 3) метафора
- 4) олицетворение
- 5) диалектизм
- 6) антонимы
- 7) парцелляция
- 8) восклицание
- 9) контекстуальные синонимы

Ответ: 9624

Одним из интересных текстов является миниатюра «Старая берёза», задание к которой сформулировано следующим образом:

Миниатюра Ольги Серовой — это исключительные по своей глубине размышления. Используя такие лексические средства, как (А) _____ (предложение 11), писательница подчеркивает необходимость сохранения природы не только как красоты, но и как исторической памяти. Эмоциональная вовлечённость автора в проблему текста подчеркнута таким синтаксическим средством, как (Б) _____ (в предложении 10). Убедительность и эмоциональность авторской речи придаёт троп (В) _____ («как молния, полёта ласточек» в предложении 6). Говоря о красоте берёзы, О. В. Серова использует такое лексическое средство, как (Г) _____ («старое» — «прекрасное», предложение 5).

Список терминов:

- 1) общественно-политическая лексика
- 2) сравнение

- 3) метафора
 - 4) олицетворение
 - 5) диалектизм
 - 6) контекстные антонимы
 - 7) эпитет
 - 8) восклицание
 - 9) контекстные синонимы
- Ответ: 1826

Эти три миниатюры и другие тексты О. В. Серовой позволяют школьникам разобраться с особенностями изобразительно-выразительных средств языка и успешно выполнить задание по ЕГЭ.

Литература

1. Будаин Б. Б. Природа и человек в лирических миниатюрах О. Серовой // Бурятская литература в условиях современного социокультурного контекста: материалы региональной научной конференции (27–28 ноября 2006 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. Ч. 1. С. 96–100. Текст: непосредственный.
2. Голубев Е. Ольга Серова. URL: <http://library.kabansk.org/literaturnaya-karta/person/olga-serova> (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
3. Паликова А. К. С открытым сердцем. Предисловие к книге «Не гаси улыбку»: лирические миниатюры и очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. 136 с. Текст: непосредственный.
4. Паликова А. К. Две встречи. Две судьбы: (О. Серова и Е. Хоринская): учебное пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 125 с. Текст: непосредственный.
5. Паликова А. К. Лирические миниатюры писателей Бурятии. URL: <http://www.edge-baikal.ru/node/196> (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
6. Серова О. Светлое око Сибири: очерки и лирические миниатюры. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 196 с. Текст: непосредственный.
7. Серова О. Не гаси улыбку: лирические миниатюры и очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. 136 с.
8. Серова О. Только красота: миниатюры // Байкал. 1992. № 4. С. 133. Текст: непосредственный.
9. Холмогорова О. Сохраним Байкал вместе // Бурятия. 2007. 16 октября. Текст: непосредственный.
10. Чойнжурова Ю. Ж. Особенности миниатюры в творчестве О. В. Серовой // Литературное образование в национальных образовательных структурах: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию высш. образ. в Республике Бурятия (28 марта 2002 г. Улан-Удэ, 2002). С. 77–83. Текст: непосредственный.

Приложение

Миниатюра «Волшебная палитра»

1) Знойная пора коротка на Байкале, и поэтому её здесь принимают как редкостный дар. 2) В солнечный день, в штиль, Байкал изумрудно-голубой. 3) Ближние горы покрыты густой дымчатой синью, а дальние напоминают цвет незабудок. 4) В течение дня на озере много раз меняются оттенки. 5) Прозрачность воздуха, лесистость гор, туманы, ветры — вот что создаёт многоцветность воды и быструю смену её настроений. 6) И каждый раз, взглядываясь в вечернее небо, я думаю, где тот художник, который мог бы высказать себя только в одном

чередовании красок и оттенков, в гармонии света и тени. 7) Где картина заката, что купается в прозрачных водах озера, взгляд на которую заставил бы признать настоящую красоту? 8) Нет такой картины! 9) Всё любовно принимает цвета заката: воздух, леса и горы, дома и чумазные баркасы, и пароходы на пристани, и глаза девушек-рыбачек. 10) На волшебной палитре смешались все тона, и я не смогла уследить момент, когда смелыми, густыми мазками, точно крылья чаек, исполненные движения и силы, вдруг устремились ввысь синие сполохи. 11) Все краски волшебной палитры застыли в ожидании. 12) Последним разлился янтарно-жёлтый цвет.

Миниатюра «Сибирский кедр»

1) Сибирский кедр живёт по горным таёжным склонам. 2) Он высок, прямостволен. 3) Хвоя его напоминает сосновую, но куда длиннее и совсем мягкая. 4) На солнце длинная шелковистая хвоя кедра блестит, искрится, как мех баргузинского соболя. 5) Поздней осенью щедро дарит кедр человека вкусным орехом. 6) Кедровые ветви наклоняются от тяжёлых шишек, а пронесётся ветер, и посыпятся они с кедра. 7) Во мху или между глянцевиных листьев бадана лежит шишка, такая ядрёная, тёмно-фиолетовая, с каплями светлой смолы на чешуйках. 8) Кедр — богатырь, с душой прямой, бесхитростной и смелой. 9) Он воплощение щедрости, добродушия и могучей силы. 10) От силы своей и широты душевной не помнит мелких обид, не знает чувства раздражения и мелкой мести. 11) Но если уж возненавидит, то насмерть, как и полюбит — на всю жизнь. 12) В его жизни одна незаживающая рана — любовь к белоствольной берёзе. 13) Но какая-то странная сила, неведомая людям, разъединила их сердца. 14) Деревья посмеиваются над верным сердцем кедра, но громко побаиваются судачить, опасаясь могучих ветвей великана и его честного гнева.

Миниатюра «Старая берёза»

1) Когда я приезжаю в Максимиху — этот благодатный край на берегу Славного моря, то, как с добрыми друзьями, иду поздороваться с особо любимыми мною местами. 2) Одно из них — кусочек байкальского побережья, где на пригорке растёт очень старая берёза, которой, наверное, далеко за двести лет. 3) Дерево уже дуплисто, испещрено чёрными отметинами, но его высокий ствол, раскидистые ветки с трепещущей на ветру листвой делают его прекрасным. 4) Берёза стоит одиноко, но одиночество не её символ. 5) Нет, это старое, но прекрасное дерево гармонично слито со всей жизнью озера-моря и его побережья. 6) Берёза неотделима от сверкающей лазури вод, их пенистых игривых волн, рыбацких баркасов, точеных граней полуострова, от пронзительно-призывного крика чаек, стремительного, как молния, полёта ласточек и плавного парения коршуна. 7) Около берёзы проходят отдыхающие в пансионатах или садятся отдохнуть в её тени, и каждый любит её. 8) Одно, только одно это дерево являет собой неотъемлемое украшение всей части берега. 9) Хочется добавить, что берёза живёт около старого Баргузинского тракта, в других местах уже исчезнувшего. 10) Так сколько историй за свои годы видело это старое дерево, сколько былей помнит! 11) Видело оно, как летели почтовые тройки с бубенцами, тянулись из-

возы, шли, гремя кандалами политические ссыльные — декабристы, народо-вольцы, большевики, помнит оно красных партизан, красногвардейцев, отстоявших жизнью свою Советскую власть. 12) Поэтому я прихожу к моей любимой берёзе с тревогой: уж не случилось ли чего с деревом. 13) Ведь его может повалить ураган, удары молнии, бездумно срубить лесник в санитарной рубке. 14) Хранить, почитать нам надо старую берёзу на берегу Байкала, у старого Баргузинского тракта, ибо она — это не только памятник красоты природы нашей, но и живой памятник истории.

Научная статья

УДК 378.016:811.161.1

DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-79-85

**КАК ПОСТРОИТЬ УРОК РКИ ПО ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
(ИДЕИ УРОКА С ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ
НЕФТЕГАЗОВОГО ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ)**

© **Даолисэнь**

магистрант,

Института филологии иностранных языков и массовых коммуникаций

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

dolsonserennimyn@gmail.com

© **Улазаева Галина Васильевна**

кандидат филологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

ulazaevagv@bsu.ru

diskurs@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению эффективных способов развития коммуникативных умений иностранных учащихся на занятиях по русскому языку в условиях вузовского обучения. Авторы разделяют мнение о том, что уроки РКИ с использованием технологии эдьютейнмент являются привлекательными для учащихся. Представляется, что эдьютейнмент как одна из черт современной образовательной парадигмы, основанная на концепции обучения через развлечение и подразумевающая ориентированность на решение актуальных практических задач с помощью интерактивных технологий обучения и привлекательного цифрового контента, является эффективным инструментом обучения. С целью апробации идей эдьютейнмента авторами был подготовлен и проведен цикл уроков по языку специальности (нефтегазовый профиль) с китайскими студентами-стажерами. Интерактивный формат взаимодействия преподавателя и учащихся, применение на уроках игровых технологий, привлечение необычного учебного материала повышают мотивацию иностранных учащихся.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, язык специальности, средний и продвинутой этапы обучения, коммуникативные навыки, игры, эдьютейнмент.

RFL LESSON PLANNING FOR OIL AND GAS PROGRAM STUDENTS

© **Daolisen**

undergraduate of Institute of Philology,
Foreign Languages and Mass Communication of Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

© **Galina V. Ulazaeva**

Candidate of Philological Sciences,
associate Professor, Russian as a foreign language department of Institute of Philology,
Foreign Languages and Mass Communication
of Banzarov Buryat State University
24a, Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of effective ways of developing communicative skills of foreign students in the Russian language classes in the conditions of university education. The authors share the opinion that Russian as a foreign language lessons using edutainment technology are attractive to students. It seems that adjudication, as one of the features of the modern educational paradigm, based on the concept of learning through entertainment and implying a focus on solving actual practical problems using interactive learning technologies and attractive digital content, is an effective learning tool. In order to test the ideas of edutainment, the authors prepared and conducted a series of lessons in the language of the specialty (oil and gas profile) with Chinese student interns. The interactive format of interaction between the teacher and students, the use of gaming technologies in the lessons, and the involvement of unusual educational material increase the motivation of foreign students.

Keywords: Russian as a foreign language of specialty, intermediate and advanced stages of education, communication skills, games, edutainment.

В настоящей работе предпринята попытка построить урок РКИ с китайскими учащимися-стажерами нефтегазового профиля, обучающимися в Бурятском государственном университете. Урок по языку указанной специальности рассчитан на учащихся среднего и продвинутого этапов обучения по актуальной для данного контингента теме.

Мы считаем, что обучение через развлечение может способствовать интенсификации учебного процесса, повышению его эффективности и качества. Одна из черт современной образовательной парадигмы, основанная на концепции обучения через развлечение и подразумевающая ориентированность на решение актуальных практических задач с помощью интерактивных технологий обучения и привлекательного цифрового контента, это эдьютейнмент. Разберемся с данным термином. Термин «эдьютейнмент» образован из двух английских слов «entertainment» — развлечение и «education» — обучение.

Мы разделяем мнение исследователей о том, что технология «эдьютейнмент» имеет достаточно большой потенциал в организации учебного процесса в университете. Приведем некоторые мнения о данной технологии.

«Игровое и развлекательное обучение приобретает особую актуальность в связи с тем, что, в отличие от старшего поколения, современные студенты предпочитают иные способы получения информации» [9, с. 30].

О. М. Железнякова и О. О. Дьяконова пишут: «Эдьютейнмент — это особый тип обучения, который основывается на развлечении и формировании первично-

го интереса к предмету, дальнейшем привлечении с получением удовольствия от процесса обучения и конечном увлечении со стойким интересом к процессу обучения» [7, с. 67].

Н. А. Кобзева дает такое определение: «Edutainment — это технология обучения, рассматриваемая как совокупность современных технических и дидактических средств обучения, которая основана на концепции обучения через развлечение» [8, с. 194].

Э. Н. Гимадиева, Л. Л. Салехова на основе изученной литературы по данной теме делают вывод, что характерной особенностью технологии эдьютейнмент является создание развлекательно-образовательной среды с привлечением современных компьютерных и мультимедийных средств [2, с. 928].

Мы разделяем мнение исследователей о том, что использование элементов развлечения в образовательной среде представляется одним из эффективных средств формирования коммуникативных навыков.

Рассмотрим стратегии в преподавании в соответствии с этой концепцией:

- интерактивный формат взаимодействия;
- вовлечение студента в активный познавательный процесс;
- применение игровых технологий;
- привлечение интересного, увлекательного, необычного по содержанию и форме учебного материала;
- связь обучения с интересами учащихся;
- использование аутентичных текстов для работы над формированием языковых и речевых навыков [9].

С целью апробации идей эдьютейнмента нами были подготовлены и проведены уроки по языку специальности (нефтегазовый профиль) с китайскими студентами-бакалаврами. Мы работали с текстовыми материалами «Что такое нефть?», «Значение нефти и газа», «Теории о происхождении нефти» из пособия Ермаковой Е. В., Константиновой О. В., Муравьевой А. А. «О нефти по-русски» [5]. Традиционные предтекстовые и послетекстовые задания были разработаны с опорой на идеи, формы эдьютейнмента. Представляем фрагменты предложенных упражнений. Укажем, что на уроках были организованы две команды с использованием рандомайзера, этот инструмент позволил быстро и объективно разделить студентов на две группы. Дух соревновательности, атмосфера взаимодействия всегда присутствуют в командной работе, это создает дополнительный стимул для успешного решения поставленных задач. Преимуществом выполнения упражнений в команде является то, что студенты сообща повторяют изученный материал, могут обсуждать, спорить, учатся прислушиваться друг к другу, взаимодействовать, уважать чужое мнение, учатся быть решительными, ответственными. Работа в команде, несомненно, дает каждому раскрыть свой потенциал, продемонстрировать свои знания и опыт. На данных уроках работали эксперты из числа студентов, выбранных группой.

Цель предтекстовых заданий, как известно, состоит в снятии прежде всего лексико-грамматических трудностей при работе с текстом.

Игра «Самый быстрый переводчик». Задание: найдите соответствия. Эксперты оценивали, насколько точен был перевод, кто быстрее справился с этим заданием.

1) жидкость	а)
2) смесь	б)
3) топливо	в)
4) сырьё	г)
5) углеводород	д)
6) сера	е)
7) кислород	ж)
8) азот	з)
9) химическое соединение	и)

Игра «Знаю грамматику». Задание: напишите, от каких глаголов образованы данные существительные.

Соединение, происхождение, образование, накопление, сгорание, использование, производство, воздействие.

Эксперты оценивали, насколько правильно было выполнено задание, кто быстрее справился с этим заданием.

Послетекстовые задания, как известно, направлены на закрепление изученного материала, на контроль понимания содержания текста. На этом этапе нами были предложены упражнения следующего характера.

Игра «Облако». Это известный сейчас сервис, используемый на уроках РКИ. Он связан с визуализацией, наглядностью при работе над текстами, например, на этапе обобщения и контроля. Работа с облаком слов дает возможность учащимся сконцентрироваться на изученном материале, на изученной теме, проверить себя, свои знания, свою память. Мы использовали сервис <https://wordcloud.pro/ru>.

Студентам было предложено по данным ключевым словам, словосочетаниям составить текст и защитить его. Эксперты оценивали выступление по следующим параметрам: содержательность, логичность, точность, развёрнутость.

Игра «Шляпа». Задание: начните любое предложение из изученных текстов, а ваш соперник закончит его. Предложения, написанные на листочках, вытягиваются из шляпы.

Основные химические элементы, входящие в состав нефти, это

Нефть — это основной источник

По плотности нефти делятся

По химическому составу нефти делятся

Трудно представить себе жизнь современного человека без нефти, потому что

Нефть и газ широко используются для производства

Отрасль химии, занимающаяся производством продуктов из нефти, называется

Известны три основных направления использования нефти. Назовите одно из них. Например, нефть используется

Эксперты оценивали точность, правильность ответов.

Игра «Да или нет». Данное упражнение предлагалось выполнить студентам на электронной платформе MOODLE (отметим, что все студенты с начала обучения в нашем университете зарегистрированы на соответствующих курсах на указанной платформе). Выигрывает та команда, участники которой дали больше всего правильных ответов. Эксперты оценивали точность, правильность ответов.

1. *Нефть известна человеку около 3 000 лет. (Да/нет)*
2. *Нефть — основа «жизни» техники, механизмов. (Да/нет)*
3. *Нефть относится к горючим веществам. (Да/нет)*
4. *С помощью 100 г нефти можно вскипятить 100 л воды. (Да/нет)*
5. *В нефти есть только сера, кислород, азот. (Да/нет)*
6. *Нефти различаются по своему составу и свойствам в зависимости от места добычи. (Да/нет)*
7. *По плотности нефти делятся на лёгкие и тяжёлые. (Да/нет)*
8. *В одной капле нефти содержится более 90 химических соединений. (Да/нет)*
9. *Существует 3 основных направления использования нефти. (Да/нет)*
10. *В настоящее время выделяют органическую, неорганическую и химическую теории происхождения нефти. (Да/нет)*
11. *По мнению Михаила Васильевича Ломоносова, органические материалы преобразовались сначала в уголь, а потом в нефть и газ. (Да/нет)*
12. *Иван Михайлович Губкин является сторонником теории органического происхождения нефти. (Да/нет)*
13. *Дмитрий Иванович Менделеев выдвинул научно обоснованную теорию неорганического происхождения нефти. (Да/нет)*
14. *Специалисты-нефтяники разделяют теорию неорганического происхождения нефти. (Да/нет)*
15. *Все отрасли нефтяной и газовой промышленности тесно связаны между собой. (Да/нет)*

Игра «Интервью». Студентам предлагалось взять интервью у члена команды соперников. Команды сами выбирают своего «корреспондента» и своего «собеседника». Задание: Вы — журналист. Возьмите интервью у члена другой команды.

— Известно, что о происхождении нефти существуют разные теории. Какую теорию, как специалист в этой области, Вы разделяете?

— ...

На наш взгляд, уроки с использованием форм технологии эдьютейнмента были достаточно эффективными, наблюдался устойчивый интерес студентов к изучению предложенной темы в течение цикла уроков, усвоение учебного материала было продуктивным. Сделаем вывод о том, что технологии эдьютейнмента дают возможность разнообразить учебный процесс, сделать его привлекатель-

ным для студентов, повышают мотивацию при изучении русского языка, при изучении, в частности, трудных тем по языку специальности.

Итак, мы видим преимущества обучения через развлечение. Безусловно, все преподаватели комбинируют традиционные методы обучения с современными методами, среди которых интерактивные технологии. На наш взгляд, интерактивный формат взаимодействия преподавателя и учащихся, применение на уроках игровых технологий, привлечение необычного учебного материала помогают мотивировать иностранных учащихся изучать русский язык, способствуя тем самым развитию и совершенствованию их коммуникативных умений.

Подчеркнем, задачей рассматриваемой технологии является не просто развлекать учащихся, а поддерживать их интерес к изучению русского языка, способствовать обеспечению получения удовольствия от уроков. Учащиеся учатся в интересной игровой форме обрабатывать предлагаемую информацию на русском языке, ищут и находят решение поставленных вопросов, учатся взаимодействовать с другими участниками игры. Как справедливо указывает Н. Н. Толстова, «при умелом сочетании традиционного и инновационного можно добиться значительных положительных результатов» [10, с. 211]. По мнению Н. В. Гончаренко, О. П. Игнатенко, «включение таких элементов развлечения, как фильмы, видео, игры, мультимедийные компьютерные и интернет-технологии становится необходимым компонентом повышения качества учебного процесса в языковом образовании, в частности в преподавании РКИ» [4, с. 51].

Литература

1. Берджес Д. Обучение как приключение: как сделать уроки интересными и увлекательными. Москва: Альпина Паблишер, 2017. 238 с. Текст: непосредственный.
2. Гимадиева Э. Н., Салехова Л. Л. Реализация технологии эдьютейнмент при обучении студентов — будущих учителей английского языка иноязычному аудированию // Педагогика. Вопросы теории и практики. Theory & Practice (online). 2022. Т. 7. Вып. 9. С. 927–934. Текст: непосредственный.
3. Глазунова О. И. Программа по русскому языку как иностранному. Москва: Русский язык, 2017. 216 с. Текст: непосредственный.
4. Гончаренко Н. В., Игнатенко О. П. Роль технологии эдьютейнмент в повышении качества преподавания русского языка иностранным студентам-медикам // Актуальная педагогика. 2017. № 1. С. 50–56. Текст: непосредственный.
5. Ермакова Е. В., Константинова О. В., Муравьева А. А. О нефти по-русски: пособие для иностранных учащихся по обучению языку специальности (нефтегазовый профиль). Книга для преподавателя. Москва: Русский язык, 2011. 104 с. Текст: непосредственный.
6. Ермакова Е. В., Константинова О. В., Муравьева А. А. О нефти по-русски: пособие для иностранных учащихся по обучению языку специальности (нефтегазовый профиль). Книга для студента. Москва: Русский язык. Курсы, 2011. 120 с. Текст: непосредственный.
7. Железнякова О. М., Дьяконова О. О. Сущность и содержание понятия «эдьютейнмент» в отечественной и зарубежной педагогической науке // Alma Mater. 2013. № 2. С. 67. Текст: непосредственный.
8. Кобзева Н. А. Edutainment как современная технология обучения // Ярославский педагогический вестник. (Психолого-педагогические науки). 2012. Т. 2. № 4. С. 192–195. Текст: непосредственный.
9. Купина М. Е. Повтор-гезитация и повтор-коррекция в речи иностранцев на русском языке // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып. 2. С. 9–15. Текст: непосредственный.

10. Сапух Т. В. Применение технологии «эдьютейнмент» в образовательной среде университета // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. № 8(173). С. 30–34. Текст: непосредственный.

11. Толстова Н. Н. Опыт применения технологии эдьютейнмент в обучении языку специальности абитуриентов из стран СНГ на подготовительном факультете // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 208–212. Текст: непосредственный.

Research Article

UDC 821.161.1

DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-85-90

NETFLIX AS A TOOL OF TEACHING VOCABULARY

Gulmira B. Madiyeva

Doctor of Philology, Professor, scientific supervisor

Al-Farabi Kazakh National University.

71 Al-Farabi Avenue, 050040 Almaty, The Republic of Kazakhstan

gbmadiyeva.kz@gmail.com

Aida Ar. Temirkhanova

master student,

Al-Farabi Kazakh National University

71 Al-Farabi Avenue, 050040 Almaty, The Republic of Kazakhstan

temirkhanovvaaida@gmail.com

Abstract. The article deals with different methods of teaching students new vocabulary and ways of increasing their vocabulary in the process of learning a foreign language in the most effective way. Based on the analysis of already available research results on the chosen topic the authors develop their own methods capable of making the process of memorizing easier and more associative, special attention is paid to memorizing words in a certain context. Considering the individual characteristics of the learners, the authors propose a learning scheme that is universal in its approach and will suit students with both visual and auditory types of memory.

Keywords: Netflix, vocabulary, glossary, tools, foreign language teaching.

НЕТФЛИКС КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ

© **Мадиева Гульмира Баянжановна**

доктор филологических наук, профессор, научный руководитель

Казахский национальный институт имени аль-Фараби,

Республика Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71

gbmadiyeva.kz@gmail.com

© **Темирханова Аида Арсеновна**

магистрант,

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

Республика Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71

temirkhanovvaaida@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются различные методики по обучению студентов новой лексике и способы расширения их словарного запаса в процессе

изучения иностранного языка наиболее эффективным образом. На основе анализа уже имеющихся результатов исследований по избранной теме авторы разрабатывают собственную методику, способную сделать процесс запоминания более легким и ассоциативным, особое внимание уделяется запоминанию слов в определенном контексте. Учитывая индивидуальные особенности обучающихся, авторы предлагают схему обучения, которая универсальна в своем подходе и подойдет студентам как с визуальным, так и с аудиальным типами памяти.

Ключевые слова: нетфликс, словарный запас, глоссарий, инструменты, foreign language teaching.

Language is first and foremost a means of communication, and it is a great asset to understanding and communicating with millions. In today's world, the key to opening many doors and opportunities is mastery of English, which is spoken in most countries. And while it is possible to learn the language on your own, learning it with a qualified teacher is more relevant than ever. This is because, although textbooks and explanatory websites are now readily available, not every student is suited to self-study. English language learning emphasizes the student's need to master communication in this language, because it is difficult for them to study, since not everyone manages to use a correct technique to learn content, less to have a fluent communication, they need dedication and study to overcome difficulties in their training [1]. This is exactly what a teacher can help with, and here are some reasons to study with a teacher:

1. a structured syllabus, with a predetermined number of hours allocated to each topic and a strict schedule of classes not to be skipped;
2. feedback and correction of all errors, which facilitates rapid progress in language learning;
3. help in understanding difficult grammatical topics, turning passive vocabulary into active vocabulary through conversation practice.

The choice is so wide that it is sometimes difficult for the student to decide. Each teacher offers a different methodology, but the main goal is always to teach the student to speak. Grammar structures, listening, writing, and reading skills combine to give the student all the knowledge and skills they need to develop the spoken language everyone wants. An important element is a vocabulary, which can be developed at any level of proficiency.

According to the Merriam-Webster dictionary, "vocabulary is a sum or stock of words employed by a language, group, individual, or work or in a field of knowledge" [2]. In the early 20th century, John Dewey (1910) stated that vocabulary is critically important because a word is an instrument for thinking about the meanings which it expresses. Vocabulary has long been an important topic in middle grades education, but today it could be considered a hot topic (Cassidy & Cassidy, 2003/2004) [3]. Due to the increased importance of grammar, vocabulary was often neglected, leaving many students with a lack of vocabulary. This made it very difficult to communicate because even with all the grammatical constructions, one cannot express oneself freely without knowing the necessary words. Therefore, the communicative approach to language teaching has become more relevant these days, aimed primarily at expanding the vocabulary and using it effectively in oral speech, in a wide range of contexts and situations.

What is vocabulary learning?

Vocabulary learning is a continual process of encountering new words in meaningful and comprehensible contexts (Harmon et al., 2009) [3]. Given the difficulties of vocabulary learning in a second or foreign language (L2), along with the obvious necessity of trying to overcome them, one would expect that vocabulary instruction would be at the top of the agenda for language teachers. However, the opposite is often the case. Vocabulary is not explicitly taught in most language classes, and students are expected to "pick-up" vocabulary on their own without any guidance. Courses on reading, writing, speaking, listening, grammar, and culture are common in L2 programmes, but very few vocabulary courses exist [4]. It would be more appropriate to think of vocabulary as a separate language skill that needs to be carefully studied both within and outside the other skills. Vocabulary learning should not be an automatic and passive process consisting of memorizing separate words without understanding them in context and not being able to use them in the required situation. As a rule, this way of vocabulary learning is meaningless because it engages short-term memory but not long-term memory. In order to actually remember words for a long time, one must learn them in the context of ready-made phrases and write their own sentences with them. Making examples activates the brain and forces the student to link words together, thereby triggering logic. It is believed that learning new words takes place through a variety of techniques. Moreover, it was revealed that learners use more types of strategies for learning vocabulary than for reading, listening, speaking, and writing [5].

What are vocabulary learning techniques?

The most popular ones are considered to be flashcards, word grouping, and visual imagery. The flashcard technique involves at least three components: writing down (copying) the L2 word on the front of a card, writing the word's L1 meaning on the back, and then using the card to become familiar with the new word and its meaning. The technique of word grouping involves dividing a longer word list into new, shorter lists by classifying or reclassifying the target language terms according to one or more important attributes. In this way, some degree of context is created. Word grouping establishes new groups or sets of words which hang together because of some common theme or characteristic, unlike the generally unorganized, decontextualizing word lists described earlier. Visual imagery is a very useful semi-contextualizing aid for learning L2 vocabulary. The use of visual imagery for vocabulary learning is based on making associations between a picture and a word. The theory on which this technique is founded is that most learners are capable of associating new information to concepts in memory by means of meaningful visual images, and that visual images make learning more efficient [4].

In addition to the above, there are other techniques such as sources. Here the student has to analyze the structure of words by comparing different parts of speech. Analyzing word parts is a useful strategy, because being familiar with the stems and affixes can provide useful for seeing connections between related words, checking guesses from context, strengthening form and meaning connections, and in some cases working out the meaning of a word [6]. Another effective strategy is planned learning or deliberate word choice. Learners should know what their vocabulary goals are and choose what vocabulary to focus on in terms of their selected goals. What is more, learners should also have a clear strategy for deciding what vocabulary to focus on and where to find this vocabulary. When learning vocabulary, choosing certain aspects of a word (usually meaning but for listening and writing, the form of word is also necessary to

pay attention to) to focus on and using various strategies can make the learning process more efficient [6].

Digital tools for learning vocabulary

In the age of modern technology, in addition to paper knowledge carriers in the form of books, there are websites and various platforms that provide access not only to word lists, video, and audio materials but also to tests and even flashcards. Nowadays, you don't have to print them at all, it is enough to use a special service, for example, Quizlet. Quizlet is a website that allows users to learn vocabulary by means of flashcard sets using a variety of game — like learning tools. It is also available for Android and iOS, allowing users to use it anytime and anywhere. Quizlet has been reported to have some virtues as well as shortcomings in its implementation. It gives advantages in terms of learners' performance, engagement, autonomy, interests, and motivation [7].

In addition to flashcards, students play digital games to help them learn new vocabulary effortlessly. The use of digital games as a learning tool and game - like formats could be more effective at capturing learners' attention than traditional media such as textbooks (Wood, 2001). Teaching vocabulary through the use of games is beneficial as games provide enjoyment and interest in learning (Bakhsh, 2016). Studies carried out with young learners of English as a foreign language show that using digital games during classes has a positive impact in the acquisition of vocabulary. A study carried out by Peterson (2013) resulted that kindergarten children who were taught vocabulary using digital games achieved more compared to the children learned through regular curriculum [8].

Wang and Shih (2015), for instance, used mobile vocabulary learning application in their study and concluded that experimental group scored significantly better than the control group who used paper-based learning materials. A good example of mobile applications is WhatsApp, a free mobile messenger application that allows its users to exchange texts, as well as multimedia both in one-to-one and group conversations, and make calls. Being one of the most popular and widely used messenger applications, it is also available for all mobile platforms (IOS, Android, Windows Mobile, Symbian, etc.) [9]. This method of vocabulary expansion is unusual and non-obvious, but effective, as confirmed by research.

Lawrence (2014) also used WhatsApp groups in order to introduce vocabulary items before reading texts to a group of five undergraduate learners of Afrikaans. For a 7 week-long period, the researchers sent messages to the group that introduced target words with translations and different types of media such as sound or image. Content of the messages were further elaborated in each following course and students' knowledge was tested. The author concluded that WhatsApp is an effective tool for providing outside-the-classroom opportunities to practice vocabulary especially for weak students; however, content of the messages should be carefully planned [9]. All of the above studies demonstrate the effectiveness of digital tools in helping students learn new words. In addition to generating high interest among students, the interactive format is also adapting to the needs of today's students. Due to the high consumption of content on platforms like TikTok, the attention span has significantly decreased. This means that it has become more difficult to get people interested, and even more difficult to keep their attention. However, the game form does an excellent job at both.

Learning vocabulary through Netflix

Learning new words with the help of TV series has long been a trend in foreign language learning, but it's only recently on Netflix specifically. The service is convenient because it offers a wide range of both films and series, with or without subtitles. The platform also features exclusive content that can only be found on Netflix. The convenience of the website is that it offers the user a selection of series according to genre and interest, and also notes which episode they've stopped at.

Research in this area has been done more than once, and each time it has proved the effectiveness of Netflix as a tool for memorizing new words. For the most part, the technique works when students watch shows with subtitles rather than without them. The students in Bianchi and Ciabattini's (2008) study who used L1 captions and L2 captions were found to make more significant improvements on long-term vocabulary acquisition than those who used no captions while viewing movies. In another study, Peters, Heynen, and Puimège (2016) examined L1 and L2 captions in two exploratory experiments. The first experiment focused on form recognition and meaning recall of aural vocabulary. It was found that caption type did not predict meaning recall but that L1 captions better promoted form recognition. In their second experiment, which examined form recognition and meaning recall of written vocabulary, positive effects for captions were found in form recall but not form recognition [10]. It should be noted that by watching the series subtitled in the original language, students not only memorize the pronunciation of words but also pay attention to their spelling at the same time.

Authors' methodology involving teaching vocabulary through Netflix

In this article, the authors propose their own ways of improving existing techniques to make learning new words through Netflix series even easier and more effective, and they include:

- 1) a website for students to find pre-recorded videos with selections of useful words by topic. For example, slang expressions, idioms, everyday English, business English and so on, depending on the series and the students' goals;
- 2) glossaries on popular TV series, and in several variations, at once. Words can be grouped according to the part of speech, or the topic they refer to. For students' convenience, glossaries should include words from a particular series and not exceed the number 50;
- 3) interactive tasks for each episode of the selected series. For example, link words with their translation or definition, connect two parts of an idiom, find synonyms to a phrase, and so on;
- 4) articles with series lists, which are already categorized by level, from Elementary to Advanced;
- 5) dialogues from the series in the form of audio materials which look like podcasts and are accompanied by tasks. For example, insert missing words from the heard dialogue.

Conclusion

As demonstrated above, there are many techniques for remembering new words, but at the moment there is no comprehensive and universal technique that is both interactive and engages different types of memory at the same time. This requires the development of a Netflix series website with the above tools to be a useful resource for teachers and students, and to complement the actual watching of the series. The authors believe it can not only speed up the learning process but also make it more relevant by

using modern English, which is much more common in newer TV series than in older textbooks.

References

1. Venecia T. R. Self-Learning Techniques to Contribute to the Learning of the English language of the Students, 2019. P. 2.
2. Merriam-Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/vocabulary>.
3. William P. Bintz, Teaching Vocabulary Across the Curriculum — Middle School Journal, March 2011. P. 44–45.
4. Rebecca Oxford, David Crookall, Vocabulary Learning: A Critical Analysis of Techniques — TESL CANADA JOURNAL/REVUE TESL DU CANADA VOL. 7, NO.2, MARCH 1990, p. 9, 12, 14, 16–17.
5. Rezvan Ghalebi, Firooz Sadighi, Vocabulary learning strategies: A comparative study of EFL learners — Cogent Psychology (2020). P. 3.
6. Ying He, A Study of L2 Vocabulary Learning Strategies. P. 15–16.
7. Agung Ginanjar Anjaniputra, Vina Aini Salsabila, THE MERITS OF QUIZLET FOR VOCABULARY LEARNING AT TERTIARY LEVEL — Indonesian EFL Journal. Vol. 4(2). July 2018. P. 2.
8. Esin Hazar, Use of Digital Games in Teaching Vocabulary to Young Learners — Educatia 21 Journal. (19) 2020. Art. 12. P. 101.
9. Ahmet Basal, Selahattin Yilmaz, Asli Tanriverdi, & Lutfiye Sari, Effectiveness of Mobile Applications in Vocabulary Teachin. P. 50.
10. Gilbert Dizon, John M. Gayed, An exploratory study on the use of interactive video via Netflix to improve second language aural vocabulary learning. P. 103.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Предисловие	4
ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ	
<i>Исаков А. В.</i> Иноязычные включения в текстах бурятской литературы	6
<i>Джунгурова В. Н.</i> Овцеводческая лексика в калмыцком языке	11
<i>Телякова В. М.</i> Сравнение в тексте «Муки смертные» шорского писателя Ю. С. Тотыша	17
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<i>Цыбденова Б. Ж.</i> Языковая политика семьи для межпоколенческой трансляции родного (этнического) языка	25
<i>Манджиева Ц. Д.</i> Языковая биография калмыков: историческая память	30
<i>Чэнь Цзяньцзе.</i> Преподавание русского языка в Китае: исторический аспект	35

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Предисловие	41
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ	
<i>Новокрещенных Е. Г.</i> Лирический и автобиографический герои Я. П. Полонского	42
<i>Гаврилова Л. И.</i> Венеция в литературно-критическом сознании писателей русского зарубежья: В. Ф. Ходасевич, П. П. Муратов	47
<i>Васильева С. В.</i> Бродячий сюжет в бурятских волшебных сказках	52
<i>Бадмаева О. Б.</i> Ольфакторный подход в бурятских повестях (на примере повестей Ц. Галанова, Г.-Д. Дамбаева)	57
<i>Мунхнаран Тувшинжаргал.</i> Особенности романа «Шугден» Гун Аюрзаны как постмодернистского текста	62
<i>Шагдарова Б. Б.</i> Передачи литературной тематики Бурятского радиокomiteта	66
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
<i>Винокурова Н. А.</i> Языковые средства выразительности в миниатюрах Ольги Серовой как материал для подготовки к ЕГЭ	72
<i>Даолисэнь, Улазаева Г. В.</i> Как построить урок РКИ по языку специальности (идеи урока с иностранными учащимися нефтегазового профиля обучения)	79
<i>Gulmira B. Madiyeva, Aida Ar. Temirkhanova.</i> Netflix As A Tool of Teaching Vocabulary	85

CONTENTS

PART ONE

Preface	4
---------	---

LANGUAGE STUDY IN THE ASPECT OF MODERN HUMANITARIAN KNOWLEDGE

<i>Alexandr V. Isakov</i> Foreign Language Inclusions In The Text Of Buryat Literature	6
<i>Valerie N. Dzhungurova</i> Sheep Vocabulary In The Kalmyk Language	11
<i>Vera M. Telyakova</i> Comparison In The Text "Mortal Torments" By The Shor Writer Yu. S. Totysh	17

PROBLEMS OF VITALIZATION OF LANGUAGES IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

<i>Bairma Zh. Tsybdenova</i> Family Language Policy For Intergenerational Transmission of Native (Ethnic) Language	25
<i>Mandzhieva Ts. Dambaevna</i> Language Biography Of The Kalmyks: Historical Memory	30
<i>Chen Jianjie</i> Teaching Russian In China: Historical Aspect	35

PART TWO

Preface	41
---------	----

ACTUAL ASPECTS OF LITERARY TYPOLOGY

<i>Elena G. Novokreschennykh</i> Lyrical And Autobiographical Heroes Of Y. P. Polonsky	42
<i>Larisa Iv. Gavrilova</i> Venice In The Literature And Critical Consciousness Of Russian Abroad Writers: V. Khodasevich, P. Muratov	47
<i>Sofya V. Vasilyeva</i> . A wandering plot as a means of comprehending a single picture of the world	52
<i>Olga B. Badmaeva</i> . Olfactor Approach in Buryat Stories (By The Stories Of Ts. Galanov, G.-D. Dambayev)	57
<i>Munkhnaran Tuvshinjargal</i> Peculiarities Of Novel "Shugden" By Gun Ayurzana As Postmodernist Text	62
<i>Bayarma B. Shagdarova</i> Broadcasts Of Literature Subjects Of The Buryat Radio Committee	66

LINGUODIDACTIC ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

<i>N. A. Vinokurova</i> . Language Means Of Expression In Miniatures By Olga Serova As Material For Preparation For The Unified State Exam	72
<i>Daolisen, Galina V. Ulazaeva</i> . RFL Lesson Planning For Oil And Gas Program Students	79
<i>Gulmira B. Madiyeva, Aida Ar. Temirkhanova</i> . Netflix As A Tool of Teaching Vocabulary	85

Научное издание

**ЛИНГВИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ЛИНГВОДИДАКТИКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

**Функционирование и развитие языков
в условиях контактирования**

(Улан-Удэ, 26–27 апреля 2023 г.)

Типология художественных традиций в литературе

(Улан-Удэ, 30–31 марта 2023 г.)

Редактор
Д. Ш. Харанутова

Компьютерная верстка *Т. А. Олоевой*

Св-во о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 06.11.2023. Формат 70x108 1/16. Тираж 100.
Усл. печ. л. 8,05. Уч.-изд. л. 7,9. Заказ 116. Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
rio@bsu.ru

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а